

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ В. Ѡ. ОДОЕВСКАГО.

=

Multum magnorum virorum iudicio
credo, aliquid et meo vindico.

SENECAE Ep. XLV. 3.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—

РАЗСКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ОПЫТЫ РАЗСКАЗА О СТАРИННЫХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНИЯХЪ.
СМѢСЬ.

=

Изданіе книгопродавца Мванова.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

=

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С Петербургъ, Января 20 дня 1844 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

I.

РАЗСКАЗЫ

ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

СВИДѢТЕЛЬ.

(П О С В. А. И. К О Ш Е Л Е В У.)

.... Я выскочилъ изъ коляски и цаловалъ родную землю. Звонъ русскаго православнаго колокола вывелъ меня изъ этого чувства самозабвенія, которое находить на душу при видѣ отчизны, особливо послѣ десятилѣтней съ нею разлуки. Невдалекъ, на пригоркѣ бѣлѣлись стѣны монастыря. Забывъ усталость, я бросился въ отворенныя врата храма, не съ холоднымъ любопытствомъ путника, но какъ младенецъ бросается въ объятія матери. Это испытали всѣ послѣ долгой разлуки съ родиною.

Всенощная отошла. Сквозь полукруглыя окна проходили длинные, багровые лучи заходящаго солнца. волновались въ облакахъ церковнаго ѳиміама, и рядами ложились на свѣтлую позолоту иконостаса — какъ долгая, горькая, взволнованная кровавыми страстями молитва, достигшая наконецъ

Скинїи Завѣта души человѣческой. Свѣжій, вечерній воздухъ проникалъ въ растворенныя двери. Міряне начали выходить изъ церкви; за ними черною полосой потянулась монастырская братія. Я стоялъ неподвижно; опустѣлый храмъ мнѣ казался еще величественнѣе, еще благодатнѣе. Его видъ наводилъ тѣ мысли, которыя исчезаютъ среди толпы, въ жизни мятежной, которыхъ не можетъ уловить слово, но которыя такъ внятно говорятъ сердцу. Почти неслышный шорохъ заставилъ меня замѣтить, что я не одинъ. Въ отдаленномъ углу я замѣтилъ монаха, распростертаго на хладномъ помостѣ. Невольное любопытство заставило меня также остаться въ церкви. Наконецъ отшельникъ всталъ; лицо его освѣтилось лучами солнца.

Незнакомецъ, казалось, также узналъ меня. Мы сошлись ближе. «Ты ли эти, Ростиславъ?»

— Ты ли это, Григорій? — и мы бросились другъ другу на шею. Я узналъ стараго товарища по службѣ, стараго товарища моего дѣтства.

«Что значить твое платье? Что значить твое блѣдное, изнывшее лицо? Ты ли это, удалой гусарь, украшеніе петербургскихъ баловъ?»

Монахъ не отвѣчалъ ни слова, вздохнулъ глубоко и повелъ меня въ свою келью. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

«Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда въ чужіе края, я отправился въ отпускъ къ роднымъ; въ семьѣ я нашелъ матушку, уже очень слабую и больную;

моего младшаго брата я почти не узналъ: въ его возрастъ человѣкъ такъ быстро перемѣняется, — а я уже лѣтъ пять не видалъ его; теперь ему было около семнадцати лѣтъ; онъ былъ прекрасенъ собою и самаго милаго юношескаго характера. Матушка не хотѣла отпускать его; она его одного изъ всѣхъ дѣтей кормила сама, а ты знаешь, что это обстоятельство производитъ между матерью и дѣтьми какую-то таинственную, неразрывную, почти физическую связь, которая усиливаетъ въ высшей степени и безъ того горячее материнское чувство, и не проходитъ съ лѣтами. Вячеславъ совсѣмъ-было согласился на желаніе матери. Но когда онъ увидѣлъ мой блистательный мундиръ, мои усы, наслышался моихъ розказней о полковомъ, пріятельскомъ кругѣ, о театрѣ, о всѣхъ наслажденіяхъ петербургской жизни, — онъ позабылъ просьбы матери, свои обѣщанія, и сталъ неотступно просить у нея позволенія вступить въ военную службу. Я присоединилъ къ его просьбамъ мои; я представилъ матушкѣ всѣ выгоды, которыя ему доставитъ этотъ родъ жизни; напоминалъ ей, что мы будемъ другъ другу подпорою; обѣщалъ быть при Вячеславѣ неотлучно, быть для него не только братомъ, но отцомъ. Послѣ долгой борьбы, матушка однажды наединѣ подозвала меня къ своимъ кресламъ и сказала: «Я не могу больше противиться вашимъ просьбамъ. Я не хочу, чтобы дѣти мои могли когда либо обвинять меня въ томъ, что я помѣшала ихъ счастію въ жизни. Возьми Вячеслава съ собою; но, Ростиславъ, не

радуйся моему согласію : ты не знаешь, какую отвѣтственность я на тебя налагаю ; если бы я могла отъ креселъ дойти до кареты, я поѣхала бы съ вами, но это было бы бесполезно ; для меня, старухи, все равно 700 верстъ, или семь сажень — мнѣ за вами не угнаться ; я была бы вамъ только помѣхою въ жизни, а ты знаешь, что я не принадлежу къ числу тѣхъ матерей, которыя, по какому-то эгоизму, любятъ держать дѣтей своихъ возлѣ себя на привязи, хотя и увѣрены, что имъ собою надоѣдаютъ. Теперь слушай : Вячеславъ дитя ; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, не знаетъ ни людей, ни жизни, но ты, Ростиславъ, ты уже не ребенокъ : ты перешелъ это время страшнаго кризиса, когда въ головѣ человѣка нѣтъ ни одной собственной мысли, когда онъ не можетъ себѣ дать ни въ чемъ отчета, когда каждое слово, погромче другаго произнесенное, можетъ совратить его съ прямаго пути. Ты естественно будешь имѣть сильное вліяніе надъ твоимъ братомъ ; еще долго онъ будетъ думать твоею головою, чувствовать твоимъ сердцемъ, жить твоею жизнію. Береги себя, береги его. Я не прійму отъ тебя никакихъ оправданій : что онъ сдѣлаетъ, въ томъ ты будешь виноватъ передо мною ; въ твоихъ сношеніяхъ съ братомъ ты долженъ все предвидѣть, все предупредить, и въ его поступкахъ ты мнѣ дашь отвѣтъ, и въ сей и въ будущей жизни.» Эти слова до-сихъ-поръ звучатъ въ моемъ слухѣ. Матушка была растрогана — я также! Я въ душѣ былъ твердо убѣжденъ, что ея

довѣренность ко мнѣ не напрасна, и далъ ей страшную клятву исполнить ея священный завѣтъ.

«Срокъ моего отпуска приблизился, мы вырвались изъ объятій матушки. Вячеслава я уложилъ въ коляску почти безъ памяти : онъ плакалъ какъ ребенокъ.

«Я не буду описывать тебѣ первыхъ годовъ нашей петербургской жизни. Я не могъ жаловаться на Вячеслава : онъ былъ немножко вѣтренъ, но за то сохранилъ всю дѣвственность души, столь рѣдкую нынѣ между молодыми людьми ; бездѣлица его огорчала, бездѣлица его же веселила ; онъ былъ весь наружу, говорилъ все, что ему ни приходило въ голову ; въ веселую минуту прыгалъ по столамъ и стульямъ, въ грустный часъ не могъ удержаться отъ слезъ ; иногда по цѣлымъ часамъ бѣгалъ по комнатамъ съ Боксеномъ, молодою лягавою собакою ; я тогда говаривалъ, что они любили другъ друга по симпатіи характеровъ, ибо одинъ былъ такой же бѣшенный, какъ другая. Въ-самомъ-дѣлѣ, Боксенъ, неприступный даже для меня, позволялъ Вячеславу дѣлать съ собою все, что приходило въ его вѣтреную голову, и когда, бывало, они вмѣстѣ разыграются, надобно было имѣть все мое хладнокровіе, чтобы или не расхохотаться, или не разсердиться не въ шутку ; но признаюсь, мнѣ больше нравилось дѣтское простодушіе моего брата, нежели ранняя расчетливость нѣкоторыхъ изъ его товарищей, которые, казалось, были дипломатами

еще въ колыбели. Я познакомилъ его со многими домами; возилъ на балы; онъ танцевалъ усердно, съ полнымъ, искреннимъ удовольствіемъ; его веселый, открытый видъ не могъ не нравиться: дамы волочились за нимъ безъ всякаго милосердія, принимая его за настоящаго ребенка, а онъ, проказникъ, какъ говорится — *faisait le gros dos*. Я любовался, смотря на него, какъ отецъ на свое дитя.

«Наконецъ наступилъ давно, нетерпѣливо ожидаемый день: Вячеславъ былъ произведенъ въ корнеты; изобразить его радость невозможно; незнакомый съ чиннымъ притворствомъ нынѣшней молодежи, онъ безпрестанно вертѣлся передъ зеркаломъ, то той, то другой стороною, чтобы лучше видѣть свои эполеты; потомъ, то бросался обнимать меня, то надѣвалъ трехугольную шляпу, то таскалъ Боксена за лапы. «Ты знаешь ли, Боксепъ,» говорилъ онъ, «что я теперь корнетъ? Понимаешь ли ты это? — Знаешь ли, что ты теперь будешь ходить по Невскому Проспекту со мною, съ господиномъ корнетомъ?».... И, казалось, Боксенъ понималъ его; по крайней мѣрѣ, махалъ хвостомъ, и отвѣчалъ на слова Вячеслава громкимъ лаемъ. Всѣ эти простыя происшествія нашей тогдашней жизни, всѣ слова Вячеслава такъ живы въ моей памяти.

«Слеза скатилась съ рѣсницъ отшельника; онъ глубоко вздохнулъ, призадумался, вѣроятно, для того, чтобы собрать свои мысли, и наконецъ продолжалъ:

«У одного изъ нашихъ товарищей, Вецкаго, былъ старшій братъ, служившій въ статской служ-

бъ. Я очень любилъ его ; онъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своему уму, но отъ роду я не видывалъ человѣка болѣе неловкаго : онъ былъ физически какой-то недоносокъ , и потому очень слабого здоровья. Онъ имѣлъ сознаніе своего физическаго безсилія, и потому не позволялъ себѣ никакого удалства, даже никакого гимнастическаго упражненія. Онъ ходилъ медленно, осматривая каждый шагъ свой ; ѣздилъ верхомъ такъ, что кавалеристу нельзя было смотрѣть на него безъ смѣха, и когда молодежь гарцовала на горячихъ скакунахъ, онъ боязливо освѣдомлялся, какая лошадь смиренѣе, и тщательно осматривалъ, хорошо ли подтянута у ней подпруга. Къ тому же, онъ имѣлъ какой-то недостатокъ въ выговорѣ, который заставлялъ его говорить протяжно, почти заикаясь. Можешь себѣ представить дѣйствіе, которое онъ производилъ въ кругу молодыхъ, ловкихъ кавалеристовъ, полныхъ жизни и отваги, часто доходившей до безразсудства. Вецкій былъ хорошій товарищъ ; его любили, но всякій почиталъ обязанностію трунить надъ нимъ, надъ его нѣжнымъ сложеніемъ, неразвязностью, надъ его осторожностью, которая часто походила на боязливость. Вецкій сносилъ все эти насмѣшки съ величайшимъ хладнокровіемъ ; иногда отдѣльвался умной шуткой, иногда самъ съ другими смѣялся надъ собою, но чаще не зналъ что отвѣчать на неожиданныя вылазки, ибо, казалось, и умственныя его способности были такъ же неразвязны, какъ тѣлесныя. Онъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ людей, которыхъ легко сбить съ толка, забросавъ ихъ словами, и которые, часто, никакъ въ первую минуту не найдутся. Но такое состояніе было неприятно Вецкому, хотя онъ и старался скрывать гнѣвъ свой подъ всегда спокойною, холодною наружностію; видно было, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не терять власти надъ собою, приговаривая съ улыбкою, что ему сердиться *нездорово*. Съ нѣкотораго времени, я замѣчалъ, что братъ мой больше всѣхъ трунить надъ Вецкимъ, но мы всѣ такъ уже привыкли смѣяться надъ нашимъ *фрачникомъ*, такъ привыкли видѣть въ немъ забавное препровожденіе времени, что я не обращалъ на поведеніе моего брата особеннаго вниманія; оно всѣмъ намъ казалось такъ естественнымъ. Дѣло было въ томъ, какъ я послѣ узналъ, что Вячеславъ приревновалъ Вецкаго къ одной красавицѣ, которой, по странному капризу, больше нравился нашъ неловкій чудакъ, нежели мой ловкій, прекрасный кавалеристъ.

«Новые офицеры должны были, что говорится, *спрыснуть свои эполеты*; они разобрались днями, чтобы сперва пировать у одного, потомъ у другаго, но скорый выходъ полковъ изъ казармъ въ окрестности Петербуга заставилъ ихъ отложить свои пирушки до-тѣхъ-поръ, пока не перейдутъ совсѣмъ на лѣтнія квартиры. Наконецъ, наступили дни пирушекъ. Ты не можешь имѣть объ нихъ понятія; десять лѣтъ — цѣлый вѣкъ въ Россіи; миновалось время грубыхъ, необузданныхъ оргій, которыя ты

еще помнишь; нынѣ молодые люди благоразумны даже за бутылкой вина; нынѣшнія оргіи — чинны, благородны; на нихъ можетъ присутствовать женщина не краснѣя, но несмотря на это, шампанское попрежнему производитъ на людей свое дѣйствіе, отъ него также поднимается кровь въ голову. Правда, нынѣ, говорятъ, уже не честь пить до того, чтобы свалиться подъ столъ, но по прежнему отъ вина чловѣкъ становится веселѣе, быстрѣе, неожиданнѣе въ движеніяхъ, и по прежнему всѣ его чувства становятся живѣе; всякая мысль, иногда забытая въ глубинѣ души въ трезвомъ состояніи, растетъ подъ поливкою шампанскаго, какъ подъ микроскопомъ. Пирушка происходила въ небольшой деревенской избѣ; на шампанское не скупилсь; къ тому же пирушка была не первая, и головы всѣхъ, даже Вецкаго, были, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Вотъ ужъ два часа за полночь. Мнѣ стало душно; я вышелъ изъ избы, пошелъ по деревнѣ; какъ теперъ помню, ночь была холодная, свѣтлая: я съ наслажденіемъ впивалъ въ себя свѣжій воздухъ, любовался видомъ деревни, которая уже начинала багровѣть отъ первыхъ лучей зари; все было тихо, но свѣтился лишь домикъ, въ которомъ была пирушка; въ окошкахъ мелькали тѣни; до меня доходили хохотъ и веселые крики молодежи. Вдругъ... все стихло; при этой внезапной тишинѣ я невольно вздрогнулъ; сердце мое сильно забилося, будто я услышалъ страшную, недобрую вѣсть. Не отдавая себѣ отчета въ моихъ чувствахъ, я неволь-

по удвоилъ шаги, возвращаясь къ избѣ. Когда я вошелъ въ нее, предчувствіе мое оправдалось: со мною въ дверяхъ встрѣтился Вецкій, съ шляпою въ рукахъ; онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но былъ блѣденъ, какъ полотно, и подъ равнодушною улыбкой тщетно хотѣлъ скрыть внутреннее волненіе.

«Мнѣ тотчасъ рассказали, что случилось въ мое отсутствіе: пустая ребяческая шалость, но которая должна была окончиться кровью....»

«Молодые люди открыли окошко на дворъ; одинъ изъ нихъ вздумалъ выскочить изъ него, за нимъ другой, потомъ третій; кто падалъ, кто ушибался, потому, что окно было довольно высоко. Общій смѣхъ, опасность возбудили въ молодежи странное самолюбіе: всѣмъ захотѣлось испытать, не сломитъ ли кто себѣ шею при этомъ подвигѣ?»

«Ну ты что же?» сказалъ братъ старшему Вецкому, съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не намѣренъ скакать — отвѣчалъ Вецкій холодно.

«Нѣтъ! ты непременно долженъ скакать.»

— Я тебѣ сказалъ, что не хочу.

«Ты не хочешь скакать,» отвѣчалъ братъ, разгоряченный виномъ, «потому что ты трусъ.»

— Я не совѣтую тебѣ повторять этихъ словъ — сказалъ Вецкій.

Бѣдный братъ не помнилъ самъ, что говорилъ, что дѣлалъ.

«Не только повторю,» возразилъ онъ, подбоченившись, «но еще скажу графинѣ М... (дама, за которую они оба волочились), скажу ей : вашъ нѣжный обожатель — трусъ! Не угодно ли объ закладъ?»

Вецкій, не смотря на все свое хладнокровіе, вышелъ изъ себя; онъ сильно схватилъ брата за руку и проговорилъ :

— Осмѣлся, сумасшедшій!

Ударъ перчаткой по лицу былъ ему отвѣтомъ.

«Что тутъ оставалось дѣлать? Нѣкоторое время, я думалъ примирить противниковъ, но какъ? Заставить брата просить прощенія — невозможно : его самолюбіе было распалено офицерскимъ мундиромъ. Онъ самъ чувствовалъ, что поступилъ глупо, но начать свое поприще тѣмъ, что онъ называлъ подлостью, струсить, на это онъ не соглашался. Я самъ въ то время не могъ вообразить этого безъ ужаса. Мнѣ оставалось дѣйствовать на Вецкаго; я рассчитывалъ на его всегдашнюю робость, на всегдашнюю его осторожность и благоразуміе. Въ эту минуту эгоизма, мнѣ казалось, ничего не стоило оставить этого человѣка подъ игомъ всеобщаго презрѣнія, чтобы только спасти брата. Смиривъ свою гордость, я пошелъ къ нашему фрачнику.

Когда я вошелъ въ его комнату, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и спокойно курилъ сигару. Его спокойствіе меня встревожило.

«Я хотѣлъ говорить,» сказалъ я ему, «не съ вашимъ секундантомъ, но съ вами. Вы, какъ человѣкъ благоразумный, должны видѣть въ поступкѣ моего брата не иное что, какъ шалость мальчика, который не заслуживаетъ вашего вниманія.»

Вецкій посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и улыбнулся.

— Вы повѣрите, сказалъ онъ, — что я больше, нежели кто другой, жалѣю о поступкѣ вашего брата. Но позвольте вамъ сказать : вы сами не думаете того, что говорите ; скажите сами, можно ли это оставить безъ вниманія ? —

Эти немногія слова перемѣнили образъ моихъ мыслей о Вецкомъ. Я захотѣлъ тронуть чувствительность его сердца ; я рассказалъ ему всѣ наши домашнія обстоятельства — прощаніе съ матушкой, ея слова... Я не щадилъ Вячеслава, называлъ его безумнымъ, шалуномъ ; я даже выговорилъ слово : *прощеніе*.

«Позвольте васъ спросить,» сказалъ мнѣ Вецкій, съ обыкновенною своею холодною улыбкой — «вы предлагаете мнѣ извиненіе отъ имени вашего брата, или отъ своего?»

Я смѣшался и не зналъ что ему отвѣчать. Онъ устремилъ на меня пронизательный взглядъ.

«Я хорошо понимаю ваше положеніе; я знаю, вашъ братъ не будетъ у меня просить прощенія, и — ему нельзя у меня просить прощенія. Я очень сожалѣю объ васъ, и даже объ немъ; я не бретёръ; дуели не мое дѣло; мое правило въ жизни было: всегда избѣгать повода къ нимъ, но,» прибавилъ онъ выразительно, «никогда не отступать ни шагу назадъ, когда опасность неизбѣжна. Войдите въ мое положеніе: сколько разъ я отдѣлывался шутками отъ такихъ словъ вашего брата, за которыя другой имѣлъ бы уже десятка два дуэлей? Я шадилъ его молодость, и признаюсь вамъ, шадилъ самого себя, ибо въ жизни и безъ того много неприятностей, да она же и коротка: зачѣмъ ею жертвовать по пустякамъ? Но здѣсь дѣло другаго рода. Подумайте сами, что будетъ со мною, если въ добавокъ къ общему мнѣнію о моемъ излишнемъ благоразуміи, я и этотъ случай оставлю, какъ вы говорите, безъ вниманія? Вы знаете предрасудки общества: я не найду мѣста на земномъ шарѣ; на меня будутъ показывать пальцами; мнѣ останется застрѣлиться, но это, согласитесь сами, было бы несогласно съ моимъ *благоразуміемъ*.»

Его слова были холодны, просты и насмѣшливы; по тогдашнимъ моимъ понятіямъ, я не могъ ихъ опровергнуть.

— Если такъ — вскричалъ я съ жаромъ, — то вы, милостивый государь, будете имѣть дѣло со мною.

«Если это можетъ вамъ доставить удовольствіе,» отвѣчалъ Вецкій, отряхая золу съ сигарки, «но не прежде, какъ мы окопчимъ дѣло съ вашимъ братцемъ. Впрочемъ, вы сами знаете, что и братъ вашъ, вѣроятно, не согласится на такую сдѣлку. Извините — мнѣ теперь надобно окончить нѣкоторыя письма.»

Съ сими словами, онъ холодно поклонился; я выбѣжалъ изъ комнаты съ отчаяніемъ въ сердце.

Дома ожидалъ меня секундантъ Вецкаго. Онъ объявилъ мнѣ, что ему поручено не соглашаться ни на какія миролюбивыя предложенія, кромѣ одного, чтобы братъ мой согласился предъ всѣми офицерами полка принести извиненіе Вецкому. Не знаю, какъ нынѣ, но тогда такое условіе казалось совершенно невозможнымъ.

Оставалась одна послѣдняя надежда — Вецкій не умѣлъ стрѣлять. Я, по тогдашнимъ понятіямъ, былъ естественнымъ секундантомъ моего брата, я былъ всѣхъ ближе къ нему, и это дѣло мнѣ казалось неминуемымъ долгомъ родства и дружбы. Придумывая всѣ средства, чтобы дать какой-нибудь перевѣсъ моему брату, я предложилъ стрѣляться въ двадцати шагахъ, и выстрѣлившему остановиться у барьера. Я надѣялся на мѣткость брата. Секундантъ Вецкаго охотно принялъ мое предложеніе. Едва мы окончили эту кровавую сдѣлку, какъ вошелъ Вячеславъ. Боксенъ прыгалъ передъ нимъ съ радостнымъ лаемъ. Братъ старался показывать безпечность и спокойствіе, игралъ и прыгалъ съ

собакою по-прежнему, но я видѣлъ, что онъ былъ внутренно взволнованъ. Вѣроятно, юношѣ представлялась жизнь во всей ея прелести; вѣроятно, ему не хотѣлось разстаться съ нею; я глядѣлъ на его свѣжее, красивое лицо, и сердце мое обливалося кровью. Въ эти немногіе часы, я постарѣлъ двадцатью годами.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на мѣстѣ. Мысль, что я привелъ брата подъ свинцовую пулю, отнимала у меня всѣ способности думать и дѣйствовать; тщетно хотѣлъ я показать хладнокровіе, требуемое въ такихъ случаяхъ — я не помнилъ самого себя; секундантъ Вецкаго исполнилъ мою должность. Наступила рѣшительная минута; я собралъ всѣ свои силы; осмотрѣлъ пистолетъ Вячеслава; они стали на мѣста. Вецкій былъ холоденъ, какъ ледъ: едва замѣтная улыбка была видна на стиснутыхъ губахъ его; казалось, онъ стоялъ у камина на блестящемъ раутѣ. Взглянувъ на Вячеслава, я съ ужасомъ замѣтилъ, что рука его дрожала.

Данъ сигналъ. Противники стали медленно приближаться... Видъ опасности заставилъ Вячеслава забыть всѣ мои совѣты — онъ выстрѣлилъ... Вецкій зашатался, но не упалъ; пуля разбила ему лѣвое плечо.

Скрывая свои страданія, онъ знѣкомъ пригласилъ Вячеслава приблизиться къ барьеру; братъ, съ невольнымъ, судорожнымъ движеніемъ, ему повиновался...

Въ эту минуту я оцѣпенѣлъ; меня облило холод-

нымъ потомъ: я видѣлъ, какъ медленно приближался Вецкій. какъ наводилъ онъ убійственный курокъ, видѣлъ спокойный, неумолимый взглядъ Вецкаго. Вотъ онъ уже въ двухъ шагахъ отъ брата; я вспомнилъ матушку, ея слова, мои обѣщанія, и пришелъ въ состояніе близкое къ сумасшествію; у меня потемнѣло въ глазахъ, я забылъ все: и честь, и совѣсть, и условія общества; я помнилъ только одно, что *предъ моими глазами убиваютъ моего брата...* Я не вытерпѣлъ этой минуты, я бросился къ Вячеславу, обхватилъ его, заслонилъ собою и закричалъ Вецкому:

«Стрѣляйте!»

Вецкій опустилъ курокъ. «Развѣ такія были условія дуэли?» сказалъ онъ, спокойно обращаясь къ своему секунданту.

Общій крикъ негодованія раздался между присутствовавшими; меня оттащили отъ брата... Раздался выстрѣлъ — Вячеславъ упалъ замертво!

Какъ рассказать, что со мною происходило въ это время? Я вырвался отъ державшихъ меня, кинулся къ Вячеславу, и не помня ничего, смотрѣлъ на его жестокія, предсмертныя муки; я видѣлъ какъ онъ судорожно извивался въ нестерпимыхъ страданіяхъ! я видѣлъ какъ глаза его закрылись навѣки!... Въ эту минуту Боксень, съ оборванной веревкой, прибѣжалъ на кровавое мѣсто, припалъ къ Вячеславу, вылъ и лизалъ его рапу.

Этотъ видъ привелъ меня въ себя; я вскочилъ, схватился за пистолетъ, но Вецкій, ослабѣвшій

отъ раны, лежалъ уже безъ памяти на носилкахъ. Распаленный мщеніемъ, я-было-бросился къ страдальцу, я готовъ былъ растерзать его, но меня остановили... Какъ-будто сквозь сонъ, отдавались въ моихъ ушахъ упреки и сужденія моихъ сослуживцевъ....

«Что тебѣ рассказывать далѣе?» продолжалъ отшельникъ. «Ты знаешь слѣдствія дуэли. Но казнь за преступленіе была для меня легка : моя казнь была въ моемъ сердцѣ. Жизнь для меня кончилась; я жаждалъ одного, или въ битвѣ съ врагами потерять мою ненужную жизнь, или похоронить себя заживо. Первой чести я не удостоился. Здѣсь, вдали отъ родины, незнаемый никѣмъ, я стараюсь плачемъ и рыданіемъ заглушить голосъ моего сердца. Но до-сихъ-поръ ночью будятъ меня страшныя видѣнія : мнѣ представляются Вячеславъ, облитый кровью... матушка, умирающая съ отчаянія,... и въ ушахъ моихъ отдаются страшныя слова Писанія : *«Каинъ! гдѣ братъ твой?»*»

ПРИВИДѢНІЕ.

(НИК. ВАС. ПУТЯТЪ.)

.... Насъ сидѣло въ дилижансѣ четверо : отставной капитанъ, начальникъ отдѣленія, Иринею Модестовичъ и я. Два первые чинились и отпускали другъ другу разныя учтивости, изрѣдка принимались спорить, но ненадолго ; Иринею Модестовичъ говорилъ безумолка ; все — мимо проѣхавшій экипажъ, пѣшеходъ, деревушка — все подавало ему поводъ къ разговору ; на радости, что слушателямъ нельзя отъ него выскочить изъ дилижанса , онъ рассказывалъ сказку за сказкой , въ которыхъ, разумѣется, домовые, бѣсы и привидѣнія играли первую ролю. — Я не могъ надивиться, откуда онъ набрался столько чертовщины, — и преспокойно дремалъ подъ говоръ его тоненькаго голоса. Другіе товарищи скуки-ради слушали его не безъ вниманія — а Иринею Модестовичу только того и надо.

«Что это за замокъ?» спросил отетавной капитанъ, выглядывая изъ окошка : «вы вѣрно знаете про него какую-нибудь курьозную исторію,» прибавилъ онъ, обращаясь къ Иринею Модестовичу.

— Я про него знаю, отвѣчалъ Ириней Модестовичъ — точно такую же исторію, какую можно рассказать про многіе изъ нынѣшнихъ домовъ, т. е., что въ немъ люди жили. Ёли, пили и умерли. Но этотъ замокъ напоминаетъ мнѣ анекдотъ, въ которомъ такой же замокъ играетъ важную ролю. Вообразите себѣ только, что все, что я вамъ буду рассказывать, случилось именно подъ этими развалившимися сводами : вѣдь это все равно — была бы вѣра въ раскащика. Всѣ путешественники побольшей-части также рассказываютъ свои исторіи; только у нихъ нѣтъ моей откровенности.

— Въ молодости моей я часто хаживалъ въ домъ къ моей сосѣдкѣ, очень любезной женщинѣ... Не воображайте тутъ ничего грѣшнаго : сосѣдка моя была уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда женщина сама признается, что пора ея миновалась. У ней не было ни дочерей, ни племянницъ; домъ ея былъ похожъ на всѣ ***скіе дома : три, четыре комнаты, дюжина кресель, столько же стульевъ, пара лампъ въ столовой, пара свѣчей въ гостиной... но не знаю было что-то въ обращеніи этой женщины, въ ея самыхъ обыкновенныхъ словахъ, я думаю даже въ ея столъ краснаго дерева, покрытомъ клѣбенкою, или въ стѣнахъ ея дома — было нѣчто такое, что каждый вечеръ нашептывало вамъ въ уши : пойд-

ти бы сегодня къ Марьѣ Сергѣевнѣ. Это испытывалъ не я одинъ : въ длинныя зимніе вечера къ ней сходились незваные гости, какъ-будто заранѣе согласившись. Наши занятія были самыя обыкновенныя : мы пили чай и играли въ бостонъ ; иногда перелистывали журналы ; но только все это намъ веселѣе было дѣлать у Марьи Сергѣевны, нежели въ другомъ домѣ ; это намъ самимъ казалось очень странно. Все дѣло, какъ я теперь догадываюсь, состояло въ томъ, что Марья Сергѣевна не навязывалась никому ни съ тяжбами, ни съ домашними хлопотами, не любила злословія, не сообщала никому своихъ замѣчаній о происшествіяхъ въ околоткѣ, ни о поведеніи своихъ слугъ ; не старалась вытянуть изъ васъ того, что вы хотѣли скрыть ; не осыпала васъ нѣжностями въ глаза и не насмѣхалась надъ вами, когда вы вышли за дверь ; не сердилась, когда кто изъ насъ впродолженіе полугода не являлся въ ея гостиную, и даже забывалъ дни ея именинъ или рожденія ; не имѣла ни одной изъ тѣхъ претензій и причудъ, которыя дѣлаютъ общество ***вскихъ дамъ нестерпимымъ ; не была ни ханжа, ни суевѣрна ; не требовала отъ васъ, чтобы вы то-то думали и о томъ-то говорили ; не приходила въ ужасъ, когда вы были противнаго съ нею мнѣнія ; не требовала отъ васъ никакихъ пожертвованій ; не усаживала насильно за карты, или за фортепьяно, — понимала терпимость во всемъ ея значеніи ; въ ея гостинной всякій благородный человѣкъ могъ дѣлать, думать и говорить все, что

ему было угодно; — словомъ, въ ея домъ царствовалъ хорошій тонъ, тогда рѣдкій въ ** скихъ обществахъ и котораго сущность до-сихъ-поръ многіе понимаютъ. Я самъ живо чувствовалъ различіе въ обращеніи и въ жизни Марьи Сергѣевны съ другими женщинами, но не умѣлъ этого впечатлѣнія выразить однимъ словомъ.

«Позвольте васъ остановить,» сказалъ начальникъ отдѣленія. «Какъ это, — будто бы ужъ хорошій тонъ состоитъ въ томъ, чтобы хозяйка не занималась гостями? нѣтъ, помилуйте — мы сами бываемъ въ наилучшихъ компаніяхъ... я съ вами поспорю. Какъ это можно! какъ это можно!...»

— Говорятъ, отвѣчалъ Ириной Модестовичъ: что гдѣ обращеніе хозяйки простѣе, тамъ гостямъ просторнѣе и спокойнѣе, — и что человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу, всегда узнаютъ по простотѣ его обращенія...

«И я того же мнѣнія,» прибавилъ отставной капитанъ: «терпѣть не могу всѣхъ этихъ вычуръ! Бывало, на вечерахъ у нашего бригаднаго генерала не разстегнись, не пошевельнись; тоска да и только! То ли дѣло, какъ сойдешься съ своимъ братомъ: мундиръ долой, бутылку рома на столъ — и пошла потѣха...

«Нѣтъ, воля ваша,» возразилъ начальникъ отдѣленія: «не могу съ вами согласиться! Чтó это такое простота? Простота! для простоты довольно своего дома; но, въ свѣтъ пріятно показать свое

обращеніе, свое умѣнье жить съ людьми, умѣнье каждое слово вѣсить на вѣсахъ, чтобъ въ каждомъ вашемъ словѣ можно было замѣтить, что вы не неучъ какой-нибудь, а человекъ благовоспитанный...»

Ириной Модестовичъ находился въ совершенномъ недоумѣніи между этими двумя противоположными полюсами и выдумывалъ средство, какъ бы не попасть ни въ пуншевую бесѣду, ни въ компанію благоприличнаго господина. Видя смущеніе моего пріятеля, я вмѣшался въ разговоръ :

«Однакожь этакъ,» сказалъ я : «мы никогда не дойдемъ до конца нашей исторіи. На чемъ-бишь, вы остановились, Ириной Модестовичъ?..»

Наши противники замолчали, потому-что оба были довольны собою : начальникъ отдѣленія былъ увѣренъ, что въ прахъ разразилъ всѣ разсужденія моего пріятеля ; а капитанъ, что Ириной Модестовичъ одного съ нимъ мнѣнія.

Ириной Модестовичъ продолжалъ :

— Я, кажется, сказалъ вамъ, что мы, сами не зная какимъ-образомъ, почти каждый вечеръ сходились къ Марьѣ Сергѣевнѣ, не сговариваясь заранее. Должно однакожь признаться, что такія импровизаціи, какъ всѣ импровизаціи въ свѣтъ, не всегда намъ удавались. Иногда сходились такіе, изъ которыхъ двое играли только въ вистъ, а два другіе только въ бостонъ, одни играли въ боль-

шую, другіе въ маленькую — и партіи не могли состояться.

— Такъ случилось однажды, какъ теперь помню, въ глубокую осень. Дождь съ изморозью лился ливня, рѣки катились по тротуарамъ, и вѣтеръ задувалъ фонари. Въ гостиной, кромѣ меня, сидѣли человекъ четыре въ-ожиданіи своихъ партнеровъ. Но партнеровъ, кажется, испугала погода, а мы между-тѣмъ занялись разговоромъ.

— Разговоръ, какъ часто случается, переходя отъ предмета къ предмету, остановился на предчувствіяхъ и видѣніяхъ.

«Такъ, я и ждалъ этого!» вскричалъ начальникъ отдѣленія : «безъ привидѣній у него не обойдется...»

— Нѣтъ ничего мудренаго! возразилъ Ириной Модестовичъ : — эти предметы обыкновенно привлекаютъ общее вниманіе ; нашъ умъ, изнуренный прозою жизни, невольно привлекается этими таинственными происшествіями, которыя составляютъ ходячую поэзію нашего общества и служатъ доказательствомъ, что отъ поэзіи, какъ отъ первороднаго грѣха, никто не можетъ отдѣлаться въ этой жизни. —

Почтенный чиновникъ значительно кивнулъ головою, желая показать, что онъ совершенно вникнулъ въ значеніе этихъ словъ. Ириной Модестовичъ продолжалъ :

— Уже были рассказаны поочереди всѣ извѣстныя событія въ этомъ родѣ : о людяхъ, являвших-

ся послѣ смерти; о лицахъ, которыя заглядываютъ къ вамъ въ окошко въ третьемъ этажѣ; о танцующихъ стульяхъ, и о прочемъ тому подобномъ.

— Одинъ изъ собесѣдниковъ во все продолженіе этого разсказа хранилъ глубокое молчаніе, и лишь изподтишка улыбался, когда мы вскрикивали отъ ужаса. Этотъ господинъ, уже весьма пожилыхъ лѣтъ, былъ закоснѣлый Волтерьянецъ стараго вѣка; онъ часто въ нашихъ спорахъ не шутя заключалъ свои доказательства какимъ-нибудь стихомъ изъ «*Épître à Uranie*», или изъ «*Discours en vers*» Вольтера, и удивлялся, когда и послѣ этого мы осмѣливались съ нимъ не соглашаться; любимая его поговорка была: «я вѣрю только въ то, что дважды два четыре.»

— Когда весь арсеналъ нашихъ разсказовъ истощился, мы обратились къ этому господину съ насмѣшливою просьбою разсказать намъ что-нибудь въ томъ же родѣ. Онъ угадалъ наше намѣреніе и отвѣчалъ:

«Вы знаете, что я терпѣть не могу всѣхъ этихъ бредней: я въ этомъ пошелъ по батюшкѣ; ему вздумало однажды явиться привидѣніе — и привидѣніе во всемъ порядкѣ: съ блѣднымъ лицомъ, съ меланхолическимъ взглядомъ; но покойникъ выставилъ ему языкъ, чему привидѣніе такъ удивилось, что впоследствии уже никогда не осмѣливалось являться ни ему и никому изъ нашего семейства. Я теперь слѣдую батюшкиной методѣ, когда

мнѣ попадаетъ въ журналахъ романтическая по-
вѣсть вашихъ модныхъ сочинителей. Только я за-
мѣтилъ, что они гораздо безсовѣстнѣе привидѣній
и не перестаютъ мнѣ соваться въ глаза, не смотря
на всѣ гримасы, которыя я имъ строю; но не ду-
майте однакожь, чтобъ я не могъ также рассказать
страшной исторіи. Слушайте жь. Я вамъ расскажу
исторію истинную; но бьюсь объ закладъ, что у
васъ волосы станутъ дыбомъ.

«Лѣтъ 30 тому назадъ, — я тогда только-что еще
вступилъ въ службу, — нашъ полкъ остановился въ
одномъ мѣстечкѣ; мы были въ резервѣ; носились
слухи, что кампанія оканчивалась, и эти слухи под-
тверждались тѣмъ, что насъ болѣе мѣсяца не трогали
съ мѣста. Этого времени для военныхъ очень доволь-
но, чтобъ подружиться съ жителями. Я стоялъ въ
домѣ у одной зажиточной помѣщицы, премилой, ве-
селой женщины и большой говоруньи. Мы жили съ
ней душа-въ-душу. Почти каждый вечеръ у нея
собирались гости, вотъ какъ сюда, и мы проводили
время очень весело. Въ верстѣ отъ этого мѣстечка,
на небольшомъ возвышеніи, находился старинный
зѣмокъ съ полукруглыми окошками, съ башенками,
съ вертушками, словомъ, со всѣми этими причуда-
ми такъ-называемой готической архитектуры, надъ
которыми мы тогда смѣялись, но которыя, при
нынѣшнемъ упадкѣ вкуса, опять входятъ въ моду.
Тогда намъ это и въ голову не входило. Мы просто
находили этотъ зѣмокъ уродливымъ, какимъ онъ и
былъ въ-самомъ-дѣлѣ, и сравнивали то съ анба-

ромъ, то съ голубятней, то съ паштетомъ, то съ сумасшедшимъ домомъ.

«Кому принадлежитъ этотъ кондитерскій пирогъ?» спросилъ я однажды у моей хозяйки.

— Моей пріятельницѣ, графинѣ ***, отвѣчала она. Она премилая женщина; вамъ бы надобно познакомиться съ нею...

— Графиня Мальвина прежде была очень несчастлива, продолжала хозяйка: — много она вытерпѣла на своемъ вѣку. Въ молодости она влюбилась въ одного молодаго человѣка; но онъ былъ бѣденъ, хотя и графъ, и ея родители никакъ не соглашались выдать ее за него замужъ. Но графиня была пылкаго нрава; она страстно любила молодаго человѣка, и наконецъ нетолько убѣжала съ нимъ изъ дома, но вышла за него замужъ, что по-моему было совсѣмъ лишнее. Вы можете себѣ представить, сколько шуму надѣлало это происшествіе. Мать графини была женщина самаго суроваго нрава, стараго вѣка, гордая знатностію своего происхожденія, надменная, окруженная толпою ласкателей, привыкшая, впродолженіи всей своей жизни, къ слѣпому повиновенію всѣхъ ее окружающихъ. Побѣгъ Мальвины былъ для нея сильнымъ ударомъ; съ одной стороны, невинновеніе родной дочери приводило ее въ бѣшенство, съ другой она видѣла въ этомъ поступкѣ вѣчное пятно своей фамиліи. Бѣдная графиня, зная нравъ своей матери, долго не смѣла ей казаться на глаза; письма ея оставались безъ отвѣта; она была въ совершенномъ отчаяніи; ничто ея

не утѣшало : ни любовь мужа, ни увѣренія друзей, что гнѣвъ матери не можетъ болѣе продолжаться, особливо теперь, когда дѣло сдѣлано. — Такъ протекло шесть мѣсяцевъ въ непрерывныхъ страданіяхъ. Я часто видала ее въ это время — она была на себя непохожа. Наконецъ она сдѣлалась беременною. Безпокойство ея увеличилось. Въ это время, обыкновенно, нервы у женщинъ играютъ большую роль : онѣ чувствуютъ живѣе ; всякая мысль, всякое слово тревожитъ ихъ въ тысячу разъ болѣе, нежели прежде. Мысль родить дитя подъ гнѣвомъ матери сдѣлалась для Мальвины нестерпимою ; эта мысль душила ее, мѣшала ей спать, истощала ея силы. Наконецъ она не выдержала : «чтò бы ни было,» сказала она : «но я брошусь къ ногамъ матушки.» Тщетно мы хотѣли остановить ее ; тщетно мы совѣтовали подождать родинъ, и тогда, вмѣстѣ съ ребенкомъ, предстать раздраженной графинѣ ; тщетно мы говорили ей, что видъ невиннаго ребенка всего сильнѣе дѣйствуетъ на сердца самыя загрубѣлыя, — наши слова не подѣйствовали. Робость превозмогла, и, однажды утромъ, когда еще всѣ спали, бѣдная графиня незамѣтно вышла изъ дома и отправилась въ замокъ, ворвалась въ спальню, когда еще мать ея лежала на постели, и бросилась на колѣни.

— Старая графиня была женщина странная ; она принадлежала къ числу тѣхъ существъ, которыхъ отгадать трудно. Никогда нельзя узнать, чего имъ хочется, а имъ самимъ, можетъ-быть, это всего

труднѣе. На ея расположеніе духа дѣйствовало все ее окружающее: незначительное слово, полученное письмо, погода. Она то радовалась, то огорчалась отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, смотря по этимъ маловажнымъ обстоятельствамъ.

— Первое дѣйствіе, произведенное на графиню ея дочерью, былъ испугъ. Со сна она не могла себѣ представить, что это была за женщина въ бѣломъ платьѣ, которая съ рыданіемъ хватала ее за колѣни и стаскивала съ нея одѣяло. Сначала графиня приняла дочь свою за привидѣніе, потомъ за сумасшедшую, а наконецъ ея испугъ превратился въ досаду. Ее не тронули слезы дочери; ее не тронуло ее положеніе; ее не коснулось материнское чувство, — эгоизмъ торжествовалъ. «Прочь,» вскричала она: «я не знаю тебя; проклиная тебя!...» Бѣдная Мальвина едва не лишилась памяти, но материнское чувство придало ей силы. Съ трудомъ, но съ выразительностію произнесла она прерывающимся голосомъ: кляните меня... но пощадите моего ребенка. — «Проклинаю тебя,» повторила раздраженная графиня: «и твоего ребенка! Пусть будетъ онъ тебѣ казнію!» Бѣдная Мальвина упала на полъ за-мертво.

— Этотъ обморокъ произвелъ на старую графиню больше дѣйствія, нежели всѣ слова ея дочери. Графиня испугалась снова. Ея причудливыя нервы не могли снести этого вида. Она проворно вскочила съ постели, позвонила, послала за докторомъ, и когда несчастная дочь очнулась, она уже была въ

объятіяхъ своей матери. Все было прощено, забыто...

— Съ-тѣхъ-поръ Мальвина съ своимъ мужемъ переселилась въ замокъ. Она вскорѣ родила сына. Старая графиня, пристыженная своимъ недостойнымъ поступкомъ, казалось, слѣлала цѣлю жизни утѣшать свою дочь всѣмъ, что только возможно человеку. Нѣсколько разъ она торжественно отрекалась отъ своей клятвы, написала это отреченіе на бумагѣ и заставила свою дочь носить его на себѣ въ медальонѣ. Молодая графиня никогда его не снимаетъ. Ея сынъ выросъ, вступилъ въ службу; но до нынѣ старая графиня почитаетъ себя въ долгу предъ своею дочерью, и старается тѣшить ее какъ ребенка. Ея богатство даетъ ей всѣ къ тому нужные способы. Кажется, сама судьба старается заглавить проступокъ старой графини. Недавно выиграли они процессъ въ нѣсколько милльоновъ. Это дало имъ средство украсить свой замокъ всѣми причудами роскоши. Чего вы тамъ не найдете: и англійскій садъ, и чудесный столъ, и погребъ со столѣтнимъ венгерскимъ, и фонтаны холодной и теплой воды, и мраморные полы, и зимніе сады, — рай однимъ словомъ! балы и вечеринки не прерываются. Если хотите, я васъ представлю графинѣ: вы будете приняты съ восхищеніемъ... —

Что могло быть пріятнѣе этого предложенія для молодыхъ офицеровъ, для которыхъ, въ продолженіи полугода, всѣ наслажденія міра ограничивались братскою попойкою въ курной избѣ?

«А не худое дѣло!» замѣтилъ капитанъ, поглаживая усы.

— На другой же день мы отправились къ графинѣ, были представлены нашею хозяйкою, и имѣли случай увѣриться, что она насъ не обманула. Домъ былъ поставленъ на истинно-барскую ногу. Каждому изъ насъ отвели особую комнату, въ которыхъ все было придумано для удобства жизни : прекрасная пуховая постель, которая казалась намъ чудомъ послѣ соломы; въ каждой комнатѣ ванна съ холодными и теплыми кранами; всѣ прихоти туалета; слуги, которые ходили на цыпочкахъ и угадывали малѣйшее желаніе; каждый день чудесный обѣдъ съ чудесными винами. Старая графиня, которая уже не вставала съ кресель, была еще любезна, а такъ-называемая молодая графиня, хотя ей было лѣтъ за сорокъ, была свѣжа, жива и вертлява, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Многіе изъ нашихъ почли за долгъ отпускать ей армейскія вѣжности, а иные и по уши въ нее влюбились. Ея мужъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы, и, казалось, еще радовался, что его жена имѣетъ случай кокетничать и возбуждаетъ страсть молодыхъ офицеровъ. Привычка къ удовольствіямъ, безпрестанная разсѣянность были необходимостію, жизнью въ этомъ домѣ. Отъ насъ требовали только одного : ѣсть и пить цѣлый день, и танцовать до упаду цѣлую ночь. Мы катались какъ сыръ въ маслѣ. Черезъ нѣсколько дней радость и удовольствіе въ домѣ удвоились. Пріѣхалъ изъ отпуска сынъ молодой

графини — славный, веселый малый. Онъ, подобно намъ, также долго скитался по курнымъ избамъ, и со всей ненасытностью молодости предался удовольствіямъ, которыя представлялъ ему домашній кровъ и кругъ веселаго семейства.

Назначенъ былъ день нашего выступленія, и хозяева захотѣли угостить насъ послѣднимъ великолѣпнымъ баломъ. Приглашены были сосѣди и сосѣдки изъ всѣхъ окружныхъ мѣстъ; собирались иллюминировать садъ и сжечь чудесный фейерверкъ. Наканунъ, посреди толкованій о завтрашнемъ днѣ (ибо мы почти какъ домашніе принимали участіе во всѣхъ хозяйскихъ хлопотахъ) зашла рѣчь, какъ теперь, о привидѣніяхъ. Молодая графиня вспомнила, что есть одна комната въ замкѣ, которая съ давнихъ временъ пользуется привилегіей пугать всѣхъ жителей околотка разными страшными звуками и видѣніями. Эту самую комнату, за недостаткомъ мѣста, занималъ сынъ графини. Онъ, смѣясь, увѣрялъ, что до-сихъ-поръ домовые производятъ на него одно дѣйствіе : заставляютъ его спать богатырскимъ сномъ. Мы, посмѣявшись съ нимъ вмѣстѣ, разошлись по своимъ спальнямъ. На другой день съѣхались въ замокъ множество гостей. Мы начали танцовать едва ли не съ десяти часовъ утра, и танцовали вплоть до обѣда, а послѣ обѣда вплоть до полуночи. Никто изъ насъ не думалъ о томъ, что завтра въ пять часовъ надобно было садиться на коня. Но, сказать правду, къ концу дня мы были измучены донельзя, и не безъ удоволь-

ствія замѣтили, что къ первому часу гости стали уже разъѣзжаться. Въ комнатахъ становилось пусто; мы хотѣли также разойтись по спальнямъ; но молодая графиня, для которой двадцать-четыре часа танцевъ было то же, что выпить стаканъ воды, усердно упрашивала насъ приглашать безпрестанно дамъ вальсировать, чтобы удержать разъѣзжающихся. Мы истощили послѣднія силы, но наконецъ принуждены были просить дозволенія у графини откланяться, ссылаясь на ея сына, который давно уже отправился въ свою спальню.

«О,» сказала графиня: «что вамъ брать примѣръ съ этого лѣнтяя! Надобно проучить его за его лѣность! Какъ можно лечь спать, когда въ залѣ еще столько хорошенькихъ дамъ! Пойдемте за мною!»

Молодой человѣкъ спалъ тѣмъ безпокойнымъ сномъ, какой обыкновенно бываетъ послѣ дня, проведеннаго въ безпрестанномъ движеніи. Скрыпъ двери разбудилъ его. Но каково было его удивленіе, когда, при блѣдномъ свѣтѣ ночной лампы, онъ увидѣлъ рядъ бѣлыхъ привидѣній, которыя приближались къ его постели! Въ просонкахъ схватилъ онъ пистолетъ и вскричалъ: «прочь, застрѣлю!» но привидѣніе, бывшее впереди, все приближалось къ его постели, и, казалось, хотѣло обхватить его своими распростертыми руками. Въ испугѣ ли, или еще не совсѣмъ пробужденный, молодой человѣкъ взвелъ курокъ, раздався выстрѣлъ...

«Ахъ, я забыла надѣть матушкинъ медальонъ!» вскричала Мальвина, падая. Мы все, одѣтые при-

видѣніями, бросились къ ней, подняли простыню... Лицо ея было такъ блѣдно, что нельзя было узнать ее : она была смертельно ранена. Въ эту минуту далекій гулъ барабана извѣстилъ насъ , что полкъ уже выступаетъ въ походъ. Мы оставили скорбный домъ , въ которомъ провели столько пріятныхъ дней. Съ-тѣхъ-поръ я не знаю , чѣмъ все это кончилось ; по-крайней-мѣрѣ , если я и не видалъ никогда привидѣній , то самъ былъ привидѣніемъ , а это чего нибудь да стоитъ. Всѣ рассказы о привидѣніяхъ въ этомъ родѣ. Я чаю , Богъ знаетъ , что теперь объ этомъ выдумали ; а дѣло было просто, какъ вы видите» — и расказчикъ засмѣялся.

Въ это время одинъ молодой человѣкъ , слушавшій всю повѣсть съ большимъ вниманіемъ , подошелъ къ нему. «Вы съ большою точностію,» сказалъ онъ : «рассказали это происшествіе ; я его знаю, ибо самъ принадлежу къ тому семейству , въ которомъ оно случилось. Но вамъ неизвѣстно одно : а именно , что графиня здравствуетъ до-сихъ-поръ , и что васъ приводила въ комнату ея сына не она, но дѣйствительно какое-то привидѣніе, которое до-сихъ-поръ является въ замкѣ.»

Расказчикъ поблѣднѣлъ. Молодой человѣкъ продолжалъ :

«Объ этомъ происшествіи много было толковъ ; но оно ничѣмъ не объяснилось. Замѣчательно только то, что всѣ тѣ, которые рассказывали объ этомъ происшествіи, умерли чрезъ двѣ недѣли послѣ свое-

го разказа.» — Сказавши эти слова, молодой человекъ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Разскашикъ поблѣднѣлъ еще больше. Увѣрительный, холодный тонъ молодаго человека видимо поразилъ его. Признаюсь, что всѣ мы раздѣляли съ нимъ это чувство, и невольно приумолкли. Тутъ хотѣли завести другой разговоръ; но все не ладилось и мы вскорѣ разошлись по домамъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что нашъ насмѣшникъ надъ привидѣніями занемогъ, и очень опасно. Къ его физическимъ страданіямъ присоединились грезы воображенія. Безпрестанно чудилась ему блѣдная женщина въ бѣломъ покрывалѣ, тащила его съ постели — и вообразите себѣ, прибавилъ Ириной Модестовичъ трагическимъ голосомъ : ровно чрезъ двѣ недѣли, въ гостиной Марьи Сергѣевны сдѣлалось однимъ гостемъ меньше! —

«Странно!» замѣтилъ капитанъ : «очень странно!»

Начальникъ отдѣленія, какъ человекъ петербургскій, привыкшій ничему не удивляться, выслушалъ всю повѣсть съ такимъ видомъ, какъ-будто читалъ канцелярское отношеніе о доставленіи срочныхъ вѣдомостей.

«Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,» сказалъ онъ важнымъ голосомъ : «многое бываетъ въ человекѣ отъ мысленности, такъ, отъ мысленности. Вотъ и у меня былъ чиновникъ, кажется, такой порядочный, все просилъ штатнаго мѣста. Чтобы отвя-

заться отъ него, я далъ ему разбирать старый архивъ, сказавши, что дамъ ему тогда мѣсто, когда онъ приведетъ архивъ въ порядокъ. Вотъ онъ бѣдный и закабалилъ себя; годъ прошелъ, другой, — день и ночь роется въ архивъ; сжалился я наконецъ надъ нимъ и хотѣлъ уже представить о немъ директору, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что съ моимъ архивариусомъ случилось что-то недоброе. Я пошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ занимался — нѣтъ его; смотрю : онъ забрался на самую верхнюю полку, присѣлъ тамъ на корточки между кипами и держитъ въ рукахъ нумеръ.

«Что съ вами?» закричалъ я ему : «сойдите сюда». — Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ? «Не могу, Иванъ Григорьичъ, никакъ не могу : я *рѣшеное дѣло!*» — И начальникъ отдѣленія захоталъ; у Иринея Модестовича навернулись слезы. «Ваша исторія», проговорилъ онъ : «печальнѣе моей.»

Капитанъ, мало обращавшій вниманіе на канцелярскій разговоръ, кажется, ломалъ голову надъ повѣстію о привидѣніи, и наконецъ, какъ-будто очнувшись, спросилъ у Иринея Модестовича :

«А что, у вашей Марьи Сергѣевны пили ли пуншъ?»

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Иринея Модестовичъ.

«Странно!» проговорилъ капитанъ : «очень странно!»

Между-тѣмъ дилижансъ остановился ; мы вышли. « Не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ разскащикъ-то умеръ ? » спросилъ я.

— Я никогда этого не говорилъ, — отвѣчалъ быстро Ириной Модестовичъ самымъ тоненькимъ голоскомъ, улыбаясь и припрыгивая по своему обыкновенію...

II.

ОШЫТЫ РАЗСКАЗА

О ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ПРЕДАНИЯХЪ.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ смыслѣ, въ которомъ я принимаю слово *преданіе*, смыслѣ до нѣкоторой степени уклоняющимся отъ того, который бѣльшею частію въ семъ случаѣ предполагается. Обыкновенно сему слову присволяется значеніе : *древняго сказанія*; я принимаю это слово въ болѣе простомъ и общемъ его значеніи, т. е. въ значеніи всего, что *передается* отъ лица къ лицу. — Я увѣрился (по основаніямъ, о которыхъ бы надобно было написать цѣлую книгу *ex professo*), что независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, производящихъ то, что вообще называется *литературою*, каждый самобытный народъ въ цѣлости творитъ свою эпопею болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе сомкнутую. Такая эпопея есть поэтическое воплощеніе всѣхъ элементовъ народа, выраженіе его идеальнаго характера, его быта, его радостей, его печалей, наконецъ его собственнаго суда надъ самимъ собою. Таковы, напримѣръ, русскія пѣсни;

при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не убѣдиться, что въ нихъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же героѣ, объ одной и той же героинѣ; они не названы, ибо всякій знаетъ ихъ безымянное имя. Это имя — человекъ, какъ онъ представляется человеку въ данной странѣ и въ данную эпоху. Всѣ эти пѣсни, сказанія, — суть отрывки изъ одной и той же классической поэмы, въ которой отчетливо сохранено единство происшествія, т. е., жизнь человека представленная съ различныхъ сторонъ поэтического воззрѣнія. Одинъ завелъ пѣсню, другой ее продолжаетъ.

Совершилась первая эпоха развитія основныхъ элементовъ; поэтическіе цвѣты вянутъ, пригвожденные къ печатнымъ листамъ, но вянутъ потому, что плодъ созрѣваетъ; къ нему устремлены всѣ силы организма; для плода вырабатывается въ таинственныхъ сосудахъ живительный сокъ; для него вѣетъ вѣтеръ, для него листья обмываются студеной росой; для него палящіе лучи солнца. Цвѣтокъ переходитъ въ воспоминаніе; ученые подводятъ подъ него комментаріи; его видъ одушевляетъ новыхъ поэтовъ — а поэма продолжается, хотя подъ иною формою; ибо творецъ ея все тотъ же — онъ лишь переродился; сначала, являются эпи-

зоды болѣе или менѣе близкіе къ главному предмету, принимающіе различный характеръ, смотря по временамъ: религіозный, сатирической, философской и проч.; въ нихъ зародышъ новой поэмы; никто не знаетъ ея содержанія, но всякій собираетъ для нее матеріалы; все поглащается въ нихъ: и часть дѣйствительнаго событія, и разгадка того, что могло бы случиться; и слѣдствіе глубокой думы и разгульное слово. Сего рода преданія вокругъ насъ; со временъ *новой русской поэзіи*, т. е., со временъ Кантемира, эти преданія идутъ двумя путями; одни изъ нихъ — *памяти сердца*: выраженія чистаго, безусловнаго, безсознательнаго, дѣвственнаго развитія жизни; таковы наши лѣтописи, легенды, аскетическіе и военные рассказы; этого рода преданія вошли въ составъ большей части произведеній нашей литературы; другія преданія — *памяти ума*: выраженіе нашего суда надъ самими собою, часто грустное, исполненное негодованія, бѣльшею частію ироническое; сего рода преданія послужили матеріалами для произведеній сатирическихъ, которыхъ рѣзкая черта протянулась въ нашей литературѣ отъ Кантемира до Гоголя. — Въ обоихъ направленіяхъ, источникъ одинъ: высокая любовь народа къ самому себѣ, и въ обоихъ одни матеріалы (независимо отъ творческаго дара отдѣльныхъ

лиць) — преданія народныя, никѣмъ не изобре-
тенныя и всѣмъ принадлежащія. Сохранять сія
преданія — долгъ; выразить ихъ по собственному
своему воззрѣнію — право каждого, ибо сія преда-
нія суть достояніе общее.

И Г О Ш А.

(АЛЕК. СТЕП. ХОМЯКОВУ.)

Я сидѣлъ съ нянюшкой въ дѣтской ; на полу разостланъ былъ коверъ , на коврѣ игрушки , а между игрушками я ; вдругъ дверь отворилась , а никто не взошелъ . Я посмотрѣлъ , подождалъ , — все нѣтъ никого . « Нянюшка ! нянюшка ! кто дверь отворилъ ? »

— Безрукій , безногій дверь отворилъ , дитятко ! —

Вотъ безрукій , безногій и запалъ мнѣ на мысль .

« Что за безрукій , безногій такой , нянюшка ? »

— Ну да такъ , — извѣстно , что , — отвѣчала нянюшка , — безрукій , безногій . — Мало мнѣ было нянюшкиныхъ словъ , и я бывало какъ дверь ли , окно ли отворится , тотчасъ забѣгу посмотрѣть : не тутъ ли безрукій — и какъ онъ ни увертливъ , вѣрно бы мнѣ попался , если бы въ то время батюшка не возвратился изъ города и не привезъ съ собою новыхъ игрушекъ , которыя заставили меня на время позабыть о безрукомъ .

Радость! веселье! прыгаю! люблюсь игрушками!
а нянюшка ставить да ставить рядкомъ ихъ на
столъ, покрытомъ салфеткою, приговаривая : « Не
ломай, не разбей, по маленьку играй, дитятко. »
Между-тѣмъ зазвонили къ обѣду.

Я прибѣжалъ въ столовую, когда батюшка раз-
сказывалъ отъ-чего онъ такъ долго не возвращался.
« Все постромки лопались, » говорилъ онъ : « а не
постромки такъ кучеръ, то и дѣло, что кнутъ свой
теряеть; а не то, пристяжная ногу зашибеть, бѣда
да и только! хоть стань на дорогъ; ужъ въ-самомъ-
дѣлѣ я подумалъ : не отъ Игоши ли? »

— Отъ какого Игоши? спросила его маменька.

« Да вотъ послушай, — на завтражкѣ я остано-
вился лошадей покормить; прозябъ я и вошелъ въ
избу погрѣться; въ избѣ за столомъ сидятъ трое
извошниковъ, а на столѣ лежатъ четыре ложки;
вотъ они хлѣбъ ли рѣжутъ, лишній ломоть къ
ложкѣ положить; пирога ли попросятъ, лишній
кусокъ отрушатъ.

« Кому это вы, вѣрно товарищу оставляете, доб-
рые молодцы? » спросилъ я.

— Товарищу не товарищу, отвѣчали они : — а
такому молодцу, который обидъ не любитъ.

« Да кто жъ онъ такой? » спросилъ я.

— Да Игоша, баринъ.

Что за Игоша, вотъ я ихъ и ну допрашивать.

— А вотъ послушайте, баринъ, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ : — лѣтось у земляка-то родился сынокъ, такой хворенькой, Богъ съ нимъ, безъ ручекъ, безъ ножекъ — въ чемъ душа ; не успѣли за попомъ сходить, какъ онъ и духъ испустилъ ; до обѣда не дожилъ. Вотъ, дѣлать нечего, заплакали, погоревали, да и предали младенца землѣ. Только съ той поры все у насъ стало не по-прежнему... впрочемъ, Игоша, баринъ, малый добрый : нашихъ лошадей бережетъ, гривы имъ заплетаетъ, къ попу подъ благословенье подходить ; — но если же ему лишней ложки за столомъ не положишь, или попь лишняго благословенья при отпускѣ въ церкви не дасть, то Игоша и пойдетъ кутить : то у попадьи квашню опрокинетъ, или изъ горшка горохъ выбрасаетъ ; а у насъ или у лошадей подкову сломаетъ, или у колокольчика языкъ вырветъ, — мало ли что бываетъ.

«И! да я вижу Игоша-то проказникъ у васъ,» сказалъ я : «отдайте-ка его мнѣ, и если онъ хорошо мнѣ послужитъ, то у меня ему славное житье будетъ; я ему, пожалуй, и харчевыя назначу.

«Между-тѣмъ лошади отдохнули, я отогрѣлся, сѣлъ въ сани, покатился : не отъѣхали версты — шлея соскочила, потомъ постромки оборвались, а наконецъ оглобля пополамъ, — цѣлыхъ два часа понапрасну потеряли. Въ-самомъ-дѣлѣ подумашь, что Игоша ко мнѣ привязался.»

Такъ говорилъ батюшка ; я не пропустилъ ни

одного слова. — Въ раздумьи пошелъ я въ свою комнату, сѣлъ на полу, но игрушки меня не занимали, — у меня въ головѣ все вертѣлся Игоша да Игоша. Вотъ, я смотрю, — няня на ту минуту вышла, — вдругъ дверь отворилась; я, по своему обыкновенію, хотѣлъ-было вскочить, но невольно присѣлъ, когда увидѣлъ, что ко мнѣ въ комнату вошелъ припрыгивая маленькій человѣчикъ въ крестьянской рубашкѣ, подстриженный въ кружокъ; глаза у него горѣли какъ угольки и голова на шейкѣ у него безпрестанно вертѣлась; съ самаго перваго взгляда, я замѣтилъ въ немъ что-то странное, посмотрѣлъ на него пристальнѣе и увидѣлъ, что у бѣдняжки не было ни рукъ, ни ногъ, а прыгалъ онъ всѣмъ туловищемъ. Какъ мнѣ его жалко стало. Смотрю, маленькій человѣчикъ прямо къ столу, гдѣ у меня стояли рядкомъ игрушки, вцѣпилъ зубами въ салфетку и потянулъ ее какъ собаченка; посыпались мои игрушки: фарфоровая моська въ дребезги, барабанъ у барабанщика выскочилъ, у колясочки слетѣли колеса, — я взвылъ и закричалъ благимъ матомъ: «что за негодный мальчишка! — зачѣмъ ты сронилъ мои игрушки, эдакой злыдець! да что еще мнѣ отъ нянюшки достанется! говори, зачѣмъ ты сронилъ игрушки?»

— А вотъ зачѣмъ, отвѣчалъ онъ тоненькимъ голоскомъ: — за тѣмъ, прибавилъ онъ густымъ басомъ, — что твой батюшка всему дому валежки сшилъ, а мнѣ маленькому, заговорилъ онъ снова тоненькимъ голоскомъ, — ни одного не сшилъ, а

теперь мнѣ, маленькому, холодно, на дворѣ морозъ, гололедица, пальцы костенѣютъ.

«Ахъ, жалкинѣй!» сказалъ я съ начала, но потомъ, одумавшись : «да какіе пальцы, негодный; да у тебя и рукъ-то нѣтъ; на что тебѣ валежки?»

— А вотъ на что, сказалъ онъ басомъ : — что ты вотъ видишь, твои игрушки въ дребезгахъ, такъ ты и скажи батюшкѣ : «батюшка, батюшка, Игоша игрушки ломаетъ, валежекъ просить, купи ему валежки,» — а ты возьми да и брось ихъ ко мнѣ въ окошко.

Игоша не успѣлъ окончить, какъ нянюшка вошла ко мнѣ въ комнату; Игоша не простъ молодецъ, разомъ лыжи наострилъ; — а нянюшка на меня : «Ахъ ты проказникъ, сударь! зачѣмъ изволилъ игрушки сронить? Нельзя тебя одного ни на минуту оставить. Вотъ ужю тебя маменька...»

— Нянюшка! не я уронилъ игрушки, право не я, это Игоша...

«Какой Игоша, сударь?... еще изволишь выдумывать!»

— Безрукій, безногій, нянюшка.

На крикъ прибѣжалъ батюшка, я ему рассказалъ все какъ было, онъ расхохотался. — «Изволь, дамъ тебѣ валежки, отдай ихъ Игошѣ.»

Такъ я и сдѣлалъ. Едва я остался одинъ, какъ Игоша явился ко мнѣ, только ужъ не въ рубашкѣ, а въ полушубкѣ.

«Добрый ты мальчикъ,» сказалъ онъ мнѣ тоненькимъ голоскомъ : «спасибо за валежки ; посмотри-ка, я изъ нихъ себѣ какой полушубокъ сшилъ, вишь, какой славный!» И Игоша сталъ повертываться со стороны на сторону и опять къ столу, на которомъ нянюшка поставила свой завѣтный чайникъ, очки, чашку безъ ручки, и два кусочка сахара, — и опять за салфетку и опять ну тянуть.

«Игоша! Игоша!» закричалъ я : «погоди, не роняй, — хорошо мнѣ одинъ разъ прошло, а въ другой не повѣрятъ ; скажи лучше, что тебѣ надобно?»

— А вотъ что, сказалъ онъ густымъ басомъ : — я твоему батюшкѣ вѣрой и правдой служу, не хуже другихъ слугъ ничего не дѣлаю, а имъ всемъ батюшка къ празднику сапоги пошилъ, а мнѣ, маленькому, — прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, — и сапожишковъ нѣтъ, на дворъ днемъ мокро, ночью морозно, ноги ознобишь...— и съ сими словами Игоша потянулъ за салфетку и полетѣли на полъ и завѣтный нянюшкинъ чайникъ, и очки выскочили изъ очешника, и чашка безъ ручки разшиблась, и кусочикъ сахара укатился...

Вошла нянюшка, опять меня журить ; я на Игошу, она на меня.

«Батюшка, безногий сапоговъ просить,» закричалъ я, когда вошелъ батюшка.

— Нѣтъ, шалунъ, сказалъ батюшка : — разъ тебѣ прошло, въ другой разъ не пройдетъ ; эдакъ ты у меня всю посуду перебьешь ; полно про Игошу-то толковать, становись-ка въ уголь.

« Не бось, не бось, » шепталъ мнѣ кто-то на ухо : « я уже тебя не выдамъ. »

Въ слезахъ я побрелъ къ углу. Смотрю : тамъ стоитъ Игоша ; только батюшка отвернется, а онъ меня головой толкъ да толкъ въ спину, и я очутюсь на коврѣ съ игрушками посрединѣ комнаты ; батюшка увидитъ, я опять въ уголь ; отворотится, а Игоша снова меня толкнетъ.

Батюшка разсердился. « Такъ ты еще не слушаться ? » сказалъ онъ : « сей часъ въ уголь и ни съ мѣста. »

— Батюшка, это не я... это Игоша толкается.

« Что ты вздоръ мелешь, негодяй ; стой тихо ; а не то, на цѣлый день привяжу тебя къ стулу. »

Радъ бы я былъ стоять, но Игоша не давалъ мнѣ покоя ; то ушипнетъ меня, то оттолкнетъ, то сдѣлаетъ мнѣ смѣшную рожу — я захохочу ; Игоша для батюшки былъ невидимъ — и батюшка पुше разсердился.

« Пстой, » сказалъ онъ : « увидимъ, какъ тебя Игоша будетъ отталкивать, » — и съ сими словами привязалъ мнѣ руки къ стулу.

А Игоша не дремлетъ : онъ ко мнѣ и ну зубами тинуть за узлы ; только батюшка отворотится, онъ

петлю и вытянетъ ; не прошло двухъ минутъ — и я снова очутился на коврѣ между игрушекъ , по срединѣ комнаты.

Плохо бы мнѣ было, если бъ тогда не наступилъ уже вечеръ ; за непослушаніе меня уложили въ постель ранѣе обыкновеннаго, накрыли одеяломъ и велѣли спать, обѣщая, что завтра сверхъ того меня запрутъ одного въ пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула въ свинецъ свои пукли, надѣла коленкоровой чепчикъ, бѣлую канифасную кофту, пригладила виски свѣчнымъ огаркомъ, покурила ладономъ и захрапѣла, я прыгъ съ постели, схватилъ нянюшкины ботинки и махнулъ ихъ за форточку, приговоря въ полголоса : « вотъ тебѣ, Игоша. »

— Спасибо ! — отвѣчалъ мнѣ со двора тоненькій голосокъ.

Разумѣется, что ботинокъ на затра не нашли, — и нянюшка не могла надивиться, куда онѣ дѣвались.

Между-тѣмъ, батюшка не забылъ обѣщанія и посадилъ меня въ пустую комнату, такую пустую, что въ ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

« Посмотримъ, » сказалъ батюшка : « что здѣсь разобьетъ Игоша ! Нѣтъ, братъ, я вижу, что ты не по лѣтамъ выросъ на шалости... пора за ученье. — Теперь сиди здѣсь, а чрезъ часъ за азбуку, » и съ

этими словами батюшка заперъ двери. Нѣсколько минутъ я былъ въ совершенной тишинѣ, и прислушивался къ тому странному звуку, который слышится въ ухъ, когда совершенно тихо въ пустой комнатѣ. Мнѣ приходилъ на мысль и Игоша. Что-то онъ дѣлаетъ съ нянюшкиными ботинками? вѣрно скачетъ по гладкому снѣгу и взрываетъ хлопья.

Какъ-вдругъ форточка хлопнула, разбилась, зазвенѣла и Игоша, съ ботинкой на головѣ, запрыгалъ у меня по комнатѣ. «Спасибо! спасибо!» закричалъ онъ пискляво: «вотъ какую я себѣ славную шапку сшилъ!»

— Ахъ! Игоша! не стыдно тебѣ! я тебѣ и полубокъ досталъ, и ботинки тебѣ выбросилъ изъ окошка, — а ты меня только въ бѣды вводишь!

«Ахъ ты неблагодарный,» закричалъ Игоша густымъ басомъ: «я ли тебѣ не служу,» прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ: «я тебѣ и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и въ уголъ не пускаю, и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, такъ рамы бью; да къ тому жь служу тебѣ и батюшкѣ изъ чести, обѣщанныхъ харчевыхъ не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правда у насъ говорится, что люди самое неблагодарное твореніе! Прощай же, братъ, если такъ, не поминай меня лихомъ. Къ твоему батюшкѣ прѣхалъ изъ города Нѣмецъ, докторъ, который надумилъ твоего батюшку тебя за азбуку посадить, да все меня къ себѣ напрашивается, попробую ему

послужить; я ужь и такъ ему стклянки перебилъ, а вотъ къ вечеру послѣ ужина и парикъ подъ бильярдъ закину, — посмотримъ, не будетъ ли онъ тебя благодарнѣе...»

Съ сими словами исчезъ мой Игоша и мнѣ жаль его стало.

Съ-тѣхъ-поръ, Игоша мнѣ болѣе не являлся. Мало-по-малу, ученье, служба, житейскія происшествія отдалили отъ меня даже воспоминаніе о томъ полусонномъ состояніи моей младенческой души, гдѣ игра воображенія такъ чудно сливалась съ дѣйствительностію; этотъ психологическій процессъ сдѣлался для меня недоступнымъ; тѣ условія, при которыхъ онъ совершался, уничтожились разсудкомъ; но иногда, въ минуту пробужденія, когда душа возвращается изъ какого-то инаго міра, въ которомъ она жила и дѣйствовала по законамъ, намъ здѣсь неизвѣстнымъ, и еще не успѣла забыть о нихъ, въ эти минуты, странное существо, являвшееся мнѣ въ младенствѣ, возобновляется въ моей памяти и его явленіе кажется мнѣ понятнымъ и естественнымъ.

НЕБОЙДЕННЫЙ ДОМЪ.

(ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ О КАЛИКѢ ПЕРЕХОЖЕЙ, И О НѢКОЕМЪ СТАРЦѢ.)

ПОСВ. В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Давнымъ-давно, въ тѣ годы, которыхъ и дѣды не запомнятъ, на зарѣ ранней, утренней, шла путемъ-дорогою калика переходящая; спѣшила она въ Заринской Монастырь на богомолье, родителей помянуть, чудотворнымъ иконамъ поклониться. Не дологъ былъ путь — всего-то верстъ десять, да старушка-то ужь не та, что бывало въ молодья лѣта; идетъ идетъ, да пріостановится: то духъ занимаетъ, то колѣни подгибаются. Вотъ слышитъ она, въ монастырѣ звонятъ ужь къ заутренѣ. «Ахти,» сказала она, «замышкалась я окаянная; не поспѣть мнѣ къ заутренѣ, хоть бы Богъ привелъ часовъ-то не пропустить.» Смотритъ—а къ лѣсу идетъ тропинка прямо на монастырь. «Постой-

ка,» подумала старушка «дай Богъ память; я, кажись, въ молоды лѣта по той по тропинкѣ хаживала, вѣдь ею вдвое ближе, чѣмъ обходомъ идти.» И старушка своротила въ лѣсъ на хожалую тропинку. Такъ и обдало нашу калику смолистымъ запахомъ сосенъ и силы ея подкрѣпились.

Красное солнышко на восходѣ играетъ по прогалинамъ, птицы очнулись и кормятъ дѣтенышей, медвяная роса каплетъ съ вѣтвей; старушка идетъ да идетъ; благовѣсть ближе, да ближе, а лѣсъ все гуще. да гуще. Идетъ она часъ, идетъ и другой, а все не видать конца лѣса; вотъ и благовѣсть пересталъ, и тѣни отъ деревьевъ сдѣлались короче — а все не можетъ старушка выйдти изъ лѣса; оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругомъ лишь темень лѣсная; ни жилья, ни былья, ни голоса человѣческаго, а у старушки уже ноги едва двигаются, и въ горлѣ пересохло; жажда томить, въ глазахъ темнѣетъ; но все идетъ она, едва шагъ за шагомъ переступаетъ; вдругъ пахнуло на нее живымъ дымомъ, а вотъ невдалекѣ и лѣсъ прорѣдѣлъ; старушка перекрестилась, закусила стебелекъ щавеля и съ того у калики словно силы прибавилось. Прошла съ десятокъ шаговъ — передъ нею поляна; посреди поляны дубовый домъ съ закрытыми ставнями, тесовы ворота на запоръ — и не видать ни души христіанской; — у воротъ скамеечка; калика присѣла и пригорюнилась. Вотъ залаяла въ подворотню цѣпная собака, калитка отворилась и вышелъ малой лѣтъ пятнадцати, подстри-

женъ въ кружокъ, въ красной рубахъ, ремнемъ подпоясанъ; онъ искоса посмотрѣлъ на старуху, отряхнулъ волоса, подперъ боки руками и молвилъ :

«А кого тебѣ здѣсь надобно, старушонка?»

— Ахъ, родимый; никого мнѣ не надобно; шла я на богомолье въ монастырь, да заблудилась и изъ силъ выбилась; не дай умереть безъ покаянія, дай водицы испить.

Молодой малый поглядѣлъ въ раздумьи на старуху, еще разъ встряхнулъ головою, вошелъ въ калитку и чрезъ минуту возвратился; въ одной рукѣ несъ онъ ковшъ съ ячнымъ квасомъ, въ другомъ — краюху свѣжаго хлѣба съ бузою.

Старушка кваску прихлѣбнула, хлѣбцемъ закусила и стала какъ встрепаная. «Спасибо тебѣ, добрый человекъ,» сказала она, «душеньку отвелъ. Богъ тебя наградить, что старуху призрѣлъ.»

— Ты однакоже не долго здѣсь калякай — промолвилъ малой въ красной рубахъ — отдохнула и ступай своею дорогою; а то неравно хозяева наѣдутъ — не сдобровать тебѣ, старушонка.

«Да кто же они такіе, родимой?»

— Да у насъ здѣсь, бабушка, отвѣчалъ малой улыбаючись — веселы люди живутъ; зелено вино пьютъ, въ зернь играютъ, красныхъ дѣвокъ целуютъ, — людей рѣжутъ.

«Ахъ родимый, родимый! Никола тебѣ на встрѣчу — какъ же ты съ такими людьми живешь?»

— Э, бабушка, не твое дѣло. Ступай отсюда, пока жива; говорятъ тебѣ, наѣдутъ сюда хозяева, увидятъ, что чужія очи нашъ притонъ обозрили, — не спустятъ тебѣ. И я то ужь такъ сжалился надъ тобою отъ-того, что покойницу бабушку напонила, которая, бывало, меня молодого на рукахъ носила, да пряникомъ кормила... Ну, ступай же... вотъ этой тропинкой прямо уткнешься на монастырь.

«Иду, иду, родимый, кто бы ты ни былъ, спасибо тебѣ... награди тебя Богъ, вразуми тебя Господь.»

И опять пошла старушка путемъ-дорогою, идетъ часъ, идетъ и другой. «Не поспѣла къ заутреннѣ,» думаетъ, «не поспѣю и къ ранней обѣднѣ; авось-либо Богъ приведетъ хоть у поздней помолиться.»

Вотъ и солнце поднялось выше, роса обсохла, по лѣсу подымается душистый паръ донника и Божьей зари, рой мошекъ жужжитъ и кружится по прогалинамъ. А старушка идетъ, да идетъ. Благовьсть все ближе да ближе, а лѣсъ все гуще да гуще.

Идетъ она часъ, идетъ и другой; уже почти нѣтъ тѣней отъ деревьевъ, и нѣтъ конца лѣса. Оглядывается: спереди тропинка, сзади тропинка, а кругомъ лишь темень лѣсная; ни жилья, ни быльи, ни голоса человѣческаго. А старушка идетъ, да идетъ, — вотъ впереди прояснилось и лѣсъ прорѣдѣлъ. «Слава Богу,» думаетъ, «на силу-то дотащилась!» собрала

последнія силы... смотреть, — а предъ ней опять та же поляна, а на полянѣ тотъ же дубовый домъ съ закрытыми ставнями, тесовы ворота на запорѣ — и не видать ни души христіанской.

«Ахъ я, окаянная, опять заблудилась, опять къ тому же мѣсту пришла.»

Дѣлать нечего; старушка присѣла въ тѣни и пригорюнилась; цѣпная собака залаяла въ подворотню; калитка отворилась и вышелъ парень лѣтъ 35-ти, въ красной рубахѣ, ремнемъ подпоясанъ.

«А, здорово старушонка, по добру ли, по здорову поживаешь; сколько лѣтъ, сколько зимъ съ тобой не видались, а все я тебя тотчасъ узналъ, ты ни на волосъ не перемѣнилась... какъ была такъ и есть!»

— Не запомню, родимый, Никола тебѣ на встрѣчу; а кажись, я тебя съ роду не видывала.

«Эхъ, старушка, ты вѣрно ужъ изъ памяти начала выживать; помнишь, лѣтъ 20 тому назадъ, ты къ заутренѣ шла, да заблудилась, а я еще тебя хлѣбомъ кормилъ, да дорогу тебѣ показывалъ; я какъ теперь на тебя смотрю.»

— Что ты, родимый, Никола тебѣ на встрѣчу; была я здѣсь, знаю, выходилъ ко мнѣ малой лѣтъ 15-ти, и, спасибо ему, хлѣбомъ накормилъ.

«Да то вѣдь я-то и былъ, старушонка.»

— И, что ты, родимой! это было сегодня поутру, и выходилъ ко мнѣ малый лѣтъ 15-ти, а ты, Богъ тебя помилуй, уже на возрастъ.

«И, старушка, ты ужъ изъ ума начала выживать; какое поутру, говорятъ тебѣ ужъ лѣтъ двадцать тому, ты сюда приходила, вотъ на этой скамеечкѣ сидѣла; помнишь?»

— Какъ не помнить, родимой, только вишь ты, было это сегодня рано поутру, а дотолѣва здѣсь я никогда не бывала.

«Ну, я вижу, съ тобой до бѣла свѣта не сговоришь, совсѣмъ изъ памяти выжила... Посмотрю я на тебя, измучилась ты, старушонка, потъ съ тебя такъ градомъ и катитъ, дай вынесу тебѣ рушникъ обтереться.»

Такъ примолвилъ парепъ въ красной рубахѣ, вошелъ въ калитку и скоро возвратился оттуда съ полотенцомъ, вышитымъ красною бѣлью.

Едва старушка взяла его въ руки, какъ вскрикнула:

— А откуда, родимой, у тебя это полотенце?

«Откуда бы ни было,» отвѣчалъ парепъ сердито, «знай утирайся.»

— Да вѣдь это полотенце-то я шила сынишкѣ на дорогу.

«Сынишкѣ,» повторилъ парепъ: «а какой онъ изъ себя былъ?»

— Ахъ, мой сынишка славный малой... да развѣ ты знаешь его?

«Говорятъ тебѣ: каковъ онъ изъ себя былъ?»

— Малой лѣтъ 15-ти, свѣтлорусый, волосы въ кудряжкахъ, въ синемъ зипунѣ, въ поярковой шляпѣ.

«Свѣтлорусый, волосы въ кудряжкахъ?» повторилъ мрачно парень въ красной рубахѣ: «ну, жаль, старуха, что не зналъ.»

— Да что жъ съ нимъ случилось, родимый? — сказала старушка испугавшись.

«Да такъ, ничего,» отвѣчалъ парень: «запиши его въ поминанье... его въ живыхъ больше нѣтъ.»

Наша калика перехожая такъ и ударилась объ землю и зарыдала.

«Ну, полно рюмиться-то, мертваго не воротишь.»
Старушка очнулась.

— Какъ же ты знаешь, родимой, что его въ живыхъ не стало, полно, правда ли это?

«Еще правда ли? еще знаешь ли? Вольно тебѣ было его на святость воспитать: заманили мы его сюда; видимъ, малой славной, думали, будетъ изъ него путь; говоримъ ему: будь нашего сукна епанча, а онъ и руками и ногами, заартачился...»

— Ну, такъ что жъ, батюшка?

«Ну, что жъ? вѣстимо дѣло, карачувъ ему дали, да и пустили въ Волгу окуней ловить.»

Старушка снова зарыдала.

«Скажи, родимой, хоть съ покаяніемъ ли онъ Богу душу отдалъ?»

— Ну, вѣстимо намъ было къ нему не попа приводить, а молиться-то онъ молился, сердечной. Ну да полно рюмить, убирайся отсюда, не то, наши наѣдутъ и тебѣ то же будетъ, что и сынишкѣ твоему.

«Божья воля, отецъ мой; покажи только дорогу, куда до пустыни дойти; сына помянуть, за тебя Богу помолиться.

— За меня? Полно обманывать, я чай, проклинать меня будешь.

«Нѣтъ, родимый! что проклинать! буду молиться о спасеніи грѣшной души твоей.»

Парень задумался.

— Странна ты, старуха, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — сколько я душъ погубилъ, молодыхъ и старыхъ, всякаго пола и возраста, и рука не дрогла, а вотъ каждое твое слово, какъ пожемъ душу рѣжетъ, и рука на тебя не поднимается... ну, убирайся отсюда, пока не осерчалъ, ступай этой тропинкой, такъ прямо и уткнешься на монастырь.

И старушка опять идетъ путемъ дорогою, рукавомъ слезинки отираетъ.

«Наказалъ меня Богъ,» говоритъ; «не поспѣла, окаянная, ни къ заутренѣ, ни къ обѣднѣ, авось-либо Богъ приведетъ за вечерней помолиться.»

Вотъ идетъ она, идетъ часъ, идетъ и другой; а въ поляхъ стада убрались, посередь лѣса птицы прикорнули, выходила туча грозовая со частымъ дождичкомъ; и опять все очнулось; стада голосъ дали, птицы вспорхнули; вотъ послышался въ пустыни и благовѣсть къ вечернѣ. Благовѣсть все ближе да ближе, а лѣсъ все гуще да гуще.

Идетъ старушка часъ, идетъ и другой; вотъ и

благовѣсть пересталъ, солнце ниже спустилось и далеко, далеко потянулася тѣнь отъ деревьевъ, — а все не видать конца лѣсу. Оглядывается калика : спереди тропинка, сзади тропинка, а кругомъ лишь темень лѣсная ; ни жилья ни былья, ни голоса человѣческаго. А калика идетъ да идетъ — вотъ впереди прояснилось и лѣсъ прорѣдѣлъ. « Слава Богу, » говоритъ калика переходящая, « на силу-то дотацилась ! » собрала послѣднія силы, смотритъ — передъ ней опять та же поляна, а на полянѣ тотъ же дубовый домъ съ закрытыми ставнями ; тесовы ворота на запорѣ и не видать ни души христіанской.

« Ахъ, прости Господи, » сказала старушка : « опять я на то же мѣсто пришла, окаянная, а ужъ и силъ нѣтъ больше идти ; не попускаетъ Богъ до пустыни дойти ; буди Твоя святая воля. »

Старушка сѣла подъ дерево и пригорюнилась.

Собака залаяла въ подворотню, калитка отворилась, выходитъ старикъ лѣтъ 60-ти, сѣдой какъ лунь, на клюку опирается.

« А, старушонка, » сказалъ онъ : « по добру ли, по здорову ли ты живешь ? сколько лѣтъ, сколько зимъ съ тобой не видались. Да ты, видно, вѣка не изживаешь : какая была, такъ и есть, нисколько не перемѣнилась, а вѣдь мы лѣтъ двадцать съ тобой не видались. »

— Кажись, я тебя, родимый, съ роду не видывала, отвѣчала старуха : — была я здѣсь, и не одинъ разъ, да только сегодня поутру, да въ полдень ; вы-

ходилъ ко мнѣ парень въ красной рубахѣ, и сказалъ мнѣ горькую вѣсточку.

«Да это я самый и былъ; помнишь, рушникъ тебѣ подавалъ; только будетъ тому лѣтъ десятка два и болѣе; правда, я съ той поры много перемѣнился; кажись и не старъ я лѣтами, а ужь куда похирѣлъ; буйная молодецкая жизнь загубила; да какъ же ты-то нисколько не перемѣнилась, вотъ, какъ теперь на тебя смотрю?»

— Ну ужь я и ума не приложу, родимой; изъ памяти что ли я въ-самомъ-дѣлѣ выжила; знаю только то, что была я здѣсь поутру, а тебя съ роду не видывала.

«Подлинно такъ,» сказалъ старикъ: «и я ничего не понимаю; что-то тутъ чудное дѣется; вотъ ужь двадцать лѣтъ тому, ты мнѣ то же говорила; много съ той поры воды утекло, много грѣховъ я на душу свою положилъ! однако нечего здѣсь долго толковать; наши наѣдутъ, не сдобровать тебѣ, убирайся отсюда, покуда жива.»

— Нѣтъ, родимой, ужь какъ хочешь, не пойду я отсюда, ноги не держутъ.

«Что ты, неразумная; да вѣдь наѣдутъ товарищи — убьютъ тебя.»

— Да будетъ воля Божія.

«Что жь ты, не бось, смерти не боишься?»

— Да чего жь ея бояться? Прійдетъ часъ и воля Божія. —

«Такъ ты смерти не боишься,» повторишь ста-

рикъ и задумался. «Ну,» прибавилъ онъ помолчавши : «я такъ смерти боюсь.»

— Молись Богу, родимой, Никола тебѣ на встрѣчу, — такъ и не будешь смерти бояться.

«Мнѣ молиться? Да не-ужь-ли Богъ услышитъ мою молитву?»

— Вѣстимо, что услышитъ, когда помолишься съ покаяніемъ.

«Да ты знаешь ли, старушонка, съ кѣмъ ты говоришь; если бѣ ты знала, да вѣдала — сколько я душъ погубилъ неповинныхъ; нѣтъ беззаконія, котораго бы я не сдѣлалъ; нѣтъ грѣха, въ которомъ бы не окунулся, — и ты думаешь, что меня Богъ помилуетъ?...»

— Покайся, Богъ помилуетъ.

«Поздно, старушка! ужь и сна у меня нѣтъ, только заведу глаза, какъ и вижу — ко мнѣ тянутся кровавыя руки; вижу, какъ теперь тебя вижу, посинѣлыя лица, помертвѣлыя очи; а въ ушахъ-то и крикъ, и визгъ, и стонъ, и проклятія; мнѣ ли молиться, старушка! у Господа столько и милости не достанетъ.»

— Молись, говорю тебѣ, у Бога милости много, и не перечешь, родимый. —

Старикъ задумался.

«Знаешь ли, что тебѣ скажу? проговорилъ онъ : «скажу тебѣ правду истинную : я часто о тебѣ вспоминалъ; приходили мнѣ на память твои рѣчи; помнишь, какъ ты о младомъ обо мнѣ молилась, чтобы

Богъ вразумилъ меня; помнишь, какъ обыцала молиться, когда я сына твоего убилъ; я ничего не запомнилъ, и все мнѣ хотѣлось потолковать съ тобой о душѣ моей; ахъ, черна она, родимая, какъ смоль черная, и горяча она, какъ кровь теплая; ну, слушай — здѣсь тебѣ сидѣть не годится, наѣдутъ, увидятъ; пойдѣмъ въ избу, тамъ я тебѣ найду укромное мѣсто.»

Онъ подаль руку старушкѣ, она оперлась на его клюку и потащилась въ домъ; въ сѣняхъ старикъ приподнялъ половницу; «ступай внизъ, сказалъ онъ, да держись за веревку, не то споткнешься.»

Старушка сошла въ подполицу, темную, темную; свѣтъ проходилъ только сверху въ отдушины; по стѣнамъ стояли ларцы, сундуки, скринки, баулы разнаго рода, всякая посуда; по стѣнамъ развѣшены пожи, ружья и всякаго платья несмѣтное множество.

«Это наша кладовая, — сказалъ старикъ, не даромъ она намъ досталась.»

Старушка творила молитву и шла далѣе. Прошла одну горницу, другую, третью; видитъ все по порядку: въ одной скарбъ домашній, въ другой мужское платье, въ третьей женское, камни самоцвѣтные, жемчугъ, серьги и ожерелья.

«Душно здѣсь что-то, дѣдушка,» сказала она.

— И мнѣ душно — вскричалъ старикъ; какъ подумаешь, да погадаешь, что подъ этими платьями все были живые люди, и что ни одинъ изъ нихъ своею смертию не умеръ, то такъ морозъ по жиламъ и

пробѣгаетъ; все кажется, что подѣ платьями люди шевелятся; ну, да нечего дѣлать, прошлаго не воротить; садись-ка вонъ тамъ въ уголку на сундукъ; тамъ изъ отдушины вѣтерокъ подуваетъ. —

Старушка съела, едва переводя дыханіе; смотритъ — надѣ головою у ней платье камковое цареградское, сарафаны золотые, парчевые и подѣ ними, прямо противъ ея глазъ, жемчужныя, янтарныя ожерелья, монисты, а между ними на бисерной ниткѣ крестъ съ ладонкою.

Старушка не взвидѣла свѣта, схватилась за ладонку и горько заплакала.

«Скажи, дѣдушка, не обманывай, откуда ты взялъ это ожерелье?»

— А что оно, знакомо тебѣ, что ли? — спросилъ старикъ, задрожавъ.

«Какъ незнакомо», сказала старушка, «это ожерелье моего ненагляднаго сокровища, моей дочери.»

Старикъ повалился ей въ ноги,

— Ахъ, мать родная — завопилъ онъ — кляни меня, — нѣту въ живыхъ твоей дочери; не пожалѣлъ я ея красоты дѣвической; замучилъ я ее вотъ этой рукою; билась она, сердечная, какъ горлица; молила меня, чтобъ позволилъ ей хоть перекреститься, — и до того я ее не допустилъ.

Старушка пуще заплакала.

«Ну, отпусти тебѣ Богъ, сказала она, много грѣха ты принялъ на свою душу.»

— Гдѣ Богу мнѣ отпустить, вопилъ старикъ въ забытіи: — нѣту прощенія грѣхамъ моимъ; нѣтъ мнѣ спасенія ни въ семь, ни въ будущемъ мірѣ.

«Не бери еще новаго грѣха на свою душу, родимый — не мертви души отчаяніемъ: уныніе — первый грѣхъ — покайся да помолися, у Бога милости много!»

— Что ты говоришь, мать родная — вопилъ старикъ, гдѣ Богу простить меня — да вѣдь и ты не простишь меня...

«Нѣтъ, не говори этого, родимой, Никола тебѣ на встрѣчу, — какъ не простить; много ты согрѣшилъ, послѣднее мое утѣшеніе отнял, — но да простить тебя Богъ, какъ я тебя прощаю... только покайся...

— И въ молитвахъ помянешь грѣшнаго раба Федора?...

«И въ молитвахъ помяну»...

Старикъ и пуще зарыдалъ.

— Нѣтъ, мать родная, ужь не покину я тебя теперь — жутко мнѣ здѣсь оставаться; веди меня куда хочешь, гдѣ бы я могъ тебѣ на свободѣ всю душу раскрыть, всѣ грѣхи мои исповѣдать, наказанье принять. —

«Не мое то дѣло, родимый; а если Богъ твою мысль просвѣтилъ, то иди въ пúстынь, спроси настоятеля, онъ тебѣ укажетъ, что дѣлать.

Они вышли изъ дома, солнце заходило, легкой вѣтерокъ повѣвалъ съ востока; въ пустыни слы-

шалея благовѣсть ко всенощной. Не долго шли старикъ со старухою — пѣстынь была въ полверсть не больше, — и дорога изъ лѣса шла къ ней прямая.

Божій храмъ сіялъ во всемъ благолѣпіи; тысячи свѣчь блистали у золоченыхъ иконъ; невидимый хоръ тихо пѣлъ славу Божию; дымъ изъ кадилницъ подымался въ высъ свѣтлымъ облакомъ; на паперти, въ притворѣ, стояла толпа народа; едва старушка могла пробраться въ церковь. Въ толпѣ кто-то сказалъ ей на ухо: «помолися о грѣшномъ рабѣ Ѳедорѣ». Старушка перекрестилась, стала къ сторонкѣ, и горячо молилась сперва о грѣшномъ рабѣ Ѳедорѣ, потомъ и объ убіенныхъ имъ, а потомъ и о себѣ грѣшной, — молилася не безъ слезъ, но съ вѣрою и надеждой.

Всенощная отошла; міряне стали подходить къ иконамъ; и старушка поднялась съ мѣста. Смотритъ — передъ нею идетъ свѣтлорусый мужчина съ виду лѣтъ пятидесяти, здоровый и свѣжій; за нимъ, видно, жена его и дѣти уже на возрастъ; а за этою семьею — другая, женщина лѣтъ пятидесяти, съ нею мужъ и также дѣти на возрастъ. Сердце забилося у старушки — вспомнила она про дѣтей: «теперь и они были бѣ такіе»; утерла слезу рукавомъ, перекрестилась и пошла также къ иконамъ прикладываться. Приложилась — вышла на паперть, — смотритъ, а за нею идутъ объ семьи и пристально на нее смотрятъ; старушка обернулась — лампадою отъ иконы освѣтилось лицо ея. Свѣтлорусый мужъ

чина подошелъ къ старушкѣ , поклонился и началъ было : « позволъ тебя спросить , бабушка... » да какъ заплачетъ , да какъ кинется ей въ ноги : « ты ли это , наша мать родная ? гдѣ ты была , куда пропадала ? мы ужь тебя и въ живыхъ не чаяли . »

За нимъ и женщина кинулась старухѣ въ ноги .

« Ты ли это , матушка ? ужь гдѣ мы тебя не искали ! всѣ очи по тебѣ выплакали . »

— Вы ли это , дѣти ? — говорила старушка сквозь слезы : — какъ васъ Богъ помиловалъ ? Что съ вами было ?

« Какъ и рассказать , матушка — отвѣчалъ свѣтлорусый мужчина : — какъ ты пошла на богомолье сюда въ пѹстынь , мы пождали тебя день , другой . — видимъ нѣтъ тебя и пошли на поискъ : и приходили въ монастырь , и весь лѣсъ исходили , и голосомъ тебя кликали , и прохожихъ спрашивали — ни откуда ни вѣсточки . Прошелъ годъ , прошелъ и другой , прошло пять и десять ; ужь давно мы тебя , родную , за упокой поминали , горевали да плакали . Прошло еще лѣтъ съ десятокъ , межъ тѣмъ за сестру присватался человекъ изрядный , и я нашелъ себѣ по сердцу невѣсту , мы побрачались , родимая , прости , что безъ твоего благословенія — мы тебя въ живыхъ не чаяли — вотъ , посмотри и внучата твои... »

« Горько было намъ безъ тебя , родимая , — часто поминали , мы о тебѣ , — но во всемъ другомъ была намъ несказанная благодать Божія . Всѣ мы здоровы , дѣти намъ утѣшеніе ; что ни посядемъ , стори-

цею взойдетъ ; въ торговлю пустимъ — неожиданная прибыль ; словомъ , что ни предпримемъ — какъ-будто святой о насъ старается , не въсь откуда со всѣхъ сторонъ добро намъ въ домъ идетъ . »

Старушка сотворила въ глубинѣ сердца благодарную молитву .

« А цѣль ли у тебя рушникъ , который я тебѣ шила ? » спросила она улыбаясь .

— Ахъ , родная , не прогнѣвись ; чудное дѣло совершилось . Давнымъ давно , лѣтъ тридцать , вижу я сонъ , будто хожу я по лѣсу и ищу тебя , и вотъ будто бы слышу твой голосъ , — иду , иду , вдругъ вижу , какъ-будто поляна предо мною , а на полянѣ дубовый домъ съ закрытыми ставнями , ворота на запорѣ , и вышли изъ дома незнакомые люди и стали звать меня къ себѣ , я не пошелъ — а они бросились на меня , ограбили , отняли твой рушникъ , меня изранили — и бросили въ рѣку . Тутъ я проснулся ; по утру смотрю — нѣтъ твоего рушника — ужь гдѣ ни искали , никакъ найти не могли . Лѣтъ черезъ десять потомъ — сестрѣ чудится такой же сонъ , видитъ она , какъ-будто тебя ищетъ по лѣсу , и голосъ твой слышитъ — вдругъ передъ пей поляна , на полянѣ такой же дубовый домъ съ закрытыми ставнями , ворота на запорѣ , — изъ дома выскочили незнакомые люди , ограбили ее , отняли у пей ожерелье , ее изувѣчили и бросили въ рѣку — тутъ проснулась сестра , смотреть — нѣтъ на ней твоего бисернаго ожерелья ; — ужь не гнѣви себя на насъ за

эту потерю, родная, — мы къ ней и ума приложигь не умѣемъ.

«Ничего, дѣтушки, — я такъ изъ любопытства только спросила.»

— Да, гдѣ же ты была, родная?

«Не спрашивайте, была я по волю Божіей; а теперь, войдемъ-те лучше опять въ церковь, да отслужимъ молебенъ, — а потомъ покормите меня, родные, — у меня съ утра крохи во рту не было... съ утра!» повторила про себя старушка, качая головою, «чудны дѣла твои, Господи!»

Вся семья вошла въ церковь; опять невидимый голосъ прошепталъ въ ухо старушкѣ: «помолися о грѣшномъ рабѣ Ѳеодорѣ.» Въ темномъ углу, распростертый лежалъ старикъ и лицомъ ударялъ себя о холодные камни.

Протекло лѣтъ тридцать съ той поры. Однажды, настоятель отдаленнаго монастыря на Бѣломъ Морѣ призвалъ къ себѣ іеромонаха: «отецъ Ѳеоктистъ» сказалъ онъ — «въ ближнемъ селеніи умираетъ ста двадцатилѣтняя старица, проситъ исповѣди; приходскій владыко ушелъ съ требами; — ты на очереди, но боюсь послать тебя хвораго, изможденнаго постомъ и бдѣніемъ — не дойдти тебѣ до селенія...»

— Господь пошлетъ силу — отвѣчалъ старецъ —
позволь сотворить послушанье. —

Радость была въ домъ стадвадцатилѣтней старицы, когда узнали, что посѣтитъ ее отецъ Теокистъ; всѣми знаемо было благочестіе престарѣлаго инока. Во власяницъ, отягченный веригами, едва дышащій подошелъ старецъ къ умирающей — вся многолюдная семья до земли поклонилась ему. — Но какъ взглянулъ онъ на умирающую, такъ и заплакалъ горячей слезою. «Отъ тебя ли Богъ привелъ меня услышать грѣховную повѣсть? Узнаешь ли ты меня, святая? Помнишь ли ты грѣшнаго раба Федора, спасеннаго тобою? Прошло много лѣтъ — Богъ сподобилъ меня и принести покаяніе, и понести казнь, и получить помилованіе, сподобилъ и чина ангельскаго, — но и теперь какъ вспомню о быломъ, сердце живою кровью обливается, лишь постомъ и молитвою душу свою освѣжаю... миѣ ли недостойному принять грѣхи твои, безгрѣшная?»

— Не говори такъ, святой отецъ — отвѣчала умирающая — не даромъ Богъ привелъ еще разъ намъ съ тобою свидѣться — въ томъ новая милость Его, чтобъ не возгордилась я твоимъ покаяніемъ... Сотвори же послушаніе, святой отецъ... Прости и отпусти грѣхи дочери твоей духовной... —

Когда тщетно прождавъ возвращенія отца Θεоктиста, родные вошли въ комнату умирающей — было уже утро — лучи восходящаго солнца свѣтились на лицахъ старца и старицы — казалось, они еще молились — но уже души ихъ отлетѣли въ вѣчную обитель...

САНСКРИТСКІЯ ПРЕДАНІЯ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.)

СМЕРТНАЯ ПѢСНЬ.

Въ таинственной Индіи хранится преданіе о чудной пѣснѣ, древними богами завѣщанной человѣку. Простолюдины боятся пѣть ее, ибо она сжигаетъ пѣвца.

Однажды царь, удрученный и жизнію и ея радостями, скучалъ; онъ снова повторилъ всѣ наслажденія, имъ истощенныя, и скучалъ снова. Вся природа камнемъ лежала на его душѣ, но бытіе его было неполно: еще что-то чудилось мыслямъ, еще чего-то жаждало сердце. Царь дивился. Послѣ долгихъ исканій онъ вспомнилъ, что одно наслажденіе укрылось отъ его желаній — наслажденіе послушать чудную пѣсню. Тщетно хотѣлъ онъ отдалить отъ себя эту мысль: днемъ она встрѣчала его на распутіи, ночью стояла въ изголовьи. Царь призывалъ пѣвца: «знаешь ли чудную пѣсню?»

— Знаю ее и ея терзанье.

«Кто научилъ тебя ей?»

— Научили меня солнце и звѣзды, тма и сянье, тишь и буря, горе и радость; всюду звучитъ она и всего громче въ далекой пустынь души моей. Повторить ее силы нѣтъ: огнемъ обдаеть, сердце пелить, жизнь гонитъ изъ тѣла.

Царь погрузилъ пѣвца въ студеня волны Деннаха. «Пой,» сказалъ онъ ему.

Но едва пѣвецъ завелъ первые звуки завѣтной пѣсни, какъ вода закипѣла, заклокотала, брызнула горячими искрами; онъ бы хотѣлъ перестать — напрасно: очарованная пѣснь сама собою льется изъ горячихъ устъ его; проникаеть всѣ жилы, сушитъ мозгъ, разрываетъ кости! — И все утихло: не стало ни пѣвца, ни пѣсни! Лишь въ волнахъ Деннаха остался ея отголосокъ. Когда пришлецъ изъ далекой страны припадетъ къ берегамъ ея, въ волнахъ отдаются то напѣвы божественной пѣсни, то вопль человѣка; тоска томитъ странника, онъ пугается холода жизни; ему бѣ и хотѣлось, онъ и боится въ чудныхъ волнахъ отогрѣть свою душу...

ТѢНИ ПРАОТЦЕВЪ.

У Райя занемогъ старшій сынъ. — Не медля ни мало, Райя, по всеобщему обычаю, учредилъ роскошное пиршество для умиловленія тѣней пра-

отцевъ своихъ. По древнему сказанію, отъ праотцевъ происходитъ счастье и несчастье семейства, отъ нихъ зависитъ болѣзнь и выздоровленіе. Звукъ свирѣлей и бубновъ, клики веселыхъ собесѣдниковъ пира сливались съ глухими стопами страдальца.

Бѣдный Браминъ, проходя мимо пиршествующей бесѣды, спросилъ о причинѣ пира и вошелъ въ храмину Райя. Ничего особенно замѣтнаго не видно было въ браминъ; лишь смиренный видъ, бѣлая черта на челѣ и бамбуковая трость отличали его; но гласить преданіе, что святая мудрость избрала обиталищемъ голову того брамина. Онъ приблизился къ страждущему, произнесъ тихую молитву, поднесъ къ устамъ его врачебное питіе, умирающій возвратился къ жизни, и горсть пшена бросили бѣдному брамину. Отецъ съ торжествомъ возвѣстилъ собесѣдникамъ о выздоровленіи сына; всѣ вмѣстѣ возхвалили могущество праотцевъ Райя; молва о семъ перешла изъ устъ въ уста, вѣра къ тѣнямъ праотцевъ подкрѣпилась новымъ доказательствомъ; о браминѣ же никто и не вздумалъ.

Не прошло двухъ дней, и другой сынъ Райя слегъ на смертную постелю. Снова учредилось пиршество, загремѣли бубны и снова съ ихъ звуками сливались стоны страдальца. И снова бѣдный браминъ посѣтилъ одръ страждущаго, произнесъ молитву и поднесъ врачебный напитокъ. Но уже Брама темными буквами начерталъ смерть на главѣ

страдальца : перо, писавшее ихъ, изсохло — и душа оставила страждущее тѣло.

«Вотъ убійца моего сына!» вскричалъ собесѣдникамъ раздраженный отецъ, влача за собою бѣднаго брамина : «онъ отравилъ его своимъ питіемъ!» — И молва о семъ перешла изъ устъ въ уста ; всѣ смотрѣли на брамина , какъ на чудовище , затворяли отъ него двери и горсти пшена никто не бросалъ брамину за порогъ своего дома.

ДУША ЖЕНЩИНЫ.

(КНЯГИНЬ МАРИИ АЛЕКСАНД. ВОЛКОНСКОЙ).

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ.

Жуковский.

Твой путь не кончился — о нѣтъ! твой
путь прервался, —
На лучшемъ попрощь его ты довершишь.

Графиня Ростопчина.

Она умерла. Домъ наполнился плачемъ и стономъ. Друзья, родные цаловали ея поледенѣвшія ноги, чужіе молились лицомъ о землю. Мало-помалу вѣсть о ея смерти разнеслася по городу и со всѣхъ сторонъ собрались люди небывалые, ни къмъ незнаемые: вдовые, сирые, убогіе; многіе не умѣли даже назвать по имени свою утѣшительницу, но каждый рассказывалъ долгую повѣсть о благихъ подвигахъ покойницы.

Между-тѣмъ, душа ея носилась надъ тѣломъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ, кидаясь въ постелю, мы смотримъ на сброшенную одежду; но едва проснувшаяся, душа не совсѣмъ еще покинула земныя

связи: еще она дышала смертнымъ воздухомъ, еще радовалась благословеніямъ окружавшихъ страдальческое изголовье, еще скорбѣла ихъ скорби.

Но вотъ, мало-по-малу все ей легче и легче, невольно тянется она въ отрадную вышину, — и съ каждымъ устремленіемъ постепенно скользятъ съ нея земныя узы, какъ капли дождя, сдуваемые съ листьевъ полуденнымъ вѣтромъ.

Вокругъ нея воздушныя степи, свѣтъ безъ тѣней, ни шороха, ни движенія, ни звука, ни цвѣта, ни образа; ничто не тускнетъ, ничто не шелеститъ, ничто не мелькаетъ, — свѣтло, тихо, безбрежно... душа тянется все дальше и дальше...

Но вотъ, что-то мелькнуло! о радость! то геній-хранитель лучезарный, блистательный, — въ его ликъ она узнала всѣхъ, кого любила въ сей жизни, всѣхъ кто любилъ ее. Геній-хранитель весело манитъ ее за собою... душа тянется дальше и дальше...

Вотъ слышались ей чудные звуки, тѣ звуки, которыхъ иногда отголосокъ отдается въ сердце челоуѣка, среди легкаго сна, послѣ долгой, горячей молитвы, звуки, которыхъ онъ не умѣетъ ни выразить, ни сравнить съ чѣмъ либо въ другую минуту..., о! это не обманъ... предъ юною душою во свѣтъ сіяющія равнины, — не тамъ ли плещутъ живыя струи? — не оттуда ль пашетъ теплый, животельный воздухъ? — такъ уже всѣ земныя страданія кончились, и навѣкъ... навѣкъ все забыто... радость! восторгъ!... уже геній, улыбаясь, отво-

рветъ кристаллыя врата, — душа рванулась къ нимъ всею силою воли... и остановилась: между нею и вратами какъ-будто черная громовая туча; въ той тучѣ мрачныя, неисчетныя обители опускаются одна подъ другую; въ каждой неистовствуетъ одинъ изъ грѣховъ человѣка, отъ перваго крика младенца до послѣдняго стenanія старца; и чѣмъ дальше, тѣмъ мрачныя обители мрачнѣй и обширнѣе; въ самомъ низу клокочетъ черное пламя... тамъ, что-то неизъяснимое падаетъ въ непрестанномъ круженіи, все глубже и глубже, вѣчно и вѣчно — въ бездну бездонную!...

«За мной! за мной!» говорилъ улыбаясь душѣ ея геній-хранитель — «не-ужь-ли ты боишься сей бездны? — быстро пронесешься надъ нею, — добрыя дѣла твоей жизни поддержать тебя на полетѣ... мужайся... врата отворены, мое вѣчное лобзаніе ожидаетъ тебя...»

Душа снова рванулась на отраднѣйшій призывъ, но заглянула въ широкую бездну и отпрянула въ ужасъ.

— О пѣтъ! — говорила она съ рыданіемъ, мнѣ ли недостойной, мнѣ ли отворятся свѣтлыя двери... меня ли не поглотитъ черная бездна?... — Тамъ, въ низменномъ мірѣ, мнѣ вѣрилось, что какою пибудь доброю мыслию я заслужу еще себѣ помилованіе; тамъ тысячи личинъ одна за другою, скрывали отъ меня тайныя, недосыгаемыя побужденія бытія! часто, часто углубляясь въ свое сердце, я искала своего собственнаго судилища, нетерпѣливо срывала одну

личину за другою, и далеко въ недосягаемой глубинѣ сердца думала видѣть истиннаго судію моей жизни — а этимъ судіею была новая личина, предъ которой я безумно преклоняла колѣно.

Но здѣсь я вижу все яснѣй и яснѣе; здѣсь начинаю зорко читать тѣ неприступныя, таинственныя буквы, смыслъ которыхъ незамѣтно для меня управлялъ мною! — здѣсь я съ отчаяніемъ увѣряю, что жизнь моя полна срама и нечистоты, — что не было въ пей поступка, не было чувства, не было мысли, которыя не заклеимены печатію грѣха неизгладимаго!.. —

«О! не унывай!» отвѣчалъ геній, «собери свои силы... старайся припомнить всю жизнь свою... я знаю тебя — еще до разсвѣта ума твоего я стоялъ у изголовья твоей колыбели; ты смотрѣла на меня, ты улыбалась мнѣ и окружавшіе тебя, по невольному чувству, говорили, что у тебя райская улыбка. Ты возрасла, твой умъ и сердце развернулись, и съ той поры начались твои страданія; я знаю ихъ всѣ! сколько разъ я съ молитвою приклонялся къ твоему сердцу, согрѣвалъ его моимъ дыханіемъ, чтобъ оно не разорвалось отъ терзаній — о! тщательно хранилъ я его, тщательно поддерживалъ въ немъ елеи доброты и бережно ограждалъ отъ буйныхъ порывовъ жизни, чтобъ не погасла святая лампада твоего духа. О! не на радость явилась ты въ смертномъ мірѣ: не улыбка матери встрѣтила первыя движенія твоего духа; суровый взоръ чуждой тебѣ женщины былъ отвѣтомъ на твои дѣв-

ственные чувства... Матери у тебя уже не было... мачиха смотрѣла на тебя съ какимъ-то отвращеніемъ, отецъ почти позабылъ о тебѣ... я все знаю : ты рвалась съ любовію къ окружавшимъ тебя , ты хотѣла передать имъ всѣ тайныя , чистыя движенія твоего сердца , всѣ игривыя мечты , которыя пролетали черезъ твое дѣтское воображеніе... тебя заставляли молчать, надъ тобою смѣялись, тебѣ поставляли въ вину каждую непритворную мысль, каждое откровенное чувство, тебя учили скрываться, тебя учили не любить и не думать, тебя учили поклоняться демону самости и расчета — и ты не поклонилась ему, ты сохранила въ себѣ духъ независимый отъ смертнаго срама, ты сохранила въ себѣ младенчество сердца, сохранила въ себѣ радость при видѣ даровъ Провидѣнія, при мысли о высокихъ человѣческихъ мысляхъ.»

— Правда! отвѣчала душа — но отъ чего? — отъ того, что я не могла остепенить моего воображенія; отъ того, что мнѣ скучны казались положительные расчеты жизни; мнѣ надоѣло рассчитывать каждый шагъ свой; я лучше любила любоваться произведеніями природы, искусства, не думать о завтрашнемъ днѣ, тѣшить себя мечтами воображенія — не я, а ты, мой геній-хранитель, обуздывалъ его, когда оно вырывалось за преступную границу... то была не добродѣтель — то было... наслажденіе лѣни. —

«Прошли годы. Ты яснѣе поняла жизнь; ты увѣрилась въ ненависти къ тебѣ твоей мачихи; по-

мнишь, какъ она унижала твое дѣвическое тщеславіе; помнишь, однажды принесли тебѣ новый нарядъ, его блескомъ красиво отгѣнялись твои свѣтлорусые локоны. ты одѣлась, подошла къ зеркалу и едва, съ невинною, чистою радостью, замѣтила, что ты не дурна, — какъ вошла твоя мачиха, сурово посмотрѣла на тебя, упрекнула тебя въ томъ, что тебѣ и въ мысль не приходило, она отняла у тебя твой прекрасный нарядъ, — тебѣ было очень горько, ты хотѣла заплакать, хотѣла идти жаловаться къ отцу, и остановилась, скрыла твои слезы и съ кротостію повиновалась...

— Правда, но я боялась моей мачихи, я опасалась, чтобъ отъ жалобы отцу не было мнѣ еще хуже... то была не кротость, но тайный расчетъ, скрывавшійся въ недосыгаемой глубинѣ разсудка.

«Прошли еще годы, отецъ по прежнему былъ къ тебѣ холоденъ, мачиха по-прежнему тебя ненавидѣла: не было униженія, котораго бы ты не претерпѣла, не было невинной утѣхи, въ которой бы тебѣ не было отказано, не было слова, которое въ обиду тебѣ не было бы перетолковано... ты все сносила съ терпѣніемъ...»

— Я боялась моей мачихи, знала ея власть надъ отцомъ моимъ...

«Пришло время, когда мачиха потеряла эту власть надъ отцомъ твоимъ; между ними появились холодность, раздоръ, упреки; ты могла воспользоваться этими минутами, ты могла открыть глаза

отцу твоему, ты могла отмстить мачихъ, ты могла отлучить ее отъ него — эти мысли приходили тебѣ въ голову, но ты съ трепетомъ отгоняла ихъ, ты старалась напротивъ, утишить гнѣвъ отца, ты старалась оправдать твою мучительницу, ты силилась возстановить между ними миръ и согласіе...»

— Такъ! но тайное чувство говорило мнѣ, что когда отецъ ссорится съ своею женою — то мнѣ еще хуже, въ домъ еще скучнѣе — и къ тому же... льстило моему тщеславію, когда чужіе дивились моему поведенію.

«Наступила переменна въ твоей жизни... за тебя посватался человѣкъ, котораго ты не любила и не могла любить; денежные дѣла твоего отца были разстроены; этимъ замужствомъ онъ думалъ поправить свое состояніе; ты все это знала; знала, что тебя продавали — и ты повиновалась отцу, ты вышла замужъ за человѣка тебѣ немилаго, неспособнаго ни любить, ни понимать тебя...»

— Такъ, я страдала! но тайное чувство заставляло меня на все рѣшиться, чтобы только выйти изъ родительскаго дома, и увы!... во мнѣ шевелилось другое чувство: моимъ блескомъ, моимъ богатствомъ, наконецъ, моимъ самоотверженіемъ я думала нанести жестокой ударъ моей мачихѣ...

«Ты не обманулась — она возненавидѣла тебя еще болѣе... а ты — ты осталась по прежнему почитательною, покорною, — утѣшительницею отца, миротворицею въ семействѣ...

— Да! но въ глубинѣ моей я утѣшалась тѣмъ, что эта ненависть еще болѣе возвышаетъ мою добродѣтель въ глазахъ людей, меня окружающихъ...

Геній задумался.

«Посмотри, продолжалъ онъ — внизъ на эту пылинку для смертнаго взора, на это таинство для духовнаго; слышишь, оттуда долетаютъ сюда то нестройные, то гармоническіе звуки, которые иногда сливаются со звуками живыхъ райскихъ ключей; это земля, на которой ты жила; важное мѣсто занимаетъ въ планетномъ мірѣ этотъ чудный посредникъ между свѣтомъ и тьмою, котораго таинствъ и мы, чистые духи, вполне постигнуть не можемъ... смотри, земля то блеститъ яркими, могучими лучами, которые освѣщаютъ всю вселенную и преломляются даже о кристальныя врата райскихъ селеній, то погружается въ глубокій, болѣзненный сумракъ; тамъ день и ночь, восходъ и закатъ солнца служатъ символами сего глубокаго таинства, но люди не понимаютъ ихъ... Смотри, въ укромномъ уголкѣ сей обители, чета супруговъ плачетъ, благословляетъ и молится о тебѣ. Узнаешь ли ты ихъ? Помнишь ли, когда ты однажды, и не впервые, грустила о своей жизни? Помнишь ли то роковое письмо, которое убѣдило тебя, что мужъ твой тебя обманываетъ, что онъ предпочитаетъ тебѣ жалкую, презрѣнную женщину, что ей посвящены всѣ его минуты, а тебѣ и дѣтямъ остаются на долю лишь упреки, досада и презрѣніе; помнишь, какъ ясно тебѣ было, что мужъ забылъ те-

бя ; друзья твои , знакомые говорили тебѣ , что онъ не только не скрываетъ своего поведенія , но явно предъ всѣми старается унизить тебя . Помнишь , въ эту минуту явился предъ тобою прекрасный молодой человекъ , робкій , смиренный , но съ свѣтлымъ умомъ , съ пламеннымъ сердцемъ ; дѣвственная слава уже осѣняла благородное чело его ; онъ преклонилъ предъ тобой колѣно , онъ заговорилъ тебѣ о любви... о ! я знаю , любовь его была искренняя и все , что не было въ пей преступленіе , было свято и непорочно . Онъ зналъ твою жизнь , глубоко сострадалъ онъ тебѣ , онъ хотѣлъ освободить тебя отъ презрѣнныхъ цѣпей , унести тебя въ міръ чудный , тебѣ до того еще неизвѣстный . Съ самоотверженіемъ онъ хотѣлъ принести тебѣ въ жертву всѣ сокровища высокой души своей , согрѣть тебя дыханіемъ любви и поэзіи , посвятить тебя въ таинства наслажденій , знаемыхъ немногими , душа его вырывалась въ словахъ , во взорахъ , въ каждомъ движеніи , и магически на тебя дѣйствовала ; ты знала , ты вѣрила , что онъ не обманываетъ тебя , ты жалѣла о немъ , ты невольно трепетала... о , какъ боялся я тогда за тебя!... все было въ твою пользу : и мнѣніе свѣта и мнѣніе родныхъ ; твой бракъ съ недостойнымъ человекомъ могъ быть разрушенъ , долгіе счастливые дни могли быть твоимъ удѣломъ , всѣ бы оправдали тебя... но ты осталась непреклонна , чиста , непорочна .

« Долго длилась любовь его ; ни твоя холодность , ни гнѣвъ , ни досажденія , не могли отклонить его

отъ тебя ; онъ страдалъ, страдалъ невыносимо ; исчезла для него прелесть жизни — ты это знала, ты жалѣла о немъ и осталась чиста и непорочна.

«Помнишь ли, однажды, вечеромъ, дѣти твои спали. мужъ твой въ объятіяхъ недостойной прелестницы... ты сидѣла одна, вѣтеръ вылъ и наводилъ на тебя невыразимое уныніе ; тебѣ было очень грустно ; ты вспоминала всю протекшую жизнь и съ ужасомъ видѣла, что ты была одна, всегда одна ; не было отзыва на твое сердце, жаждущее любви, не было даже отвѣтной мысли на твою мысль. Печально ты вспоминала о прошедшемъ, еще печальнѣе смотрѣла на будущее. Тогда, невольно представлялся твоему воображенію молодой человѣкъ, однихъ съ тобою лѣтъ, умный, добрый, положившій къ ногамъ твоимъ всю душу свою. Горькое, трудное было въ тебѣ бореніе... въ эту самую минуту онъ явился предъ тобою ; печать долгаго, глубокаго страданія была на лицѣ его, рука его была холодна, она судорожно пожала твою руку и какъ огненные искры посыпались по твоему тѣлу — о, какъ я трепеталъ тогда за тебя!...

«Ты смотрѣла на него, ты любовалась его прекраснымъ лицомъ, которое возвысилось еще красотою страданія... онъ говорилъ мало, но слова его прожигали тебя, ты упрекала себя въ его терзаніяхъ — о какъ трепеталъ я тогда за тебя! Я не могъ проникнуть, что происходило въ твоемъ сердцѣ, въ этомъ тайникѣ, котораго глубины никто не можетъ измѣрить ; тамъ все волновалось ; чувства,

мысли, быстрее молніи смѣнялись одно другимъ, то была непостижимая земля въ первую минуту мірозданія!... я видѣлъ одно, что ты терзалась, какъ только можетъ терзаться душа человѣка — я трепеталъ, я скорбѣлъ о тебѣ... но какъ былъ я удивленъ, когда замѣтилъ, что мало-по-малу улеглись въ тебѣ буйныя страсти, ты начала другой разговоръ, съ мудростію змѣиною ты дала другое направленіе его и своимъ мыслямъ, и что же? ты стала говорить о твоихъ болѣзняхъ, о твоихъ тѣлесныхъ недостаткахъ, ты съ намѣреніемъ старалась имъ дать видъ самый безобразный, представить ихъ неизлѣчимыми; — отвратительными!!... Съ удивленіемъ, радостію, горемъ я смотрѣлъ на чудный подвигъ, который ты совершала. Гдѣ другая женщина, которая бы рѣшилась на это? Для внуки Еввы ничто не страшно, ни гнѣвъ, ни презрѣніе — все перенесетъ она, но отвергнуться тѣлесной красоты своей, но волею возбудить отвращеніе даже въ постороннемъ — о, это былъ подвигъ великій и я тщательно внесъ его въ скрижаль твоей жизни. Ты не ошиблась въ твоей цѣли, ты разочаровала молодого человѣка... горько и прискорбно тебѣ было, что въ ту минуту, когда онъ увлекался къ тебѣ прежними порывами любви, воспоминаніе о твоёмъ странномъ разказѣ производило въ немъ невольное содрагаціе и пламенная рѣчь застывала на языкъ его.

«Этого мало: прошло долгое время; ты захотѣла замѣнить ему себя другою, ты познакомила его съ

молодою дѣвушкою, старалась ихъ сблизить и едва замѣтила затеплившуюся любовь ихъ, какъ ревность истерзала тебя; молодой человѣкъ показался тебѣ еще прелестнѣе, твое одиночество еще грустнѣе; все: и женское тщеславіе, и говоръ свѣта, и мысль о мрачномъ одиночествѣ, и досада, и зависть, жгучими язвами падали на твое сердце, но ты, чистая, непостижная, ты все превозмогла! все перегорѣло въ твоемъ горнилѣ, осталось одно: непорочное милосердіе къ ближнему! ты бережно воспитала враждебную тебѣ любовь, ты оживляла, укрѣпляла ее, не день и не два, но цѣлые годы!... и ты достигла своей цѣли: онъ совершенно разлюбилъ тебя смертною любовью, онъ привязался душою къ избранной тобою соперницѣ, ты сочетала ихъ бракомъ, они счастливы, у нихъ дѣти, онъ исполнилъ все, что обѣщало его благородное сердце, но исполнилъ для другой, не для тебя; а ты осталась по прежнему одна, безъ отрады, безъ утѣшенія, безъ надежды на земное счастье, съ мыслью, что человѣкъ, тебя любившій, не можетъ вспомнить о тебѣ безъ благодарности, но и — и безъ отвращенія!... и ни на чьемъ лицѣ ты не встрѣтила благодарнаго удивленія! никто кромѣ меня не зналъ о благомъ твоемъ дѣлѣ.

— Все такъ — отвѣчала душа, — но всѣ мои терзанія были лишь скорбію о моей собственной жизни... въ далекой глубинѣ сердца... самоотверженія не было, я... я... я не любила его... —

«Кто разгадаетъ тебя, чудная душа человѣка!

Наступила другая эпоха твоей жизни : твои дѣти возросли , ты любила ихъ всѣхъ равно , всѣхъ равно лелѣяла , — но старшій сынъ твой невольно чаще другихъ привлекалъ твои взоры , ты въ немъ видѣла отца своимъ дѣтямъ и тщательно берегла его сердце отъ нечистыхъ чувствъ , его умъ отъ нечистыхъ помысловъ . — Разъ , собравшись съ силами , какъ завѣтную тайну ты передала ему жизнь твоего мужа , не для того , чтобъ онъ пересталъ уважать его , но чтобъ примѣръ отца служилъ ему урокомъ ; ты раскрыла юношѣ все свое сердце , не утаила предъ нимъ неизглаголаныхъ страданій твоей жизни , ты ввѣрилась чистотѣ и пламени юношескаго сердца... о ! какъ ты жестоко обманулась ! то , что ты рассказала своему сыну , лишь возбудило въ немъ чувственные помыслы ; примѣръ отца сдѣлался для него не урокомъ , но образцемъ ; погрязшій въ безднѣ неистовыхъ страстей , онъ предалъ тебя , онъ рассказалъ отцу твои завѣтныя , сердечныя тайны ; этого мало , онъ забылъ тебя , онъ провожалъ цѣлые дни въ сообществѣ твоей недостойной соперницы , оправдывалъ ее и обвинялъ тебя... велико было твое горе ! обидныя рѣчи сына доходили до ушей твоихъ ! о ! какъ я трепеталъ тогда за тебя ! Каждую минуту я ожидалъ , что ты отвергнешь , что ты проклянешь его навѣки — — но ты съ кротостію перенесла все : и обиду сына , и упреки мужа ; ихъ обоихъ ты старалась смягчить своею любовію , до той минуты , когда сыпъ съ рыданіемъ бросился въ твои объя-

тія. И ты простила ему, ты все забыла. Высока и торжественна была эта минута въ твоей жизни.

— Все такъ, — отвѣчала душа, — но я знала нравъ моего сына, я знала, что упреки еще болѣе раздражатъ и удалятъ его отъ меня, я знала, что смирю его одною любовію и — сказать ли? въ глубинѣ моего сердца таилось другое чувство: мнѣ бы досадно было, еслибъ люди заговорили, что я не умѣла привязать къ себѣ своего сына, что онъ отъвернулся отъ меня. —

Геній задумался.

— Но мужъ твой — мужъ! до самаго конца жизни — продолжалъ онъ — ты сохранила покорность и уваженіе къ своему мужу! довольно было одного его слова, и ты исполняла всѣ его, часто своеправныя, желанія, безъ ропота, безъ тѣни неудовольствія.

— Такъ! но я знала и нравъ моего мужа, онъ былъ сумазбродъ и настаивалъ только на томъ, въ чемъ ему препятствовали; самое горячее изъ его желаній теряло для него всю прелесть, какъ скоро оно могло быть исполнено; я это знала, покорность моя его обезоруживала и убивала его своеправіе; легкомысленный, онъ забывалъ собственныя желанія и... оставалось мѣсто для исполненія моихъ; всегда онъ думалъ, что дѣйствуетъ по своей волѣ, но въ самомъ дѣлѣ... всегда дѣйствовалъ по моей... —

«И ничто, ни его жизнь, ни грубое обращеніе, ничто не поколебало тебя; никто даже изъ луч-

шихъ друзей твоихъ не слыжалъ отъ тебя ни тѣни жалобы, напротивъ, ты въ сердцѣ своемъ и на языкѣ всегда находила оправданіе его поступкамъ.

— Такъ, но въ глубинѣ сердца я чувствовала, что ничто не возбуждаетъ столько людскаго участія какъ молчаливое страданіе; — жалобы на мужа не облегчили бы моего сердца, тогда какъ льстило моею гордости постоянно возбуждать людское сожалѣніе! Кто ропщетъ, тотъ въ половину утѣшенъ, — людямъ уже почти не нужно утѣшать его; для меня же ихъ участіе, ихъ удивленіе... были неистощимы — я это знала. —

«Сверхъ твоего мужа ты имѣла враговъ, ты имъ прощала, ты не роптала, ты старалась, напротивъ, оказывать имъ услуги.

— Но это былъ лучшій способъ не имѣть враговъ... —

«Ты не была предана грѣху порицанія; никогда, ни въ свѣтѣ, ни въ дружеской бесѣдѣ, ни на письмѣ, ни словомъ, ни взоромъ, ты не осуждала никого, ни ближнихъ, ни постороннихъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ; для всякаго проступка ты находила оправданіе, для всякой вины прощеніе.

— Такъ, но тайная мысль говорила мнѣ, что иногда одно неосторожное слово можетъ отозваться въ продолженіи жизни и сотворить намъ врага непримиримаго; эта же мысль говорила мнѣ, что иногда существо самое незамѣтное можетъ причинить намъ много вреда, тѣмъ болѣе опаснаго, что оно неожиданно. —

Геній снова задумался.

Между-тѣмъ, душа съ робостію поглядывая въ страшную бездну, отдѣлявшую ее отъ райскихъ селеній, съ восторгомъ замѣчала, что съ каждымъ словомъ генія грѣховныя обители мало-по-малу исчезали; наконецъ, въ недосыгаемой глубинѣ отъ страшной бездны осталась лишь одна непримѣтная черная точка.

Геній, радостно улыбаясь, снова обратился къ душѣ :

« Не унывай ! сказалъ онъ : — вспомни все доброе, оставленное тобою на землѣ ; вспомни, что не было страданія, котораго бы ты не утѣшила ; не доукую вымаливалась твоя милостыня , ты сама отыскивала вдовъ, сиротъ, немощныхъ, заключенныхъ, ты дѣлилась всѣмъ, что имѣла, дѣлилась послѣдней крохою ; — я знаю, ты благоворила не изъ тщеславія ; не только свѣтъ, но сами снисканные тобою не знали твоего имени : ты скрывала свои добрыя дѣла съ такимъ же стараніемъ, какъ другіе скрываютъ самые злые проступки... Въ семь дѣлъ ты не могла имѣть никакихъ корыстныхъ побужденій, ибо одинъ я зналъ все доброе, сотворенное тобою втайнѣ. »

Душа умолкла, въ радостномъ трепетѣ она взглянула еще разъ на непримѣтное пятнышко, которое одно мелькало въ свѣтломъ, безконечномъ пространствѣ, и въ самозабвеніи потянулась къ отвореннымъ, кристальнымъ вратамъ...

Но въ сіе мгновение раздался громовый голосъ :

«Рано, рано!» проговорилъ онъ съ хохотомъ :
«еще остались на тебѣ слѣды земнаго праха, и
смертная слѣпота еще не спала съ очей твоихъ.
Усердно отыскивала ты, душа правдивая, грѣхи
свои въ глубинѣ сердечной, но ты забыла одинъ,
самый тяжкій : *гордость смиренія!*»

И непримѣтная точка разраслась въ мрачную,
неизмѣримую бездну, заклокотало черное пламя,
геній потупилъ очи, кристальныя врата затвори-
лись....

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

(ПОСВ. ГРАФИНѢ Е. П. РАСТОПЧИНОЙ.)

— Скажите, сдѣлайте милость, какъ перевести по-русски слово *солитарность* (solidaritas)?

«Очень легко — *кружковая порука*» отвѣчалъ ходячій словарь.

— Близко, в не то! — Мнѣ бы хотѣлось выразить буквами тотъ психологическій законъ, по которому ни одно слово, произнесенное человѣкомъ, ни одинъ поступокъ не забываются, не пропадаютъ въ мирѣ, но производятъ непремѣнно какое-либо дѣйствіе; — такъ-что отвѣтственность соединена съ каждымъ словомъ, съ каждымъ по-видимому незначащимъ поступкомъ, съ каждымъ движеніемъ души человѣка. —

«Объ этомъ надобно написать цѣлую книгу»

Изъ романа, утонувшаго въ лѣтъ.

Что это? — никакъ я умеръ?.. право! насилу отлегло... нечего сказать — плохая шутка... Ноги, руки холодѣютъ, за горло хватается, душитъ, въ головѣ трескотня, сердце замираетъ, словно душа съ тѣломъ разстается... Да что же? вѣдь никакъ оно такъ и есть? — Странно, очень-странно — душа раз-

стается съ тѣломъ! — да гдѣ же у меня душа?... да гдѣ же и тѣло? вотъ оно — лежитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало на постели, только немножко ротъ покривился. Тѣфу пропасть! Да въдь это я лежу — нѣтъ! и не я — нѣтъ! точно я; словно на себя въ зеркало смотрю; я — совсѣмъ другое: я — вотъ здѣсь; да гдѣ жь у меня руки; ноги?... Батюшки-свѣты! руки, ноги, голова, — все тамъ, здѣсь ничего, ровно ничего, а все слышу и вижу... Вотъ моя спальня; солнце свѣтитъ въ окошко; вотъ мой столъ; на столъ часы, и вижу на нихъ девять часовъ съ половиною; вотъ племянница въ обморокъ, сыновья въ слезахъ — все по порядку; да полно... что вы плачете? — что? — Не слышать! Да и я своего голоса не слышу, а, кажется, говорю очень-вразумительно. Дай-ка еще погромче — ничего! только какъ-будто легкій вѣтерокъ подуваеъ, — чудеса! право, чудеса! Да ужь не сонъ ли это? Помню: вчера я былъ очень здоровъ и веселъ, и въ вистъ игралъ, и очень счастливо; вотъ, вижу куда и деньги положилъ, — и поужиналъ съ аппетитомъ, и поболталъ съ пріятелями о томъ о семъ, и почиталъ на сонъ грядущій, и заснулъ крѣпко, — какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, тяжело, тяжело... хочу вскрикнуть — не могу; хочу пошевелиться — не могу... Потомъ ничего не помню — да вдругъ и проснулся... т. е. какое проснулся? т. е. очутился здѣсь... Гдѣ здѣсь?... И словъ не приберешь! Ну, право, это сонъ. Не вѣрите? — Постой, сдѣлаю опытъ: ущипну себя за палець, — да нѣтъ пальца, право нѣтъ... Постой,

что бы выдумать? дай посмотрюся въ зеркало — ужь оно никакъ не обманетъ; вотъ мое зеркало — тѣфу пропасть! и въ немъ ничего нѣтъ, а все другое въ немъ вижу: всю комнату, дѣтей, постелю, на постели лежитъ... кто? я? — ничего не бывало! я передъ зеркаломъ, — а нѣтъ меня въ зеркалѣ... Поди, пожалуй, какія чудеса! Вотъ, призвалъ бы сюда господъ-философовъ, ученыхъ: извольте-ка, господа, растолковать: и здѣсь я, и не здѣсь, и живу я, и не живу, и двигаюсь, и не движусь... Это что? бьютъ часы; разъ, два, три... десять; однакожь пора въ канцелярію — тамъ есть у меня интересное дѣльцо. Надобно насолить этому негодяю Черепалкину, который все на меня наушничаетъ... «Эй! Филька! одѣваться!..» Что я? какъ одѣваться? — Невозможно! Бывало время, что мнѣ надѣть было нѣчего, а теперь еще хуже — не на что... Однакожь, не худо заглянуть въ канцелярію... да какъ же туда отправиться? карету приказать — невозможно; нѣчего дѣлать — пойдти пѣшкомъ, хоть и неприлично. Двигаться-то мнѣ съ одного мѣста на другое очень легко... дай попробую; благо двери отворены... Вотъ мой кабинетъ, гостиная, столовая, передняя; вотъ я и на улицѣ... да какъ легко, земли подъ собой не слышу, такъ и несусь — хочу скоро, хочу тихо... Да это, право, не дурно — и шагать не надобно... А, вотъ и знакомые! «Здравствуйте, ваше превосходительство! раненько изволите идти?..» Прощель мимо и вниманія не обратилъ.., Вотъ и другой: «Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!» Тоже

ни гугу — странно! Батюшки! коляска — во весь опоръ! тише, тише! наѣдешь дышломъ! не видишь что ли?.. Ахти! сквозь меня коляска проскакала, а я и не почувялъ, кажется, такъ на-двое и раскроила, а ничего не бывало — чудеса да и только! Однакожь, если на то пошло, вѣдь, право, мое состояніе не плохо: легко, хорошо, никакой заботы; не нужно ни бриться, ни умываться, ни платья натягивать, гуляй куда хочешь, — вольный казакъ; можно безъ прогоновъ всю землю изъѣздить, никакая тебѣ опасность не грозитъ — ужь чего тутъ? коляска сквозь меня проѣхала, и вотъ хоть бы что! Такъ вотъ она смерть-то; вотъ она что такое... А награда, наказанье? Впрочемъ, правду сказать, награды я не ждалъ, — нѣ за что; да и наказывать меня нѣ за что; были кое-какіе грѣшки... ну, да у кого ихъ нѣтъ? Я истинно скажу: ни добра, да и ни зла безъ нужды я никому не дѣлалъ — право... вы знаете: я человекъ откровенный; ну, разумѣется, когда ждешь бѣды, то иногда, такъ сказать, и подставишь ногу ближнему... да что жь тутъ дѣлать? человекъ на тебѣ лѣзетъ съ ножомъ, не-уже-ли же ему шею подставить? Жилъ я умненько, учился на желѣзные гроши, въ наследство получилъ мѣдные, а дѣтямъ оставилъ кѣку-съ-сокомъ, даже ни въ какое заведеніе не отдавалъ ихъ, чтобъ лучше за ихъ нравственностію наблюсти, самъ воспиталъ ихъ, научилъ важнѣйшему — *какъ жить въ свѣтъ*, и если моихъ уроковъ послушаютъ, далеко пойдутъ; правду скажу: душой, такъ сказать,

почти не кривилъ, разумѣется, иногда, смотря по обстоятельствамъ, понатягивалъ... да! какъ подумаешь, понатягивалъ — но только когда можно было натянуть... кто жь себя врагъ? Да какъ бы то ни было — отъ всѣхъ почтенъ, отъ всѣхъ уваженъ, изъ ничего вышелъ въ люди и все самъ собою... дай Богъ всякому такъ сводить свои дѣла... А! да вотъ и канцелярія! Посмотримъ, что-то здѣсь дѣлается. Такъ, сторожъ дремлетъ по всегдашнему — ужь вотъ, что съ нимъ ни дѣлай — «Сидоренко! Сидоренко!» не слышитъ! и двери затворены... Какъ тутъ быть? хоть вѣкъ оставайся въ передней, — добро бы у нужнаго человѣка... А! вотъ кто-то идетъ. . мой чиновникъ, — ну, двери настезь... «Батюшка! помилуйте, прихлопнули» — да нѣтъ, я сквозь доску прошелъ... А что, подумаешь, вѣдь это не такъ дурно... какъ я этого прежде не догадался? Такъ, стало, для меня нѣтъ ни дверей, ни запоровъ; стало быть, нѣтъ отъ меня и секрета?.. ну, право же, это недурно, — весьма можетъ пригодиться при случаѣ... Ахъ, лѣнтяи! чѣмъ бы дѣломъ заниматься, а они кто на столъ, кто на окончинъ развалились и точутъ ляды. Хоть бы привстали, невѣжи, — хоть бы поклонились — вотъ приучи ихъ къ порядку... А! вотъ и старшій; посмотримъ, не пугнетъ ли ихъ немного...

Старшій. — Господа! нельзя ли помѣстамъ? Вѣдь болтать можно и сидя за бумагой; не все равно? кто вамъ мѣшаетъ? оно, разумѣется — почему не такъ? — вотъ мы, бывало, въ старину въ канцеля-

рія и въ карты игрывали, да съ оглядкой — и ничего, право! Столы у насъ тогда были маленькіе: вотъ мы бумага разложимъ, и давай въ бостончикъ; идетъ начальникъ — мы карты подъ бумага; начальникъ войдетъ — все благоприлично; а то что вы нынѣшніе? развалились по столамъ, по окошккамъ; ну, войдетъ Василій Кузьмичъ — когда тутъ вскочить? Бѣготня, беспорядокъ — бѣда да и только, особливо теперъ: ждетъ награды, знаете какой бываетъ сердитый въ это' время...

Одинъ изъ чиновниковъ. «Еще рано Василью Кузьмичу. Онъ вчера до трехъ часовъ въ карты игралъ...

(Все знаютъ, проклятые!..)

Второй. — Неправда — онъ у Каролины Карловны...

(И это знаютъ, злодѣи!..)

Третій. Ни чуть — у Натальи Казиміровны...

(И это также... кто бъ это подумалъ?..)

Четвертый. — Да не-ужь-ли у него двѣ интриги разомъ? этакій старикъ...

Третій. «Старикъ? смотри, коли онъ насъ всѣхъ не переживетъ! Поѣсть ли, попить ли — его дѣло, и въ усъ не дуетъ! Даромъ что святошу корчитъ... всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ...

— Тьфу, негодяи какіе! Не зналъ же я васъ прежде!.. И слушать больше не хочу... Сорванцы, болтуны!.. Вотъ, стойте!.. Опять забылся; ужь

не унять мнѣ ихъ!.. А досадно : ужь какъ бы разкассировалъ... Что тутъ дѣлать? Эхъ, волки ихъ ѣшь!.. Надобно чѣмъ нибудь развлечься. Дай, пойду послушать, что скажетъ князь, какъ услышитъ о моей кончинѣ, какъ пожалуетъ... Ну, скорѣе. Въ приемной одинъ Кирила Петровичъ — и въ слезахъ — вѣрно обо мнѣ : то-то другъ, одинъ никогда не измѣнялъ! Хорошо, что не зналъ ты одного дѣльца... сказалъ я про тебя одно словцо, которое вѣкъ тебя бороздить будетъ — да нечего было дѣлать : зачѣмъ тебя назначали именно на то мѣсто, котораго мнѣ хотѣлось... кто себѣ врагъ? Но, кромѣ этого, я тебѣ всегда во всемъ былъ помощникъ, и ты можешь обо мнѣ поплакать. А! вотъ къ князю и двери отворяются... Войдемъ...

Кирила Петровичъ. — Я къ вашему сіятельству съ неожиданнымъ, горестнымъ извѣстіемъ : Василій Кузьмичъ приказалъ долго жить...

Князь. Что вы говорите? да еще вчера...

Кирила Петровичъ (*всхлипывая*). — Сегодня ночью ударъ ; прислали за мною въ восемь часовъ — ужь едва дышалъ ; всѣ медицинскія пособія... въ девять часовъ Богу душу отдалъ... Большая потеря, ваше сіятельство.

Князь. Да, признаюсь — такихъ людей мало : истинно-почтенный былъ человекъ.

Кирила Петровичъ. — Дѣятельный чиновникъ...

Князь. Правдивый былъ человекъ.

Кирила Петровичъ. — Прямая, откровенная душа! Ужь бывало что скажетъ, вѣрь какъ святому...

Князь. И вообразите — какъ будто нарочно. только сегодня сошло объ немъ представленіе...

Кирила Петровичъ (*плачетъ*). — Ахъ, бѣдный! А онъ такъ ждалъ его...

Князь. Что дѣлать! видно судьба его умереть безъ повышенія... Жаль!..

Кирила Петровичъ (*рыдая*). — Да! ужь теперь ему ничего не нужно...

Василій Кузьмичъ. Какъ не нужно?.. Помилуйте, ваше сіятельство! за что же такая обида? — Да! я и забылъ... ужь не нужно и повышенія... Ахъ, обидно! — Ну, ужь видно я и впрямь умеръ... Да отъ-чего бы такъ, впрочемъ? что́ нужды, что я умеръ! вѣдь я въ отставку не подавалъ : пусть бы чины себѣ шли да шли... кому жь отъ того помѣха? а и мертвому пріятно... Ахъ, не догадался я прежде! Что́ бы составить объ этомъ проектецъ... Досадно, больно...

Кирила Петровичъ. — Да, теперь ему болѣе ничего не нужно! Но у него осталось семейство... еслибъ ваше сіятельство...

Князь. Какъ же! съ большою охотою. Заготовьте мнѣ записку... Но только я вамъ долженъ сказать, — ваше искреннее участіе въ Васильѣ Кузьмичѣ дѣлаетъ вамъ много чести...

Кирила Петровичъ. — Какъ же иначе, ваше сіятельство! Онъ былъ мнѣ истинный, неизмѣнный другъ...

Князь (*улыбаясь*). Ну, не совсѣмъ...

Кирила Петровичъ (*отирая слезы*). — Какъ несовсѣмъ? Что вы хотите сказать этимъ, ваше сіятельство!..

Князь. Да, теперь дѣло прошлое, а я скажу вамъ: если вы не получили того мѣста — знаете?.. то никто другой тому причиною, какъ Василій Кузьмичъ... Мнѣ больно это вамъ открыть, а это такъ...

Василій Кузьмичъ. — Ай! ай!

Кирила Петровичъ. Вы меня сразили, ваше сіятельство!.. Да что жь онъ могъ про меня сказать?..

Князь. — Да ничего въ особенности, а такъ вообще замѣтилъ, что вы человекъ неблагонадежный...

Кирила Петровичъ. «Да помилуйте, ваше сіятельство, это одно слово ничего не значитъ — надобны доказательства...

Князь. — Я это знаю; я вступался за васъ; но Василій Кузьмичъ только и твердилъ: «повѣрьте мнѣ, я его давно знаю, — неблагонадеженъ, неблагонадеженъ вовсе...» Это дѣло, какъ вы знаете, отъ меня не зависѣло, Василій Кузьмичъ былъ съ вѣсомъ — и къ нему всѣ пристали...

Кирила Петровичъ. Ахъ, лицемеръ, лицемеръ! Ужь если на то пошло, я доложу вашему сіятельству : меня онъ увѣрялъ, что противъ меня были вы, что онъ, какъ съ вами не спорилъ, какъ ни заступался за меня...

Князь. — Онъ вамъ просто солгалъ...

Кирила Петровичъ. Повѣрите ли, ваше сіятельство, не было на свѣтъ коварнѣе этого чело-вѣка ; съ виду мужикомъ смотрѣлъ, и то-и-дѣло на языкъ : «я чело-вѣкъ простой, я чело-вѣкъ простой», — и прямо всякому въ глаза смотрѣлъ, — а тутъ-то и наровитъ обмануть ; всѣхъ проводилъ, ваше сіятельство, всѣхъ обманывалъ... Вотъ только была бы ему какая-ни-на-есть пользишка... отца бы продалъ, сына бъ заложилъ, мать бы родную оклеветалъ... право!

Князь. — По-крайней-меръ, нельзя отнять у него, что онъ былъ чело-вѣкъ дѣятельный.

Кирила Петровичъ. Какой дѣятельный, ва-ще сіятельство ! Дѣлтай сущій : только-что мастеръ былъ бумаги спускать. Вникните-ка въ его дѣла — ничѣмъ не заиниался. Да и когда ему было ? Съ утра до вечера или интригуетъ, или въ вистъ. Ни-чего у него не было святаго : какъ дѣло поважнѣе, потруднѣе, такъ и свалить его на другаго ; ужь на это такой былъ тонкій !.. Такой всегда предлогъ отыщеть, что и въ голову не прійдетъ... А тамъ, смотришь, какъ другіе дѣло все сдѣлали, онъ его такъ обернетъ, какъ-будто самъ его сдѣлалъ... та-кой хитрецъ !..

Князь. — Но все-таки онъ былъ человѣкъ не-корыстолюбивый...

Кирила Петровичъ (*горячася*). Онъ? тако-го корыстолюбца свѣтъ не привидывалъ. На ма-ленькія дѣла онъ не пускался, потому-что остро-роженъ былъ, какъ заяцъ ; — но изволите помнить его порученіе въ чужихъ краяхъ : откуда все его богатство?..

Князь. — Какъ? не-ужь-ли? Полно, правда ли?..

Кирила Петровичъ (*продолжая горячиться*). Да помиуйте, вѣдь я самъ при немъ былъ, я все знаю — всѣхъ обманулъ, продалъ... а доказа-тельство нѣтъ — все прикрылъ...

Василій Кузьмичъ. — Ай, ай, ай!

Князь. Я вамъ очень благодаренъ, что вы мнѣ это открыли. Мнѣ остается пожалѣть, что вамъ не вздумалось этого сдѣлать немножко раньше...

Кирила Петровичъ. — Ахъ, ваше сіятель-ство! Чтò было дѣлать! Старинная связь, дружба, — человѣкъ сильный...

Князь. И котораго покровительство вамъ было нужно, не такъ ли?.. Прощайте, сударь...

(*Уходитъ.*)

Василій Кузьмичъ. — Чтò, братъ, взялъ? — Вотъ чтò значить наушничать...

Кирила Петровичъ (*опомнясь*). Ай! опло-шалъ, погорячился слишкомъ... Проклятый ли-

цемярь , душегубецъ! И по смерти-то пакостить мнѣ...

Василій Кузьмичъ. — Однакожь , очень недурно , что я умеръ ; не то , плохая бы мнѣ была шутка. Ну , что его слушать ! Полечу-ка къ другимъ друзьямъ : можетъ-быть , кто-нибудь и добромъ вспомянетъ. А , право , весело этакъ изъ мѣста въ мѣсто летать.

(Друзья Василья Кузьмича за обѣдомъ).

Первый другъ. Такъ вотъ какъ , батюшка ! черезъ два дня мы на похоронахъ у Василья Кузьмича ? Кто бы подумалъ ? Еще сегодня долженъ былъ у меня обѣдать ; я ему и страсбургскій пирогъ приготовилъ : онъ такъ любилъ ихъ , покойникъ..

Второй другъ. — А пирогъ славный — нечего сказать...

Василій Кузьмичъ. Да ! вижу , что славный ! Странное дѣло : голода нѣтъ , а поѣсть бы не отказался... Чтó за трюфели ! какъ жаль , что нечѣмъ...

Третій другъ. — Чудный пирогъ ! позвольте-ка еще порцію за Василья Кузьмича...

(Всѣ смѣются).

Василій Кузьмичъ. Ахъ , злодѣи !

Первый другъ. — Ну , ужь Василій Кузьмичъ не такую бы порцію взялъ : любилъ поѣсть покойникъ , не тѣмъ будь помянуть...

Второй другъ. Ужасный былъ обжора! Я думаю, отъ-того у него и ударъ случился...

Третій другъ. — Да, и доктора то же говорятъ... Онъ вчерась, говорятъ, такъ ѣлъ за ужиномъ, что смотреть было страшно... А что, не слышно, кто на его мѣсто?..

Первый другъ. Нѣтъ еще. А жаль покойника, такъ, по человѣчеству...

Третій другъ. — Мастеръ былъ въ вистъ играть...

Всѣ. О! большой мастеръ!..

— Первый другъ. — У него, знаете, этакое соображеніе было...

Второй другъ. — А что нынче въ театрѣ?..

*(Толки о городскихъ новостяхъ, о погодѣ...
Василій Кузьмичъ прислушивается: объ
немъ ни слова; онъ заглядываетъ въ каж-
дое блюдо).*

*(Обѣдъ кончился; всѣ садятся за карты; Васи-
лій Кузьмичъ смотритъ на игру).*

Василій Кузьмичъ. — Что за игра валить — вотъ такъ-то — шлемъ! Козыряйте, козыряйте, Марка Ивановичъ — нѣтъ! пошелъ въ масть! Да помилуйте, какъ можно?.. съ такой игрой — да въдь вы имъ офранкировали даму... Ахъ!.. какъ бы я разыгралъ эту игру — какъ жаль, что нѣтъ! — опять не то, Марка Иванычъ! да вы, сударь, картъ

не помните... позвольте мнѣ сказать вамъ, я человекъ простой и откровенный, у меня что на сердце, то и на языкѣ... да что я имъ толкую — не слышатъ!.. Ахъ, досадно! — Вотъ и роверъ сыграли... вотъ и другой... Ахти! такъ руки и чешутся.. досадно! — Вотъ чай подаютъ — не хочется пить — а выпилъ бы чашечку — это тотъ самый чай, что Марку Иванычу прямо изъ Кяхты прислали — ужъ какой душистый — чудо! вотъ хоть бы капельку... Охъ! досадно.

Вотъ и игра кончилась; за шляпы берутся, прощаются; «прощайте, прощайте, Марка Иванычъ?» — И ухомъ не ведетъ... Ну, куда же мнѣ теперь дѣваться? сна ни въ одномъ глазѣ. Развѣ пойдти по городу прогуляться; вотъ ужъ и экипажи стали рѣдѣть, — все попритихло; огни гасятъ въ домахъ; всякій въ постелю — все забылъ, спить-себѣ во всю ивановскую; а я то бѣдный — мнѣ нѣкуда и головы приклонить. А! да что я? дай-ка провѣдаю Каролину Ивановну... Что, я чай, плачетъ обо мнѣ горемышная? Э-ге! да и огонь у ней не погашенъ, — видно и сонъ на умъ нейдетъ; — тоскуетъ по мнѣ, бѣдненькая! — Посмотримъ. Сидитъ въ кабинетѣ... Ахти! да не одна! это тотъ смазливенькой, что я встрѣтилъ однажды у ней на лѣстницѣ, да приревновалъ, — а она еще увѣряла, что знать его не знаетъ, что вѣрно онъ ходилъ къ другимъ жильцамъ! — Ахъ, злодѣйка! Послушаемъ, что она съ нимъ толкуетъ. Какія-то бумаги у ней въ рукахъ; а! мои заемныя письма. Что она съ ними хочетъ дѣлать?

Каролина Ивановна. — Такъ слушай, Ванюша; — ты смотри, не прозѣвай. Я не знаю, какъ это у васъ дѣлается; предъявить что-ли надобно эти заемныя письма; какъ, куда, когда — разузнай все это, моя душа. Мнѣ куда потерять ихъ не хочется; еслибъ ты зналъ, чего они мнѣ стоѣли! Ужъ такого скряги, какъ этотъ Аристидовъ — и свѣтъ не привидывалъ; ревновать-ревновалъ, а ужъ мнѣ сдѣлать удовольствіе — того и не жди; насилу изъ него вымучила; да этого мало: нѣтъ — нѣтъ, да и спросить: «покажи-ка мнѣ, Каролинушка, заемныя письма, — я позабылъ отъ какого они числа» — чуть-было изъ рукъ не вырвалъ однажды; а не то прійдетъ у меня же денегъ въ займы просить — у меня! Такъ, говоритъ, на перехватку.. Такой безчестный! Хорошо, что протянулся; — теперь мы съ тобой славно заживемъ, душа моя Ванюша...

Василій Кузьмичъ. — Ахъ злодѣйка! обнимаетъ его! цалуетъ! — Тьфу, смотрѣть досадно! такъ сердце и разрывается — а дѣлать нѣчего! Плюнуть на нее негодную, измѣнщицу — да и что она мнѣ далась?.. А ужъ куда хороша, проклятая... У! у! безстыдная... плюю на тебя. Вотъ ужъ Наталья Казимировна не тебѣ чета... Посмотрѣть, однакожь, что-то дѣлаетъ и эта? Ужъ также не нашла ли себѣ утѣшителя. — Вотъ ея квартирка! и огня нѣтъ. Посмотримъ, ужъ не больна ли она? — Нѣтъ! спить-себѣ да всхрапываетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ужъ не съ горя ли? — Какое съ горя! у постели брошено маскарадное платье: въ маскарадъ была!

вотъ ея поминки по мнѣ... И какъ спокойно почи-
ваетъ! раскинулась такъ небрежно... какъ хороша!
что за прелесть... ахъ! какъ жаль!.. Ну, да нѣче-
го жалѣть! ничѣмъ не можешь... Куда бы дѣ-
ваться? — развѣ домой... а что жь, въ-самомъ-дѣ-
ль?.. Какая тишина на улицахъ — хоть бы что ше-
лохнулось... А это что за господу присѣли тутъ за
угломъ... что-то посматриваютъ, какъ-будто чего-
то поджидаютъ; ужь вѣрно — недоброе на умѣ...
Посмотримъ. Ге! ге! да это плутъ Филька, мой кам-
мердинеръ, что сбѣжалъ отъ меня... Ахъ, бездѣль-
никъ... что-то онъ поговариваетъ ..

Товарищъ Фильки. — Ну, да гдѣ жь ты на-
учился *по музыкѣ ходить* ⁽¹⁾ что ты изъ *жульковъ* ⁽²⁾
что ли?

Филька. Нѣтъ! куда! Совсѣмъ бы мнѣ не
тѣмъ быть, чѣмъ я теперь. Отецъ у меня былъ че-
ловѣкъ строгій и честный, поблажки не давалъ и
доброму училъ; никогда бы мнѣ *музыка* на умѣ не
пришла... Да попался я въ услуженіе къ Василию
Кузьмичу, вотъ для котораго скоро большая *убор-
ка* ⁽³⁾ будетъ ..

---

(1) Т. е. воровать. — Слово изъ *афеньскаго* языка, о кото-
ромъ глѣтъ пять тому были напечатаны въ «Отечественныхъ
Запискахъ» любопытныя изслѣдованія. Многія изъ поговорокъ
этого языка вошли въ обыкновенный языкъ, но не всѣмъ
еще понятны, и потому мы считаемъ не излишнимъ присое-
динить и переводъ къ афеньскимъ словамъ.

(2) Маленькой мошенникъ.

(3) Похороны.

Товарищъ Фильки. — Да что, не-ужь-ли онъ мазурилъ?... (1)

Филька. «Клёвый мазъ (2) былъ покойникъ... только, знаешь, большой руки. Знаешь, къ нему хаживали просители съ *стуканцами* (3)...

Товарищъ Фильки. — Пстой-ка — никакъ *стрёма* (4).

Филька. «Нѣтъ! — Херъ (5) какой-то... Да куда наша *фига* (6) запропастилась?..

Товарищъ Фильки. — Да нельзя же вдругъ...

Филька. О! проклятое дѣло! продрогъ какъ собака...

Товарищъ Фильки. — Ничего — какъ разсвѣнетъ, въ *шатуны* (7) зайдемъ... ну, такъ ходили просители...

Филька. Ну, да! ходили... а Василій-то Кузьмичъ думалъ, что я простофиля... Вотъ, говоритъ, пріятель пришелъ; что онъ тебѣ отдастъ, то ко мнѣ принеси, а тебѣ за то синенькая; вотъ я дѣломъ-то смекнулъ; вижу, что Василю-то Кузьмичу не хочется зазора-ради изъ рукъ прямо деньги брать, а

---

(1) Воровалъ.

(2) Большой воръ.

(3) Съ деньгами.

(4) Караульный, дворникъ.

(5) Пьяный.

(6) Лазутчикъ...

(7) Въ питейный домъ.

чтобъ того , знаешь , какова пора не мѣра , на меня все свалить . Я себѣ на умъ—за что жь мнѣ даромъ служить ? вотъ я и съ Василю Кузьмича магарычи , да и съ просителя подачку...

Товарищъ Фильки . — Такъ тебѣ , братъ , лафа была... (1).

Филька . Оно такъ ! да вотъ что бѣда : какъ пошли у меня стуканцы черезъ руки ходить , — такъ сердце и разгорѣлось , — больше захотѣлось... а между-тѣмъ Василю Кузьмичъ меня то туда , то сюда ; поди-ка , Филька , вотъ то провѣдай , а того-то проведи , — а вотъ этому побожись , будто меня продаешь , — и разнымъ этакимъ залихватскимъ штукамъ училъ , — такъ-что сначала совѣстно становилось , особливо , бывало , какъ отцовскія слова вспомнишь , а потомъ и то приходило въ умъ : что же тутъ дурнаго для своей прибыли работать ? Василю Кузьмичъ — не мнѣ чета , ужь знаетъ , что дѣлаетъ , а отъ всѣхъ почтенъ , уваженъ... что жь тутъ въ зубы-то смотрѣть ? ужь коли музыка — такъ музыка . Да этакъ подумавши , — я однажды и хватилъ за толстую кису (2) , да такъ , что надобно было лыжи наострить , — а съ-тѣхъ-поръ и пошло , чѣмъ дальше , тѣмъ пуше ; да теперъ вмѣсто честнаго житья — того и смотри , что буду на Смольное глазѣть... (3)

---

(1) Славное житье .

(2) Большую сумму .

(3) Уголовное наказаніе .

Товарищъ Фильки. — Смотри, смотри *фига* знакъ подаетъ...

Филька. «А! насилу-то! (*встаетъ*).

Товарищъ Фильки. — А *фомка* (4) съ тобою?

Филька. И ножъ также...

Василій Кузьмичъ. — Ахъ, ты бездѣльникъ! вишь я его еще научалъ! я, вѣдь, совсѣмъ не тому... Пойдетъ теперь — обворуетъ, можетъ-быть смертоубійство совершить... Какъ бы помѣшать... Помѣшать!—а какъ помѣшать? Кто меня услышитъ? Охъ! жутко! — куда бы дѣваться — хоть бы не видать, и не слыхать... скорѣй домой... такъ авось не услышу... вотъ я и дома. Еще мое тѣло не убрали — да! еще рано. А! вотъ и племянница не спитъ, плачетъ, бѣдненькая!.. Добрая дѣвка, нѣчего сказать; точно покойный ея отецъ! Никогда злое и на умъ не взойдетъ; хоть десять разъ его обмани, — ничего не видитъ! То-то добрая душа... да такъ онъ съ одной доброй душой и на тотъ свѣтъ отправился; гдѣ-то онъ теперь; хоть бы встрѣтить! потолковали бы кое-о-чѣмъ. — Ну, не плачь, Лиза, мой другъ! горемъ не поможешь; пройдетъ — утѣшишься. Вотъ смотри, выйдешь замужъ, все горе забудешь... Ну, а что сыновья-то дѣлаютъ? Не спать также — однакожь не плачутъ... Разговоръ, кажется, живой... послушаемъ.

Петръ. — Ужь ты что ни толкуй, Гриша, если мы этого дѣла не смастеримъ, да случай упустимъ, такъ куда у насъ добраго убудетъ...

---

(4) Ломъ.

Гриша. Оно такъ! да совѣстно что-то; вѣдь мы знаемъ, что она дѣйствительно дочь покойнаго дядюшки...

Петръ. — Мы знаемъ, да судъ не знаетъ, а судить по тому что есть на бумагѣ...

Гриша. Да знаешь, что и Лизы-то жаль. Что за добрая! словно овечка... Она же меня маленькаго на рукахъ носила... знаешь, братъ: вѣдь чувство такое есть...

Петръ. — Ну! зафилософствовался! Мало тебя за это отецъ покойный бранилъ! ужь онъ ли не говорилъ тебѣ, что съ твоимъ философствованіемъ вѣкъ дрянью будешь: такъ и выходитъ...

Гриша. Я помню, что отецъ говорилъ... да однакожь какъ подумаешь, — что съ Лизой-то будетъ? куда она голову приклонить?

Петръ. — Да! такъ что же?.. Слушай, братъ, Гриша, скажу тебѣ на прямки: отецъ-то у насъ ужь куда умной человекъ былъ, и доказалъ, что умный: отъ гроша до мильона дошелъ, а помнишь его любимую поговорку: «свою крышу крой. сквозь чужую не замочить».—Вотъ оно что. А вѣдь тутъ по двѣсти тысячъ на брата, Гриша; вѣдь на улицѣ не поднимешь...

Гриша. Оно такъ... Ну, да какъ Василій Кузьмичъ какое распоряженіе сдѣлалъ?

Петръ. — Да! онъ-таки сдѣлалъ распоряженіе— и я знаю какое. Ты еще былъ малъ, не помнишь,

а я помню. Какъ дядя умиралъ, такъ и просилъ : «Я «говорить» не успѣлъ — болѣзнь захватила, — «а дѣло важное — у Лизы бумаги не въ порядкѣ. «Сохрани Богъ, ты умрешь, — другіе наследники «привяжутся, отобьютъ у ней наследство. Сдѣлай «милость, выхлопчи всѣ доказательства ея проис- «хожденія, — а не то бѣда. Я на всякій случай всѣ «ломбардные билеты на имя неизвѣстнаго пере- «велъ, чтобъ какова пора ни мѣра, все-таки Лиза «не безъ куска хлѣба будетъ. Пусть они теперь «остаются у тебя, — а какъ подростетъ, отдай ей, — «да между-тѣмъ выхлопчи ея бумаги-то... не за- «будь, — да и ты, Петруша — отцу припомни...»

Прошелъ годъ по кончинѣ дяди, — я еще тогда былъ молодъ, неразуменъ, ничего не понималъ, какія вещи есть на семъ свѣтѣ, — вспомнилъ я дядинъ приказъ и заикнулся объ немъ отцу. А Василій Кузьмичъ посмотрѣлъ на меня, поморщился, да и молвилъ : «что ты отца-то учить что ли хочешь?»

Да я, батюшка, подумалъ, что между-дѣлами... «Что я, забуду что ли?» спросилъ отецъ. «Нѣтъ, Петруша, какія бы у меня дѣла ни были — я главнаго дѣла никогда не забываю — помни это». — Въ тѣ поры я не совсѣмъ эти слова понялъ, но потомъ — какъ началъ входить въ разумъ, смекнулъ въ чемъ дѣло; да однажды, ужъ не съ-проста — заговорилъ съ отцомъ объ лизиныхъ бумагахъ. Старикъ посмотрѣлъ на меня еще пристальнѣе прежняго, и, кажется, отгадалъ, что у меня было на умѣ. «Много будешь знать, скоро состарѣешь-

ся» сказалъ онъ, знаешь, съ своею миловидною улыбкою, да потомъ ударилъ меня по плечу и промолвилъ: «слушай, Петруша, ты, я вижу, ма-
«лой-то не дуракъ будешь.. знаешь ли ты, что та-
«кое деньги? не знаешь?—я тебѣ скажу: деньги то,
«чѣмъ мы дышемъ; все на свѣтъ пустяки, все
«вздоръ, все дребедень... одна вещь на свѣтъ:
«*деньги!* помни это, Петруша, — съ этимъ далеко
«пойдешь...»

Василій Кузьмичъ. Когда-бишь это я ему говорилъ?.. А точно! говорилъ... экой плутъ какой! — вспомнилъ — да къ чему же онъ клонить...

Гриша. — Ну, такъ что жъ ты думаешь?..

Петръ. Да думаю то, что дѣло и по-сю-пору на томъ стоитъ; т. е., что билетовъ на четыреста тысячъ на имя неизвѣстнаго лежитъ у отца въ коммодѣ, — а Лиза покамѣстъ ничего, не отца своего дочь...

Гриша. — Да какъ же это?..

Петръ. Да такъ же! Стоитъ намъ помолчать, и четыреста тысячъ наши...

Гриша. — Ахъ, братъ, да совѣстно...

Петръ. Ну, занесъ философію! совѣстно что? помолчать? добро бы говорить... Вѣдь слышишь, четыреста тысячъ, — четыреста.. знаешь счетъ, или нѣтъ?..

Гриша. — Ну, а какъ отецъ-то какую записку оставилъ?..

ПЕТРЪ. А что, и въ-самомъ-дѣль? Вотъ уже правду покойникъ говаривалъ: «Что бы ни случилось, головы не теряй, главнаго не забывай». Пойдемъ-ка, посмотримъ у него въ бумагахъ... благо, я ключи-то захватилъ...

Гриша. — Ахъ, братъ, страшно... Въдь это... знаешь... подлогъ...

ПЕТРЪ. Экъ книги-то тебя съ толку сбили! — Ужь дрянью былъ, дрянью и будешь... Да, нѣчего времени терять: скоро утро; я и одинъ пойду, если ты трусишь... а ты сиди, хоть стихи сочиняй на досугъ...

Василій Кузьмичъ. — Ну, вижу — этому малому плохо не клади, — экой разбитной какой!.. А жаль Лизы-то; впрочемъ, въдь не моя она дочь... Ну, пришелъ; экъ началъ шарить; видно чутье у него: такъ прямо на лизины билеты и напалъ. Задумался... шарить въ бумагахъ... еще задумался... Ну, что же!... какъ? въ карманъ? Э-ге! вотъ ужь это дурно, Петруша... Чтоты? что ты?.. Поташиль! Ай! ай! что-то будетъ...

ПЕТРЪ (*возвращаясь въ братнину комнату, встревоженный*). Записки нѣтъ никакой... я все перешарилъ...

Гриша. — Ну, что жь! хорошо...

ПЕТРЪ. Да, очень-хорошó! Ты здѣсь что дѣлалъ?..

Гриша. — А мнѣ пришли въ голову два славные стиха для элегіи :

О, золото! металлъ презрѣнный!
Насъ до чего доводишь ты?

только рифмъ не могу отыскать...

Петръ. Слушай, Гриша, я тебѣ принесъ рифму и очень-богатую... Только смотри, братъ! я человекъ честный, какъ видишь, могъ бы всеѣмъ воспользоваться, да не хочу, ты все-таки мнѣ братъ, хоть и дрянъ; вотъ тебѣ половина, припрядь-ка скорѣе... да смотри, не проболтайся.

Гриша. — Что ты? что ты, братъ? Да какъ же это ты взялъ безъ родственникововъ, прежде осмотра?...

Петръ. Что? дожидаться осмотра... ахъ, ты, философъ! Самъ же меня надумилъ...

Гриша. — Я?..

Петръ. Да кто же? Вѣдь ты сказалъ, что, можетъ-быть, Василій Кузьмичъ распоряженіе какое сдѣлалъ, можетъ записку какую оставилъ; я по твоимъ словамъ и пошелъ, записки не нашелъ, а тутъ и подумалъ: а что, какъ гдѣ найдется! вѣдь на грѣхъ мастера нѣтъ! а какъ деньги припрятаны, такъ и концы въ воду; тамъ пускай послѣ и осматриваютъ, и опечатаваютъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ; какіе были билеты, тѣ и остались!» а остались-то билеты все на имя батюшки, т. е., которые достанутся намъ по наслѣдству... Что, недурно?..

Гриша. — Такъ... да все-таки... я не знаю что-то...

Петръ. Берешь деньги, или нѣтъ? коли не берешь, такъ, пожалуй, я и все себѣ возьму...

Гриша. — Ну ужъ... давай, давай...

Василій Кузьмичъ. Нѣтъ! грустно что-то становится, а самъ не знаю отъ-чего... какъ-то странно! и благоразумно, да и нехорошо, однако благоразумно... Что-то въ толкъ не могу взять.. а душно мнѣ здѣсь становится, пойдти на воздухъ, да благо ужь и утро... лавки отворяютъ... люди выходятъ... имъ весело... а мнѣ скучно все что-то... дай, заверну въ кондитерскую. А! газеты разносятъ... хоть ихъ почитать отъ скуки... А! моя некрологія! Посмотримъ (*читаетъ*).

«На сихъ дняхъ скончался такой то и такой-то «Василій Кузьмичъ Аристидовъ, искренно оплакиваемый родными, друзьями, сослуживцами и подчиненными, всѣми, кто зналъ и любилъ его. А кто «не любилъ сего достопочтеннаго мужа? Кому не «извѣстны его зоркій умъ, его неутомимая дѣятельность, его непоколебимое прямодушіе? Кто не цѣнилъ его добраго и откровеннаго характера? Кто «не уважалъ его семейныя добродѣтели, нравственную чистоту? Посвящая всю жизнь трудамъ неусыпнымъ, онъ, не желая отдать дѣтей въ общественное заведеніе, успѣвалъ лично заниматься «ихъ воспитаніемъ и умѣлъ образовать въ нихъ «подобныхъ себѣ достойныхъ согражданъ. Приба-

«вимъ къ сему, что, не смотря на важныя и много-
«трудныя свои занятія, почтеннѣйшій Василій
«Кузьмичъ удѣлялъ время и на литературу; онъ
«зналъ нѣсколько европейскихъ языковъ, былъ
«одаренъ изящнымъ вкусомъ и тонкою разборчи-
«востію. Здѣсь кстати замѣтимъ нашимъ врагамъ,
«завистникамъ, порицателямъ, нашимъ строгимъ
«цѣнителямъ и судьямъ, что почтеннѣйшій Василій
«Кузьмичъ всегда отдавалъ намъ справедливость:
«въ-продолженіе многихъ лѣтъ былъ постояннымъ
«подписчикомъ и читателемъ нашей газеты...»

Ну ужь тутъ немножко примахну́ли; никогда не подписывался — даромъ присылали... такъ... изъ угожденія... Ну, что еще такое?

«Онъ зналъ и вѣрилъ, что мы за правду готовы
«жизнію пожертвовать, что наше усердіе, благона-
«мѣренность... чистѣйшая нравственность... участіе
«публики...»

Ну, пошла писать! Это еще что за приписка?

«Долгомъ считаемъ увѣдомить читателей, что
«нашей газеты на нынѣшній годъ остается немно-
«го экземпляровъ, и потому... подписка принимает-
«ся у извѣстнаго своею честностію и аккуратностію
«книгопродавца...»

Ну, ужь это ихъ домашнія дѣла; рады были къ чему-нибудь прицѣпиться... однакожь спасибо и негодяямъ за доброе слово...

Что это за шумъ на улицѣ!.. А-га! возвращаются съ похоронъ. Ужь не съ моихъ ли? Дай-ка послушать, что-то обо мнѣ говорятъ.

— Дѣлецъ былъ хоть куда, да одно плохо...

Мимо.

— Претонкая былъ штука!..

— Ужь ты что съ нимъ ни дѣлай, всегда вывернется!..

— Аккуратный человекъ...

— Безъ стыда и безъ совѣсти...

— Гвоздинъ черезъ него въ люди пошелъ...

— По міру пустилъ и меня, и дѣтей...

— И взятку взялъ, да въ прахъ разорилъ, — вѣрно тамъ больше дали...

— Никогда не бралъ...

— Бралъ, да искусно, черезъ каммердинера...

— Что вы?

— Ужь кому это лучше меня знать?

— И съ живаго и съ мертваго...

Тьфу, пропасть! и слушать неприятно!.. вотъ, живи послѣ этого! оберегайся, рассчитывай каждый шагъ, обдѣлывай дѣла свои умненько, умерь — все открылось! Нѣтъ! нѣчего сказать, грустно, да и досадно — рта никому зажать нельзя!.. Куда бы дѣваться?.. Куда? развѣ побродить по городу... благо день...

Вотъ ужь и потемнѣло! Не знаю отъ-чего, какъ-то мнѣ ночью страшно становится... Кажется, чего

мнѣ теперь бояться... а вотъ подъ сердцемъ такъ что-то и колебѣть... Куда бы дѣваться? а! театръ освѣщенъ? Давно ужъ я тамъ не былъ — да, благо, и за входъ не надобно платить. Посмотримъ-ка, что такое даютъ? «Волшебную Флейту» — никогда не видалъ. Ахъ, да опера! вотъ, музыки я никогда не любилъ — такъ, душа къ ней не лежала... Ну, да нужды нѣтъ, только-бы вечеръ убить...

Что это за аллегорія такая? человекъ и сквозь огонь и сквозь воду проходитъ... то-есть, ему здѣсь разныя испытанія... посмотримъ-ка поближе (*на сценѣ*), э! вода-то картонная, да и огонь-то тоже... да еще молодецъ-то пересмѣивается съ актрисой... оно и здѣсь, какъ вездѣ: снаружи подумаешь невѣсь что, а внутри пустошь, крашенная бумага, да веревки, которыми все двигается (*обращается къ зрителямъ*). А! не дурень видъ отсюда на публику! Послушайте, господа, что вы видите здѣсь — совершенный вздоръ; вотъ, здѣсь парни въ высокихъ шапкахъ — маги, что ли, что они за околесную несутъ и про добродѣтель и про награды, такіе и между вами есть, — все неправда. Они толкуютъ такъ потому, что за то деньги получаютъ; да кто и выдумаль-то все это, тоже изъ денегъ хлопоталъ; въ этомъ вся штука! Повѣрьте мнѣ: я въ-самомъ-дѣлѣ и сквозь воду и сквозь огонь прошелъ — а все вышло ничего; жилъ, имѣлъ деньги — было хорошо, а вотъ теперь, что я такое? такъ! ничто! Слышите, что ли? Никто не слышитъ, всѣ смотрятъ на сцену... видно, что-нибудь хорошо,

отойдти подальше (*въ партеръ*)... Такъ! я этого ожидалъ! въ награду за добродѣтель, за подвиги — исполненіе всѣхъ желаній, и свѣтъ, и покой, и любовь — да! дождайся... Однакожь, какъ подумаешь, еслибъ въ-самомъ-дѣлѣ добыть такое тепленькое мѣстечко, гдѣ бы ничего не видать, не слышать, забыть обо всемъ!.. Занавѣсъ опустилась — вотъ и все! всѣ идутъ по домамъ, всякаго ждетъ семья, друзья... а меня? меня никто не ждетъ! Эта глупая пьеса на меня тоску навела. Куда бы дѣваться? не оставаться же здѣсь въ пустомъ, темномъ театрѣ... Ахъ! еслибъ уснуть? Бывало, что и неприятное случится, заляжешь въ постелю, заведешь глаза, и все позабудешь, а теперь вотъ и сна нѣтъ! Грустно!... (*Несется по городу*). Ухъ! вотъ какъ проходишь мимо этихъ домовъ, даже жутко становится, такъ и слышится: вотъ здѣсь бранятъ, тамъ проклинаютъ, тамъ насмѣхаются надо мною... и ушей нѣчьмъ себѣ зажать, и глазъ не можешь закрыть — все видишь, все слышишь... Куда это меня тянетъ?.. Никакъ за городъ?.. а! кладбище! да! вотъ и моя могила... вотъ и мое тѣпленькое мѣстечко! Здѣсь и онъ лежитъ! у, какой! и червякъ у него ползетъ по лицу! А все-таки ему веселѣе моего; по-крайней-мѣрѣ, онъ ничего не чувствуетъ.. Да и мнѣ даже здѣсь лучше, нежели тамъ; хоть не слышишь людскаго говора... Охъ, грустно! грустно!..

Кажется, я уже началъ позабывать дни... ужъ не знаю, сколько и времени проходитъ... Да и на что мнѣ знать? Только и отрады мнѣ, что на моей могилѣ... тихо! едва потянешься куда, опять и брань, и проклятiя!.. Однако, хотѣлось бы посмотреть, что у меня въ домѣ творится?.. Дай, потащусь... Ну! въ дорогу! что это снова меня тянетъ .. Какая-то бѣдная квартирка... Э-ге! да тутъ Лиза, моя племянница... стало-быть, дѣти-то выгнали ее изъ дома. Охъ, не хорошо! Кто это у ней? А! молодой Валкиринъ, что приволакивался за нею... Ай! ай! чтобъ не было бѣды... О чемъ это они поговариваютъ...

Валкиринъ. — Скажите, Лизавета Дмитриевна, не-уже-ли у васъ не осталось никакихъ бумагъ послѣ покойнаго батюшки?

Лиза. Всѣ, какiя были, переданы еще батюшкой Василью Кузьмичу... Но что съ тобой сдѣлалось, Вячеславъ? Ты разстроенъ, блѣденъ, какъ смерть?..

Валкиринъ. — Не спрашивайте меня, Лизавета Дмитриевна! Ужасъ... ужасъ!.. что у васъ было четыреста тысячъ, это вѣрно, что они украдены — это еще вѣрнѣе... Я двинулъ дѣло и готовится слѣдствие, но знаете ли, какое возраженiе приготовили ваши братья? они утверждаютъ, что у Дмитрiя Кузьмича никогда не было дочери!..

Лиза. Какъ не было? а я?»

Валкиринъ. — Это знаютъ : вы , я , и они это знаютъ , но въ бумагахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ...

Лиза. Какъ! я не дочь моего отца? да что же я такое?

Валкиринъ. — Пока не найдутся доказательства, вы — ничто... вы — самозванка.

Лиза. Боже мой! какой ужасъ!... Но какъ это можно? Пусть спросятъ?... Кто не знаетъ, что я дочь моего отца?..

Валкиринъ. — Повторяю вамъ : всѣ знаютъ ; но въ бумагахъ этого нѣтъ, а это главное...

Лиза. Что жь дѣлать теперь?..

Валкиринъ. — Времени терять нельзя ; я выхлопоталъ себѣ отпускъ и въ нынѣшнюю же ночь отправляюсь въ бывшую деревню вашего батюшки ; тамъ, вѣроятно, я отыщу какіе-нибудь слѣды...

Василій Кузьмичъ. Да! дожидайся! много отыщешь!..

Лиза. Я не знаю, Вячеславъ, какъ мнѣ благодарить тебя... всѣ меня оставили, всѣ гонятъ, — одинъ ты...

Валкиринъ. — Вы знаете, какой я жду награды! одного : вашей руки...

Лиза. «О! она давно твоя, но не теперь, не въ эту минуту... ты самъ бѣденъ, я не хочу, чтобъ ты женился на нищей, да и твой отецъ никогда на это не согласится... я не хочу быть причиной раздора въ вашемъ семействѣ, особливо теперь, когда я...

страшно вымолвить... даже не дочь моего отца!»
(рыдаетъ).

Валкиринъ. — Скажите только одно слово... я не посмотрю ни на что... вы завтра же будете моею женою...

Лиза. Нѣтъ, благородный человекъ! я не хочу воспользоваться твоимъ самоотверженіемъ, а ты также не захочешь унижить меня : теперь твое предложеніе — почти милостыня, въ которой я буду упрекать себя; — будь доволенъ тѣмъ, что моя рука, моя любовь принадлежатъ тебѣ... Богъ всё устроитъ — и тогда ничто не помѣшаетъ нашему счастью.

Василій Кузьмичъ. — Они кидаются другъ-другу въ объятія, оба плачутъ, бѣдненькіе! Мнѣ даже какъ-будто жаль ихъ; а какъ помочь? — Ахъ, кабы зналъ, да въдалъ, оставилъ бы ей что-нибудь на проживку... А то, вишь, плуты, всё себѣ захватили... Въдь правду сказать, теперь мнѣ на что? Нѣ всё ли равно, тѣмъ бы или другимъ досталось?.. Ахъ! жалко! душу тѣснить, смотрѣть на нихъ больше не могу!.. Нѣтъ, жутко мнѣ здѣсь оставаться... скорѣй вонъ изъ города, чтобъ только не видать и не слышать ничего!..

Какъ-будто дышешь здѣсь привольнѣе; оно такискучно, одному по большимъ дорогамъ таскаться, а всё лучше... Ба! кажется, знакомыя мѣста... Да!

какъ же! вотъ и городъ, въ которомъ я на своемъ вѣку славно попиравалъ. Что, тамъ помнятъ меня, или забыли?.. Вотъ и домъ, въ которомъ я жилъ; посмотримъ, что въ немъ творится... А! вотъ и мой прежній полчиненный! пріятно встрѣтить знакомое лицо! — Съ нимъ какой-то пріѣзжій и очень встревоженъ; послушаемъ, что они толкуютъ.

Пріѣзжій. Скажите, не-уже-ли дѣйствительно ничего не сохранилось изъ этого драгоценнаго собранія?

Провинціальныи чиновникъ. — Повторяю вамъ, что Василій Кузьмичъ приказалъ всё истребить.

Пріѣзжій. Но съ какою цѣлью?

Провинціальныи чиновникъ. — Да такъ, для чистоты и порядка. Какъ теперь помню: сидѣлъ онъ за вистомъ, призвалъ меня къ себѣ и говоритъ: «Что это, батюшка, у васъ тамъ много стараго хлама? куда его бережете? только мѣсто занимаетъ, а мнѣ вотъ нѣкуда моихъ людей помѣстить». — Я было-заикнулся, что дискать древность большая, а онъ какъ на меня прикрикнетъ: «Прошу, батюшка, не умничать! прошу всё это старье собрать, на пуды продать и деньги ко мнѣ представить, а комнаты очистить, чтобъ послѣ-завтра мои люди могли туда перейти.»

Пріѣзжій. Такъ что же вы сдѣлали?

Провинціальныи чиновникъ. — Я долженъ былъ исполнить приказаніе. Какіе свитки были, продалъ въ свѣчныя лавки, а вещи въ ломъ.

Пріѣзжій. Какъ вещи? развѣ были и вещи?

Провинціальныи чиновникъ. — Да, только все старье: платье, бердыши и много-много вещей, которыхъ и назвать не съумѣешь... Напримѣръ, были часы; говорятъ, имъ было лѣтъ четыреста, только старые такіе, глядѣть нѣ на что, даже не благоприлично. За одиннадцать рублей съ полтиною слѣсарю продали; все старье, говорю вамъ...

Пріѣзжій. Боже мой, какая потеря!

Провинціальныи чиновникъ. — Я ужь и самъ жалѣлъ; а дѣлать было нечего. Да что это васъ такъ интересуеть.

Пріѣзжій. Какъ мнѣ объяснить вамъ это? Въ этихъ бумагахъ хранился единственный экземпляръ одного важнаго документа для нашей исторіи; я употребилъ все мое небольшое имѣніе, чтобъ отыскать его; изъѣздилъ десятки городовъ и наконецъ вполнѣ убѣдился, что этотъ документъ нигдѣ, какъ у васъ... Теперь всѣ десятилѣтніе мои труды потеряны, важный пропускъ останется вѣчнымъ въ нашей исторіи и я долженъ возвратиться ни съ чѣмъ, безъ надежды и... безъ денегъ... Скажите, у васъ была еще старинная живопись на стѣнахъ?

Провинціальныи чиновникъ. — Живопись? Какъ же-съ! Она стерта по приказанію Василья Кузьмича.

Пріѣзжій. Да что у васъ былъ за варваръ Василій Кузьмичъ?

Провинціальныи чиновникъ. — То-есть онъ не то, чтобъ варваръ былъ; эдакихъ, знаете, зло-

дѣйствъ не дѣлалъ, а такъ, крутенѣкъ былъ... вотъ видите, я расскажу...

Василій Кузьмичъ. Ну, пошли поминки по мнѣ... дальше, дальше! (*пролетаетъ черезъ городъ*).

Что это? слышится рыданіе... Опять мое имя поминаютъ.

Голосъ въ бѣдной лачужкѣ. — О, чтобъ этому Василью Кузьмичу не было ни дна, ни покрышки! Такая ли была бѣ я теперь... Ластился тогда, проклятый, ко мнѣ : не безпокойтесь, говорилъ, матушка, ужъ я все улажу ; поднимете дѣло — хуже будетъ ; я вамъ за все отвѣчаю , все ваше сохранится , все улажу... вотъ и уладилъ , окаянный ; я съ-дуру-то ему повѣрила , да срокъ пропустила , а вотъ теперь и умирай съ-голода съ пятью сиротами , а вѣдь , кажется , и богатъ былъ , и важенъ ! Какъ эдакихъ людей земля носить !

Василій Кузьмичъ. Еще поминки ! мимо, мимо !... Нѣтъ покоя ! хотъ бы залетѣть въ какую-нибудь трущобу !.. А , вотъ еще городъ , что это ? здѣсь , кажется , весело , ярмарка... Ахти ! опять про меня толкуютъ : говорятъ , что всѣ разорились отъ того , что складочное мѣсто построено не тамъ , гдѣ бы должно , что и дорокъ къ нему нѣтъ , и товары портятся... Ахти , правда ! Да что жъ было дѣлать ? волочился я тогда за одной вдовушкой , а ей хотѣлось , чтобъ ярмарка противъ ея дома была ; сколько хлопотъ-то было ! чего мнѣ стѣяло и интриговать , и обманывать , и доказывать , что здѣсь-то самое лучшее и самое выгодное мѣсто... а къ чему всё это повело ?..

Мимо! Мимо!.. А какъ подумаешь, что это въ самомъ дѣлѣ за распоряженъе такое? Ужь если умеръ, такъ умеръ — и концы въ воду. А то нѣтъ — чемъ ни пошалилъ все такъ въ глаза и лезеть, все вопить, все корить... право странное распоряженъе...

Нѣтъ силъ больше! ужь гдѣ я ни таскался! кругомъ земнаго шара облетѣлъ! и гдѣ только ни прикорну къ землѣ — вездѣ меня поминаютъ... Странно! вѣдь, кажется, что я такое на свѣтѣ былъ? вѣдь если судить съ благоразумной точки зрѣнiя, я не былъ выскочкою, не умничалъ, не лѣзъ изъ кожи, я ровно *ничего* не дѣлалъ, — а посмотришь, какiе слѣды оставилъ по себѣ! и какъ чудно всё это зацѣпляется одно-за-другое! Смотришь, въ тюрьмѣ сидитъ человѣкъ, и въ глаза его не видалъ, — пойдешь добираться, и доберешься, что все по моей милости! Инаго за тридевять земель занесло — и опять по моей милости. Тутъ и вдовы, и сироты, и должники, и кредиторы, и старыи, и малыи — все меня поминаетъ и отъ-чего? все отъ бездѣлицы, право, отъ бездѣлицы: увѣряю васъ, я человѣкъ прямой и откровенный, отъ почерка пера, отъ какого-нибудь слова, сказаннаго или недосказаннаго... Право, силъ нѣтъ! индо страшно становится! а между-тѣмъ, такъ и тянетъ на родину, такъ и подмываетъ. — Ну, вотъ я и здѣсь! опять меня остановило надъ лизиной квартиркой... Что за бѣд-

ность! къ такой ли она жизни привыкла? Исхудала, несчастная, на себя непохожа; куда и красота дѣвалась? — работаетъ надъ бѣльемъ, а слезы такъ и каплютъ; я чаю, также меня поминаетъ... А это кто къ ней входитъ? баринъ какой-то; какъ разодѣтъ: видно богатый; съ чѣмъ это онъ къ ней подъѣзжаетъ? И какъ она обрадовалась ему, вскочила!

Лиза. Я думала, Филиппъ Андреевичъ, что вы меня совсѣмъ забыли.

Баринъ. — Нѣтъ, сударыня, какъ можно! захлопотался немного, — знаете, дѣла по министерству... Ну, что, какъ поживаете?

Лиза. Ахъ, дурно, Филиппъ Андреевичъ, очень дурно! Мой повѣренный пишетъ, что никакой нѣтъ надежды отыскать мой бумаги.

Баринъ. — Ничего, ничего, сударыня — это мы все обдѣлаемъ...

Лиза. Ахъ, вы истинно мой благодѣтель! безъ васъ я бы совсѣмъ погибла; я и до-сихъ-поръ живу тѣми деньгами, которыми вы меня ссудили, когда я ваше серебро продала, — а заплатитъ до-сихъ-поръ — извините, нѣчѣмъ.

Баринъ. — Ничего, ничего, сударыня! послѣ сочтемся; вы меня сами очень одолжили... вы понимаете, мнѣ самому, въ моемъ чинѣ, неловко какъ-то продавать, — а случается нужда въ деньгахъ... вы понимаете.

Василій Кузьмичъ. Чѣмъ больше всматриваюсь — знакомое лицо! ба! да это плутъ Филька, мой камердинеръ, переодѣтый!.. Ну! бѣда!..

Лиза. — Очень понимаю и готова вамъ служить сколько могу: я сказала, что это серебро матушкино, да кстати и вензель на серебрѣ пришелся по моему имени.

Филька. Прекрасно... впрочемъ, мнѣ нельзя долго у васъ оставаться; я заѣхалъ къ вамъ на минуту, былъ въ Ломбардъ, выкупилъ тамъ свои вещи, а теперь надо ѣхать къ министру; — боюсь возить — потеряешь, позвольте мнѣ у васъ оставить вещи.

Лиза. — Съ удовольствіемъ. Ахъ, какіе прекрасные брильянты, фермуары, діадемы... и какъ много!

Филька. Да! прекрасныя, прекрасныя и очень дорогія. Пожалуйста, припрятывайте ихъ подальше.

Василій Кузьмичъ. Лиза, Лиза! что ты дѣлаешь! вѣдь это краденныя вещи, вѣдь это воръ, вѣдь это Филька... Ничего не слышитъ... отчаяніе!

Филька. Ахъ, нѣтъ! сдѣлайте милость, не въ коммодъ: могутъ украсть; воры обыкновенно прежде всего хватаются за коммодъ — я ужь это знаю...

Лиза. Да куда же?

Филька. А знаете, вотъ за печку — оно гораздо безопаснѣе!

Лиза. Ахъ, какъ это смѣшно!

Филька. Теперь прощайте. до свиданія...

(Филька выходитъ и въ дверяхъ встрѣчается съ полицейскимъ, отступаетъ на шагъ и блѣднѣетъ.)

Полицейскій. А! попался, пріятель! давно мы тебя поджидали! Такъ здѣсь у тебя воровской притонъ? Свяжите-ка ему руки, да и красавицъ-то его тоже, а комнату обыскать... *(обыскиваютъ комнату и находятъ за печкою брильянты.)*

Василій Кузмичъ. Ахъ, бѣдная Лиза! да она не виновата! слышите, она не виновата! Нѣтъ, не слышатъ! Какъ растолковать имъ... Она въ безпамятствѣ; слова не можетъ вымолвить... Но вотъ кто-то еще... Ахъ, это Валкиринъ; можетъ-быть, онъ ее выручитъ... онъ не можетъ прійти въ себя отъ удивленія... объясняется съ полицейскимъ; тотъ ему толкуетъ о поведеніи Лизы, о давнихъ ея сношеніяхъ съ воромъ, о проданномъ серебрѣ... Лиза узнаетъ Валкирина, бросается къ нему, онъ ее отталкиваетъ... Нѣтъ, не могу больше смотреть! Скорѣе въ могилу, въ могилу — одно мое убѣжище!...

Такъ вотъ жизнь, вотъ и смерть! Какая страшная разница! Въ жизни, что бы ни сдѣлалъ, все

еще можно поправить; перешагнулъ чрезъ этотъ порогъ — и все прошедшее невозвратно! Какъ такая простая мысль въ-продолженіи моей жизни не приходила мнѣ въ голову? Правда, слыхалъ я ее мелькомъ, встрѣчалъ ее въ книгахъ, да проскользнула она между другими фразами. Тамъ все такъ: люди говорятъ, говорятъ и такъ приговорятся, что все кажется болтовнею! А какой глубокой смыслъ можетъ скрываться въ самыхъ простыхъ словахъ: «нѣтъ изъ могилы возврата»! Ахъ, еслибъ я зналъ это прежде!... Бѣдная Лиза! Какъ вспомню объ ней, такъ душа замираетъ! А всему виною я, я одинъ! я внушилъ эту несчастную мысль моимъ дѣтямъ — и чѣмъ! неосторожнымъ словомъ, обыкновенною мірскою шуткою! Но виноватъ ли я? я вѣдь думалъ, что успѣю Лизу устроить! Правда, пожилъ я довольно на-счетъ ближняго, но никогда бы не привелъ дочери моего брата въ то положеніе, въ которомъ она теперь! Не-уже-ли въ дѣтяхъ моихъ нѣтъ искры чувства?... А откуда оно бы зашло къ нимъ? не отъ меня — нѣчего сказать; едва я подозревалъ въ нихъ зародышъ того, что называется поэтическими бреднями, какъ старался убивать ихъ и насмѣшкою и разсужденіемъ; я хотѣлъ дѣтей своихъ сдѣлать *благоразумными людьми*; хотѣлъ предохранить ихъ отъ слабодушія, отъ филантропій, отъ всего того, что я называлъ пустяками! Вотъ и вышли люди! Мои наставленія пошли впрокъ, мою нравственность они угадали!.. Охъ! не могу и здѣсь долѣше оставаться — и здѣсь ужъ для ме-

ня нѣтъ покоя! Другихъ голосовъ не слышу, но слышу свой собственный... охъ! это совѣсть, совѣсть! какое страшное слово! какъ оно странно звучить въ слухъ! оно кажется мнѣ совсѣмъ инымъ, нежели какимъ тамъ казалось; это какое-то чудовище, которое давитъ, душитъ и грызетъ мнѣ сердце. Я прежде думалъ, что совѣсть есть что-то похожее на приличіе, я думалъ, что если человекъ осторожно ведетъ себя, наблюдаетъ всѣ мірскія условія, не ссорится съ общимъ мнѣніемъ, говоритъ то, что всѣ говорятъ, такъ вотъ и вся совѣсть и вся нравственность... Страшно подумать! Ахъ, дѣти, дѣти! не-уже-ли и васъ такая же участь ожидаетъ? Еслибъ вы были другіе, если бы другое вамъ внушено было, вы, можетъ-быть, поняли бы мои страданія, вы постарались бы истребить слѣды зла, мною сдѣланнаго, вы поняли бы, что однимъ этимъ могутъ облегчиться мои терзанія... И все напрасно! долгая, вѣчная жизнь предстоитъ мнѣ, и мои дѣла какъ сѣмена ядовитаго растенія — все будутъ расти и множиться!... Что жъ будетъ наконецъ? Ужасъ, ужасъ!...

Вотъ и тюрьма. Вижу въ ней бѣдную Лизу... но что съ нею? она ужъ не плачетъ, она поводитъ вокругъ себя глазами... Создатель! она близко къ сумасшествію... Дѣти, знаете ли вы это?... гдѣ они? Младшій спитъ, старшій сидитъ за бумагами... Боже, что въ нихъ написано! онъ обвиняетъ

Лизу въ развратъ, поддерживаетъ подозрѣніе въ воровствѣ, тонко намекаетъ о ея порочныхъ наклонностяхъ, замѣченныхъ будто еще въ моемъ домѣ... И какъ искусно, какъ хитро сплетена здѣсь ложь съ истиною! Мои уроки не потерялись: онъ понялъ искусство жить... какъ я понималъ его!.. Но что съ нимъ? онъ взглянулъ на спящаго брата: какое страшное выраженіе въ лицѣ его! О, какъ бы я хотѣлъ проникнуть въ его мысли... вотъ... я слышу голосъ его сердца: Ужасъ, ужасъ! онъ говоритъ самъ себѣ: «Эта дрянь всегда будетъ мнѣ во всемъ помѣхою; откуда и жалость у него взялась, и раскаяніе, и заступничество? Ну, что, если онъ съ-глупа все выболтаетъ? тогда бѣда! Нѣчего сказать—ужь куда бы кстати ему умереть теперь!... А, что, мысль не дурная! почему не помочь? стоить только нѣсколько капель въ стаканъ... что говорится попотчивать кофеемъ... А что? въ-самомъ-дѣлѣ! снадобье это подъ рукою, стаканъ воды возлѣ него на столѣ, въ-просонкахъ выпьетъ, не разберетъ — и дѣло съ концомъ.»

Петруша! сынъ мой! что ты дѣлаешь! остановись!... это братъ твой!... Развѣ не видишь... я у ногъ твоихъ... нѣтъ! ничего не видитъ, не слышитъ, подходитъ къ столу, въ рукахъ его стеклянка... Дѣло сдѣлано!..

Боже! не-уже-ли для меня небудетъ ни суда, ни казни? — Но что это дѣлается вокругъ меня? откуда взялись эти страшныя лица? Я узнаю ихъ! это братъ мой укоряетъ меня! это вдовы, сироты, мною оскор-

бленные! весь міръ моихъ злодѣяній! — Воздухъ содрогнулся, небо разваливается... зовутъ, зовутъ меня...»

Въ это утро Василій Кузмичъ проснулся очень поздно. Онъ долго не могъ прійти въ себя, протиралъ глаза и смутно озирался.

— Что за глупый сонъ! сказалъ онъ наконецъ : — индо лихорадка прошибла. Что за страхи мнѣ снились, и какъ живо — точно на яву... отъ-чего бы это? да! вчера я поужиналъ немного небережно, да еще лукавый дернулъ меня прочесть на сонъ грядущій какую-то фантастическую сказку... Охъ, ужъ мнѣ эти сказочники! Нѣтъ чтобъ написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное! а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ! — Вотъ ужъ запретилъ бы имъ писать! Ну, на что это похоже! читаешь и невольно задумаешься — а тамъ всякая дребедень и пойдетъ въ голову; право бы запретить имъ писать, такъ-таки просто, вовсе бы запретить... На что это похоже? Порядочному человѣку даже уснуть не дадутъ спокойно!... Ухъ! досихъ-поръ еще морозъ подираетъ по кожѣ... А ужъ двѣнадцать часовъ за полдень; экъ я вчерась засидѣлся; теперь ужъ никуда не поспѣешь! Надо, однакожь, чѣмъ-нибудь развлечься. Къ кому бы поѣхать? къ Каролинѣ Карловнѣ, или къ Натальѣ Казиміровнѣ?

ИСТОРИЯ О ПЪТУХЪ, КОШКЪ И ЛЯГУШКЪ.

РАЗСКАЗЪ ПРОВИНЦІЯЛА.

(ДИМИТРІЮ В. ПУТЯТЪ.)

КРИТИКЪ. Какая цѣль вашей сказки?
АВТОРЪ (*униженно кланяясь*). — Раз-
сказать ее вамъ.

Въ бытность свою въ городъ Рѣженскъ, покойная моя бабушка была свидѣтельницею одного страннаго происшествія : будучи увѣренъ, что публикѣ необходимо знать все, что касается до меня или до моихъ родственниковъ и знакомыхъ, я расскажу сіе происшествіе со всею подробностью, какъ мнѣ его разсказывали, и, по моему обыкновенію, не прибавляя отъ себя ни единого слова

Много лѣтъ тому назадъ, находился въ нашемъ городѣ въ званіи городничаго отставной прапорщикъ, Иванъ Трофимовичъ Зернушкинъ. Давно уже исправлялъ онъ эту должность, — да и не му-

дрено : всѣ такъ имъ были довольны : никогда онѣ ни во что не мѣшался ; позволялъ всякому дѣлать, что ему было угодно : за то не позволялъ никому и въ свои дѣла вмѣшиваться. Нѣкоторые затѣйники, побывавшіе въ Петербургѣ, часто приступали къ нему съ разными, небывалыми у насъ и вредными нововведеніями ; они, на примѣръ, толковали, что не худо бы осматривать, хотя изрѣдка, лавки съ съестными припасами, потому-что рѣженскіе торговцы имѣли, не знаю отъ чего, привычку продавать въ мясомястіе баранину, а въ постъ рыбу ; да такую, прости Господи ! — что хоть вонъ бѣги съ рынка ; иные прибавляли, что не худо бы хотя песку подсыпать по улицамъ и запретить выкидывать на нихъ всякой вздоръ изъ домовъ, ибо отъ того, будто бы, въ осень никуда пройти нельзя, и, будто бы, отъ того заражается воздухъ ; бывали даже такіе, которые утверждали, что необходимо въ городѣ завести хотя одну пожарную трубу съ лѣстницами, баграми, топорами и другими вычурами. Иванъ Трофимовичъ на всѣ сіи неразумныя требованія отвѣчалъ весьма разсудительно, остроумно и съ твердостью. Онъ доказывалъ, что лавочники никому своего товару не навязываютъ, и что всякой самъ долженъ смѣрять, что покупаетъ ; что одни лишь пустодомы да непорядочные люди могутъ требовать отъ городничаго наблюденія за такимъ дѣломъ, которое должна знать послѣдняя кухарка. Касательно мостовой онъ говорилъ, что Богъ даетъ дождь и хорошую погоду, и видно ужъ такой поло-

женъ предѣлъ , чтобы осенью была по улицамъ грязь по колѣно : сверхъ-того, добрые люди сидятъ дома , и не шатаются по улицамъ , а когда русскому человѣку нужда , такъ онъ вездѣ пройдетъ . Если бы , прибавляя онъ , на улицу ничего не выкидывали , свиньямъ бѣдныхъ людей нечего было бы ѣсть въ осеннее и зимнее время . Что касается до воздуха , то воздухъ не человѣкъ и заразиться не можетъ . Относительно пожарной трубы , Иванъ Трофимовичъ доказывалъ , что таковой и прежде въ городъ Рѣженскъ не имѣлось , а нынѣ , когда три части онаго уже выгорѣли . для четвертой нечего уже затѣвать такія затѣи ; что наконецъ онъ , карабинернаго полка отставной прапорщикъ , Иванъ Трофимовъ сынъ Зернушкинъ , уже не первый десятокъ на семь свѣтъ живетъ , и самъ знаетъ свою должность исправлять , городомъ управлять , и начальству отвѣчать . Такія благоразумныя и неоднократно-повторенныя разсужденія скоро закрыли уста затѣйникамъ , особенно , когда однажды , въ сердитый часъ , Иванъ Трофимовичъ присовокупилъ , что его , городничаго , должность , не за грязью на мостовыхъ и не за гнилою рыбою смотрѣть , а за тѣми , которые учнутъ въ фортеціи злые толки распускать и противу службы злое умышлять .

Всѣ въ городѣ похвалили Ивана Трофимовича за его твердый нравъ и обычай , и , благодаря Бога , у насъ , въ Рѣженскѣ , и до-сихъ-поръ все осталось по-прежнему : на улицахъ грязь по колѣно , по рынкамъ пройти нельзя . Та только разница , что

вмѣсто пожарной трубы, въ послѣднее время у насъ заведена прекрасная зеленая бочка съ двумя также зелеными баграми, но по завѣщанію Ивана Трофимовича, на пожаръ они никогда не вывозятся, ибо иначе легко могли бы испортиться, а хранятся за замкомъ, въ нарочно для того опредѣленномъ сараѣ. Время оправдало благоразумное распоряженіе Ивана Трофимовича: скоро потомъ, проѣзжавшій чиновникъ долгомъ почелъ донести губернатору объ отличномъ устройствѣ пожарныхъ инструментовъ въ городѣ Рѣженскѣ.

Какъ бы то ни было, Иванъ Трофимовичъ, избавившись отъ доуки рѣженскихъ затѣйниковъ, обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ, которыхъ у него было два, — а именно: чай и кошка. Да, милостивые государи! Иванъ Трофимовичъ очень любилъ чай, и даже въ немъ былъ большой знатокъ.

По сей-то причинѣ, онъ часто хаживалъ по лавкамъ собирать у купцовъ чайныя пробочки, чтобъ не ошибиться. Такимъ образомъ, у Иванъ Трофимовича набиралось когда четверть, когда полфунтика. Не то, чтобъ онъ всѣ пробочки мѣшалъ вмѣстѣ: нѣтъ! Какъ настоящій знатокъ, онъ вышивалъ каждую по одиначкѣ, и котораго чай онъ похвалитъ, тотъ купецъ и несетъ ему гостинецъ. Говорятъ, однако же, къ чести Ивана Трофимовича, — такая была у него добрая душа! что онъ при этомъ случаѣ руководствовался не столько каче-

ствомъ чая, сколько или очередь между купцами, или разными случавшимися обстоятельствами: такъ, на примѣръ, тотъ, у кого что нибудь было на душѣ, уже навѣрное зналъ, что Иванъ Трофимовичъ прійдетъ къ нему за пробочкою. Не то, чтобъ это можно было назвать взятою! Нѣтъ! Наши рѣженскіе лавочники такъ любили Ивана Трофимовича, что носили къ нему все *изъ чести!* Да не для чего было и взятки давать: дѣлъ такихъ, какъ нынче, не было. Разумѣется, и тогда въ городѣ было не безъ ссоръ, не безъ зависти, не безъ злости, — только тогда обычай былъ другой; прійдутъ, бывало, къ Ивану Трофимовичу тяжущіеся: оба говорятъ, говорятъ, — кто кого перекричитъ; а Иванъ Трофимовичъ послушаетъ, послушаетъ, — да одному толчекъ, другому другой: — никого не обидитъ, покойникъ, и вотъ, тяжущіеся потолкуютъ между собою, потолкуютъ, много что подерутся, — душеньку отведутъ, да тутъ же въ питейномъ дому и помирятся, — да еще за здравіе Ивана Трофимовича выпьютъ. Счастлирое тогда времечко было!

Любилъ кушать чай Иванъ Трофимовичъ, но не менѣе того любилъ онъ и кошку. Не то, чтобъ онъ кошку любилъ, — нѣтъ! — а любилъ, чтобъ кошка у него вокругъ шеи ходила, ластилась, терлась, да на ухо ему шептала. Правду сказать, да что и за кошка! Нынче, ужъ нѣтъ такихъ кошекъ! Большая, лоснистая, черная, а мордка, душка и лапки бѣлыя, какъ снѣгъ, словно въ перчаткахъ. Ужь

нѣчего и говорить : у Ивана Трофимовича мышей и въ заводъ не бывало. Да какія у ней были милыя привычки ! Говорю вамъ, что нынче ужъ нѣтъ такихъ кошекъ. Бывало, Иванъ Трофимовичъ проснется, а кошка прямо къ нему на постелю, то вытянется, то согнется дугою, то замурлычитъ, то замяучитъ, — а зеленые глазки у ней такъ и кажутся, словно изумруды. Тогда, Иванъ Трофимовичъ вставалъ, разводилъ огонь, ставилъ чайникъ въ печку, надѣвалъ фризовую шинель, бралъ кулечекъ и отправлялся на рынокъ, а кошка вслѣдъ за нимъ. Тутъ и собаки лаютъ, и возы везутъ, и народъ кричитъ, а ей горя мало : только что черезъ лужицы перепрыгиваетъ, да лапки отряхаетъ. Куда въ лавку Иванъ Трофимовичъ, туда и его кошка, — удивленье всему городу ! — и вотъ ей гдѣ рыбку, гдѣ свѣжинки : она знай кушаетъ, да мурлычитъ ! Возвратится Иванъ Трофимовичъ, возьметъ чайникъ, сядетъ къ столику возлѣ окошка, а кошка даромъ, что сыта : не думайте, чтобъ она, какъ нынѣшнія кошки, свернулась въ кружокъ, да захрапѣла, — нѣтъ ! — она на столикъ проберется, между чашки и сахарницы, ничего не задѣнетъ, или сядетъ на окошкѣ на солнышко, или на плечо къ Ивану Трофимовичу, и мурлыкать не мурлычетъ, а трется, трется вокругъ шеи, и шепчетъ — шепчетъ на ухо Ивану Трофимовичу ; Иванъ же Трофимовичъ, то погладитъ ее, то чайку прихлебнетъ... Такъ протекали долгіе дни.

Одинъ изъ новѣйшихъ сочинителей описалъ эти

нѣмыя минуты семейственнаго счастья, когда въ головѣ не проходитъ ни одной мысли, въ душѣ рождается какое-то тихое, невыразимое чувство; но кто опишетъ счастье Ивана Трофимовича въ этомъ уединеніи! Теплая избушка, теплый тулупъ, пестрые обои, мыши кота погребаютъ во всю стѣну, треугольная шляпа, шпага; солнышко свѣтитъ, отъ чаю паръ столбомъ, мимо окошка всякой кланяется, вокругъ шеи теплая васькина шкурка, и больше никого, — ни дѣтей, ни жены, ни кухарки, и триста верстъ отъ губернскаго города! И это тихое, невыразимое счастье повторяется каждый день; и не одинъ разъ въ день, а два, поутру и послѣ обѣда; иногда же и въ промежуткахъ! Двѣ были цѣли въ жизни Ивана Трофимовича: — напитокъ чаю и молча держать Ваську на шеѣ. Эта мысль не оставляла его ни на минуту: онъ засыпалъ съ нею, видѣлъ ее во снѣ и съ нею просыпался; къ этой мысли были привязаны всѣ его поступки, всѣ желанія, всѣ малѣйшія движенія его души, — другихъ въ ней не было. Приставалъ ли къ нему кто нибудь съ дѣломъ, случалось ли что важное въ городѣ, онъ отлагалъ все, чтобъ не пропустить положеннаго часа для чаю. Говорили ли о ревизорѣ, — онъ боялся его только потому, что къ нему неловко будетъ явиться вмѣстѣ съ Ваською.

Но нѣтъ вѣчнаго счастья въ этой жизни! У Ивана Трофимовича была однофамилица, и даже нѣсколько съ родни, изъ дворянъ, — вдова Марѣа

Осиповна Зернушкина. Случись у ней какое-то дѣло въ городѣ Рѣженскѣ : никакъ кто-то у ней мельницу околдовалъ, ртути въ плотину напустилъ. Марѳа Осиповна была женщина бойкая, умная, скопидомка, и хотя грамотѣ не умѣла, но тяжёбныя дѣла знала лучше инаго приказнаго : потому рѣшилась она хлопотать о дѣлахъ сама, своею особою, а Иванъ Трофимовичъ былъ ей нуженъ, чтобъ за нее по родству руку прикладывать. Она въѣхала къ нему прямо въ домъ. Соблазна тутъ никакого быть не могло, потому-что имъ обоимъ вмѣстѣ было лѣтъ сотня слишкомъ : добрый Иванъ Трофимовичъ съ радушіемъ отвелъ ей у себя коморку. Вотъ, разумѣется, при свиданіи родные обрадовались. Пошли толки о томъ, о семъ, о старинѣ, о новизнѣ, объ урожаѣ, — Васька туда же, то ластится, то трется, то замурлычить, то замяучить, то посмотреть на нихъ прищуренными глазками...

— Э! да какая у тебя товарка! сказала Марѳа Осиповна : — давно ли, батюшка, завелся?

« Да давно ужъ, матушка! лѣтъ восемь; съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ тобою не видались... »

— Да гдѣ, батюшка, и видѣться! Вѣдь восемьдесятъ верстъ не шутка! Ты человекъ служебный, а мнѣ ужъ не подъ лѣта. Три дня, батюшка, къ тебѣ тащилась : вѣдь на своихъ!.. Чуть было, въ грязи не утонула, а еще все большой дороги держалась; ты знаешь, у насъ новую дорогу сдѣлали!

Кисанька! Кисанька!.. Экая славная!.. Ну, вижу я, ты, право, домкомъ позавелся! Ужь не жениться ли хочешь? На дворъ, я у тебя видѣла матераго пѣтуха, а здѣсь кота заморскаго: а вѣдь по нашему, по бабьему рѣченью, котъ да пѣтухъ, что жена, милый другъ!

«Ну, ужь, матушка, Марѳа Осиповна: что до пѣтуха касается, то его хоть бы не было. Такой крикунъ — провалъ его возьми! — глазъ свести не дасть. Я, пожалуй, вамъ его хоть даромъ отдамъ...

— Благодарствую, батюшка, Иванъ Трофимовичъ. Да зачѣмъ это?

«И! ничего, матушка! свои люди, сочтемся. А ужь Васька-то мой! То ужь подлинно сказать, Марѳа Осиповна, что мой Васька милѣе иной жены. Кабы вы знали, какой затвѣйникъ, какой забавникъ! Не только, что на охоту ходить, да пѣсни поетъ, да старую шею у меня грѣетъ: нѣтъ, матушка: вѣдь отъ меня онъ крохи не получаетъ, а самъ со мною по городу бродитъ, да съ лавочниковъ оброкъ беретъ!..

— Не-уже-ли въ самомъ дѣлѣ!

Не возможно описать всѣхъ разсказовъ Ивана Трофимовича и всѣхъ распросовъ Марѳы Осиповны, и я, подобно сочинителямъ чувствительныхъ романовъ, когда дѣло до ходить до страшной завязки, предоставляю читателямъ дополнить воображеніемъ все, что было сказано, недосказано и пересказано при этомъ свиданіи.

Прошло нѣсколько дней. Однажды, послѣ объѣда, сидя за чайнымъ столикомъ, Марѳа Осиповна сказала Ивану Трофимовичу :

«Смотрю я на тебя, батюшка!..»

— Да! отвѣчалъ Иванъ Трофимовичъ. Такъ что же?

«А то, что не хорошо!»

— Что не хорошо!..»

«Да такъ! не хорошо...»

— Да что оно такое не хорошо, матушка?

«А то, зачѣмъ ты позволяешь кошкѣ себѣ на ухо шептать!»

— На ухо шептать?

«Да, вонъ видишь: ты, батюшка, ее отогналъ, а она тебѣ опять въ ухо лѣзетъ.»

— Признательно вамъ сказать, Марѳа Осиповна, что же тутъ дурнаго? Оно тепло и пріятно.

«Да то тутъ дурнаго, Иванъ Трофимовичъ, что она тебѣ жабу въ головъ нашепчетъ.»

— Какъ, жабу нашепчетъ?

«Да такъ, что у тебя, ни съ того, ни съ сего, жаба въ головъ заведется.»

— Что ты, матушка, говоришь? Ужъ жаба въ головъ заведется!... Да какъ она туда зайдетъ?

«Какъ хочешь, Иванъ Трофимовичъ! вѣрь или не вѣрь: я тебѣ не свои слова говорю, а что отъ родителей слыхала. Ты помнишь батюшку покойника: онъ, бывало, слова даромъ не проронитъ; а

онъ частенько, — царство ему небесное! — толковалъ, что если кому кошка на ухо шепчетъ, у того непременно въ головѣ жаба заведется.

— Что эта баба мелеть? думалъ про себя Иванъ Трофимовичъ, ложась въ постелю и поглаживая Ваську. Вишь, кошка жабу можетъ нашептать! Чего эти бабы не выдумаютъ!

Однакожь у Ивана Трофимовича въ головѣ и одинъ и два. Вотъ, кажется Ивану Трофимовичу, что его что-то въ голову стукнуло, и будто голова у него заболѣла. И онъ думаетъ: «болитъ она, аль нѣтъ? болитъ, точно болитъ!... Нѣтъ, не болитъ, точно не болитъ!..»

Вставши поутру, Иванъ Трофимовичъ, какъ человекъкъ благоразумный, разсудилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего спросить человека знающаго. Былъ у него задушевный пріятель, Богданъ Ивановичъ, уѣздный лекарь. Давно они уже съ нимъ не видались. — «Дайка, зайду къ Богдашъ, сказалъ Иванъ Трофимовичъ, да спрошу: онъ человекъкъ искусный, и вѣрно мнѣ всю правду скажетъ». — Сказано, сдѣлано.

Не хотѣлось Ивану Трофимовичу признаться, что онъ повѣрилъ бабьимъ сплетнямъ, но, какъ человекъкъ тонкій, завелъ рѣчь стороною.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Иванъ Трофимовичъ сказалъ лекарю:

— Что это, батюшка, Богданъ Ивановичъ? У насъ, въ городѣ, все головой жалуются. Отъ-чего бы это?

«Да не мудрено, Иванъ Трофимовичъ? отвѣчалъ лекарь. Теперь пора осенняя, а въ эту пору обыкновенно усиливается геморрой.

— А развѣ только что отъ геморроя и можетъ болѣть голова?

«Нѣтъ; она можетъ болѣть и отъ разныхъ причинъ: отъ простуды, отъ угару, отъ несваренія пищи.

— А отъ какихъ ни есть другихъ причинъ можетъ болѣть голова?

«Да отъ какихъ же это?

— Ну, примѣромъ сказать, правда ли это, батюшка, что будто бы иногда у человѣка жаба заводится въ головѣ?

«Мало ли чудесъ въ тѣлѣ человѣческомъ! Бывали и такіе примѣры.

— Какъ! Бывали?

«Да, но къ счастью, очень рѣдко.

— Какія чудеса на свѣтѣ бываютъ! Да какъ же помочь въ такомъ несчастномъ случаѣ?

«Ну, тутъ ужъ надобно дѣлать операцію!

— Операцію!

«Да! И очень трудную. Вскрываютъ голову.

— Вскрываютъ голову? Да какъ же это?

«Да вотъ, видишь: есть такой инструментъ; онъ словно крышка съ чайника, только кругомъ его острые зубчики, какъ у пилки.

— Ну?

«Вотъ, на головъ выбръютъ волосы, кожицу подрѣжутъ кругомъ, да и пріймутся вертѣть этотъ инструментъ на черепъ : онъ и выпилитъ изъ него кружочекъ.

— Ну ?

«Ну, кружочекъ снимутъ : если лягушка или что другое на томъ мѣстѣ, то...

— Какъ, если на томъ мѣстѣ!... А если на другомъ ?

«Ну, такъ еще вертятъ черепъ.

Ноги оледенѣли у Ивана Трофимича ; однакожь онъ собрался съ силами и выговорилъ :

— Какъ же это, батюшка ! этакъ всю голову какъ тыкву изрѣжутъ!... Да что жъ съ человѣкомъ-то въ это время бываетъ ?

«Чему быть съ человѣкомъ ! Онъ лежитъ безъ памяти.

— И живутъ еще послѣ этакого мученія ?

«Признательно сказать, Иванъ Трофимовичъ, такъ почти всегда умираютъ.

Въ раздумьѣ пошелъ Иванъ Трофимовичъ отъ лекаря. — Не соврала баба ! сказалъ онъ дорогою : не соврала ! Экая бѣда какая ! — И, пришедши домой, онъ увидѣлъ, что Марѳа Осиповна уже собирается въ путь.

— Куда спѣшишь, матушка ?

«Да что, Иванъ Трофимовичъ, время терять ! Спасибо тебѣ, всѣ дѣла мои покончила ; какіе хво-

сты остались, ты и безъ меня ихъ заправишь. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль...

— Не на чемъ, матушка, не на чемъ!

Когда Марѳа Осиповна собралась совсѣмъ уже садиться въ кибитку, Иванъ Трофимовичъ, скрѣпя сердце, сказалъ ей.

— Послушай, матушка: подарилъ я тебѣ пѣтуха... возьми ужь... и кошку!

Марѳа Осиповна того только и хотѣлось.

«И! зачѣмъ это! отвѣчала она. — Вѣдь у тебя Васька единое утѣшеніе...

— Нѣтъ, матушка! Я вотъ, видишь, человекъ холостой, прибираться въ домъ нѣкому, а вѣдь кошка блудница; прыгнетъ неравно куда, да задѣнетъ, разобьетъ... У тебя же въ деревнѣ просторъ большой.

«И подлинно такъ, Иванъ Трофимовичъ! Давай, давай; а я тебѣ за то къ Великому посту пришлю медку къ чаю, да грибовъ сушеныхъ... Вѣдь ты, чай, постничаешь?..

Почти слезы навернулись у Ивану Трофимовича, когда пришлось разставаться съ Ваською; но дѣлать было нѣчего. Пѣтуха усадили въ лукошко, Ваську въ мѣшокъ, Марѳу Осиповну въ кибитку, и все тряхнулось и покатилося.

Съ-тѣхъ-поръ, жизнь оостыла Ивана Трофимовичу. Все ему грустно, все холодно вокругъ шеи; даже чай ему казался горькимъ, сколько онъ ни прикусывалъ сахару. Войдетъ ли въ комнату, —

ему чудится, что Васька мурлычетъ; пойдетъ ли по городу, — все обарачивается полюбоваться на него: то схватится за холодную шею, — и нѣтъ Васьки!..

Однажды, когда Иванъ Трофимовичъ сидѣлъ за чайнымъ столикомъ, и передъ нимъ стыла налитая чашка, зашелъ къ нему пріятель.

«Здравствуй, батюшка, Иванъ Трофимовичъ! По добру ли, по здорову поживаешь?..

— Нѣтъ, почтеннѣйшій!.. не здоровится! Даже чай въ горлышко не идетъ.

«Да что жъ такое съ вами, Иванъ Трофимовичъ?»

— Да Богъ вѣсть что!.. И голова побаливаетъ, да и что-то грустно все; ни на что глядѣть не хочется.

«И, батюшка, Иванъ Трофимовичъ! Хотите, я васъ лекарству научу?»

— Удружи, почтеннѣйшій!

«Прибавляйте кизлярской водочки къ чаю, — такъ не то заговорите.

— Что ты, почтеннѣйшій! Я съ роду хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, и вкусу въ немъ не знаю.

«Попробуйте. Вѣдь вамъ ужъ пьяницею не сдѣлаться!.. А кизлярская водка съ чаемъ, скажу вамъ, лучшее лекарство отъ всѣхъ болѣзней. Лекаря обыкновенно ее отсовѣтываютъ отъ-того, что это лекарство отнимаетъ у нихъ барыши, а его

дѣйствительность я самъ на себѣ испыталъ. Вотъ, онамнясь, у бугорья мостъ у меня подъ кибиткою провалился : кучеръ еще какъ-то удержался, а меня отбросило въ промоину, — по уши въ воду, ба-тюшка! — Нитки сухой не осталось! Пріѣхалъ до-мой, — день-то былъ морозный, — такая меня про-няла трясавица, что свѣту Божьяго не взвидѣлъ : въ голову бьетъ, зубы стучать, руки и ноги ходе-немъ ходять. Что жъ я? — Жена! давай чаю, да-вай водки! Да какъ вытянулъ стаканчика два, на другой день какъ рукой сняло. Въдь это ужъ види-мый опытъ!.. Какое бы лекарство такъ скоро по-дѣйствовало? Послушайтесь, Иванъ Трофимовичъ, попробуйте : право, благодарить меня будете! Въдь есть у васъ кизлярская?...

— Держу для пріятелей.

«Ну, попробуйте! Въдь разъ — ничего не сто-ить!»

Иванъ Трофимовичъ послушался, попробовалъ; сперва-было поморщился, но потомъ онъ сказалъ : — Странное дѣло!.. Водка лучше вкусъ придаетъ чаю! Посмотримъ, какая-то будетъ польза.

Послѣ двухъ чашекъ въ-самомъ-дѣлѣ Ивану Трофимовичу сдѣлалось гораздо веселѣе. Это на-слажденіе онъ повторилъ и на другой день, и на третій, и на четвертый, и такъ далѣе.

Однажды сильная головная боль разбудила Ива-на Трофимовича : онъ вскочилъ съ постели, какъ угорѣлый. Скорѣй къ кизляркѣ : выпилъ — помо-

гло. Черезъ нѣсколько времени другой толчекъ, и сильнѣе перваго : опять къ кизляркѣ, — и опять помогло. Потомъ еще третій, — и кизлярка уже не помогла. Тщетно Иванъ Трофимовичъ увеличивалъ приѣмъ своего лекарства : ему все было хуже, да хуже. Иванъ Трофимовичъ струсилъ ; ему уже кажется, что у него въ головѣ что-то шевелится и царапается : бѣда и только !

И съ этого времени страшные сны пошли у Ивана Трофимовича. То ему кажется, что у него черепъ снимаютъ, какъ крышку, а въ черепъ-то цѣлое гнѣздо лягушекъ и всякихъ гадовъ. То ему кажется, будто онъ самъ обратился въ огромную и толстую жабу : и горько и стыдно ему!.. Хочетъ надѣть сюртукъ, чтобъ прикрыться, а сюртукъ не застегивается! — Лишь рукава по воздуху болтаются!.. То, наконецъ, ему кажется, что у него въ головѣ цѣлый городъ Рѣженскъ, — крикъ, шумъ, скрипъ отъ воевъ... а по улицамъ все ходятъ не люди, а лягушки на заднихъ лапкахъ, и съ ножки на ножку переваливаются!..

Не на шутку испугался Иванъ Трофимовичъ ! И стыдъ прочь, и бросился онъ къ лекарю.

— Батюшка, Богданъ Ивановичъ ! помогите, спасите !

«Что съ вами случилось, Иванъ Трофимовичъ ? Дайте-ка пульсъ пощупать...»

— И ! полно, батюшка!.. Какой тутъ пульсъ ! Помните, мы съ вами недавно разговоръ имѣли объ одной странной болѣзни?..

«Ну, помню. Такъ что же?»

— Ну, батюшка! Эта самая болѣзнь со мною грѣшнымъ и приключилась...

«Я васъ не понимаю, Иванъ Трофимовичъ...

— Чего тутъ не понимать, батюшка! Жаба у меня въ головѣ завелась. Да!... жаба, понимаете? Жаба въ головѣ...

«Богъ съ вами, Иванъ Трофимовичъ! Да съ чего вы это взяли?»

— Какъ, съ чего взялъ! Я передъ вами, батюшка, какъ передъ отцомъ духовнымъ, таиться не буду; все вамъ расскажу. Пристрастился я къ кошкѣ... Помните, у меня кошка была, такая славная, теплая, — провалъ ее возьми! — черная, лоснистая... Вотъ и повадилась она, окаянная, мнѣ на ухо шептать: шептала, шептала, да жабу и нашептала...

Лекарь захохоталъ во все горло.

«Помилуйте, Иванъ Трофимовичъ! Съ вашимъ умомъ и вѣрить такому вздору?..

— Смѣйся, батюшка, смѣйся, какъ хочешь! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ сквозь слезы. Въдь ты не знаешь, что у меня въ головѣ дѣлается, а я такъ знаю; я въдь чувствую, какъ въ ней кто-то проклятой царапается, — индо голова трещить; а ужъ болитъ-то она, болитъ-то, — едва разсудка не теряю! Что за бѣда такая! ужъ шестой десятокъ живу на свѣтъ, на службѣ уже сороковой годъ

всегда вѣрой и правдой служилъ, и подѣ Турку ходилъ и подѣ картечью бывалъ, дошелъ до званія городничаго, и никогда со мною таковой оказіи не бывало, а теперь, подѣ старость лѣтъ, Богъ меня посѣтилъ такимъ позоромъ!.. Помоги, батюшка, помоги, какъ хочешь, не то я самъ на себя руки наложу!...

Лекарь, видя, что всѣ его увѣщанія будутъ тщетны въ эту минуту, рѣшился болѣе не противорѣчить старику, и сказалъ :

— Ну, слушайте жь, Иванъ Трофимовичъ! Если подлинно въ васъ есть такая болѣзнь, то возьмите нѣсколько теріѣвья : я уже вамъ, кажется, сказывалъ, что я только мелькомъ слыхалъ о такой странной болѣзни, но, признательно вамъ откруюсь, никогда въ глаза не видывалъ, ни въ книгахъ не читывалъ. Дайте мнѣ время немножко подумать, да въ книжкахъ справиться. Я самъ не замедлю къ вамъ отвѣтъ принести, а теперь, вотъ, пріймите этотъ прохладительный порошокъ, да привяжите къ головѣ капустныхъ листьевъ, а тамъ, дастъ Богъ, увидимъ, что надобно дѣлать.

По выходѣ Ивана Трофимовича, лекарь задумался. Въ немъ невольно взволновалась старая студенческая кровь; онъ невольно вспомнилъ то восхищеніе, съ какимъ, бывало, онъ и его товарищи узнавали о поступленіи въ клинику какого нибудь страннаго больнаго или страннаго мертваго. — «Что за несчастіе!» говаривали они : «зима уже давно

началась, а еще такъ мало къ намъ привозятъ замороженныхъ кадаверовъ!» - Какое счастье!» кричали они другъ другу : «цѣлыхъ шесть славныхъ кадаверовъ привезли!» — А если между кадаверами попадался какой нибудь уродъ съ шестью пальцами, съ сердцемъ на правой сторонѣ, съ двойнымъ желудкомъ : то-то радость!.. то-то восхищеніе!.. Новое знаніе! надежда открытія! поясненіе наблюденій! новые толки профессора! новыя системы!

Давно уже этотъ родъ наслажденія потерялся для нашего уѣзднаго лекаря; уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ оставилъ столицу; до него не дошло почти ни одного изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ продолженіе этого времени, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, — этого медицинскаго вѣка! Близъ него ни Академіи, ни Журналовъ, ни библіотеки, а одна почти механическая работа, одна нужда доставать себѣ пропитаніе посреди людей необразованныхъ: нѣ съ кѣмъ повѣрить даже самаго простаго наблюденія; нѣтъ минуты, чтобы привести въ порядокъ свои опыты! всѣ двадцать четыре часа въ сутки расходуются на разъѣзды, на слѣдствія, на самыя мелочныя занятія жизни. Съ отчаяніемъ врачъ посмотрѣлъ на свою скудную библіотеку : *Лаврентія Гейстера Анатомія*, изданная въ 1775 году; какой-то *Полный Врачъ*, того же времени; школьная диссертация его пріятеля, *О нервномъ сокѣ*; его собственная диссертация на степень лекаря, въ свое время надѣлавшая много шуму: *О пристойномъ*

жельзы наименованій, съ эпиграфомъ изъ Гейстера :

Желѣзо, какая часть, чтобъ сказалъ врачъ, трудно ;
Ибо Доктора въ томъ всѣ учили скудно , —

нѣсколько нумеровъ Московскихъ Въдомостей,
школьные тетрадки, — вотъ и все!..

Съ чѣмъ справиться? Гдѣ найти не только средство леченія, но даже описаніе болѣзни своего пациента?..

Въ досадѣ, въ увѣренности ничего не найти, онъ беретъ своего руководителя Гейстера, отыскиваетъ главу «О головѣ,» читаетъ : «содержимыя части «(contentae partes) суть : мозгъ (cerebrum)... Около мозга головного жестокая мать (dura mater), «или твердая оболочка надъ мозгомъ, изъ волокъ «сухожильныхъ состоящая...»

Онъ бросилъ отъ себя книгу : все это было имъ читано, перечитано, учено и переучено!..

Тутъ ему пришла на мысль еще книга, которую нѣкогда получилъ онъ въ университетъ въ награду за прилежаніе, которую тщательно завертывалъ онъ въ бумажку, и бережно хранилъ особо отъ другихъ книгъ, по причинѣ ея дорогаго переплета : то былъ переводъ книги : *О предчувствіяхъ и видѣніяхъ*, только что тогда появившійся въ свѣтъ.

Развернувъ эту книгу, онъ попалъ на то мѣсто, гдѣ описывается извѣстный поступокъ знаменитаго Бургава въ Гарлемскомъ Сиротскомъ Домѣ. Одна изъ воспитанницъ дома впала въ судороги : на нее смотря, другая, третья, четвертая, и такимъ обра-

зомъ почти всѣ до послѣдней. Бургавъ, видя, что это было дѣйствіе одного воображенія, приказалъ принести въ комнату жаровню съ угольями и щипцы, и объявилъ, что у первой, которая упадетъ въ судороги, стануть жечь руку раскаленными щипцами. Это лекарство такъ устрасило больныхъ, что всѣ онѣ въ одну минуту выздоровѣли.

Прочитавъ это описаніе, Богданъ Ивановичъ задумался. Продолжая читать, онъ встрѣтилъ описаніе больнаго, который воображалъ, будто у него ноги хрустальные, и котораго излечила служанка, уронивъ ему на ноги вязанку дровъ. Потомъ нашелъ онъ еще описаніе больнаго, который воображалъ, будто у него на носу сидитъ муха, и безпрестанно махалъ рукою, тщетно желая согнать ее. «Остроумный врачъ», сказано было въ книгѣ, «увѣривъ больнаго, что онъ имѣетъ средство излечить его, ударилъ его по носу данцетомъ, и въ ту же минуту показалъ больному приготовленную прежде для того муху.»

Слова «остроумный врачъ, знаменитый Бургавъ,» неволью остановили Богдана Ивановича.

— Что! сказалъ онъ самъ себѣ: если бы и мнѣ удалось произвести въ дѣйствіе подобное леченіе! Я бы описалъ подробно темпераментъ моего пациента, его мономаническіе припадки, средство, мною придуманное для его излеченія, полный успѣхъ мой, и слава обо мнѣ пролилась бы во всемъ мірѣ, мое описаніе послалъ бы я въ Академію...

даже въ иностранныхъ газетахъ возвѣстили бы міру о томъ, какъ рѣдки и замѣчательны въ лѣтописяхъ науки подобные случаи, какую трудность представлялъ Иванъ Трофимовичъ для излеченія, какъ «остроумный» врачъ искусно воспользовался состояніемъ нервнаго сока въ своемъ пациентѣ, и прочая, и прочая: и, можетъ-быть, за это бы вызвали меня въ Петербургъ, приняли бы въ Академію?.. О радость! о счастье!.. Рѣшено!

И Богданъ Ивановичъ поспѣшно собралъ все находившіеся у него инструменты, — кривыя и прямыя ножницы, кривые и прямые ножички; присоединилъ еще къ нимъ все, что только могло найдтиса въ его скудномъ хозяйствѣ: вертела, пирожныя загибки, обломки невинныхъ щипцовъ, — все пошло въ прокъ! За симъ, въ ближнемъ болотѣ онъ поймалъ огромную лягушку, согнулъ ей лапки, положилъ ее въ карманъ камзола, и съ этимъ запасомъ, пахмуривъ брови какъ можно грознѣе, явился къ Ивану Трофимовичу. Не говоря ни слова, онъ разложилъ на столѣ возлѣ самаго окошка, гдѣ обыкновенно сиживалъ Васька, всѣ свои военные снаряды. Иванъ Трофимовичъ поблѣднѣлъ.

«Что это?» вскричалъ Городничій съ ужасомъ.

— Я долго размышлялъ, рылся въ книгахъ о вашей болѣзни, Иванъ Трофимовичъ, сказалъ лекаръ съ величайшею важностію: и нахожу, что единственное средство для вашего спасенія есть операція... правда, ужасная.

«Операция! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ : то есть, провертѣть мнѣ голову!.. Нѣтъ, ни за что на свѣтъ! Ужъ лучше такъ умереть, нежели подѣ твоими ножами...

— Но это единственное средство.

«Нѣтъ! Ни за что на свѣтъ!

— Но вы чувствуете въ головѣ нестерпимую боль, которая будетъ усиливаться все больше и больше...

«Нѣтъ! Ничего не бывало!.. теперь ужъ все прошло...

— Но за два часа передъ симъ?..

«Прошло, говорятъ тебѣ! Совсѣмъ прошло!

Тщетны были всѣ усилія лекаря : онъ видѣлъ, что цѣль его, испугать больнаго, была слишкомъ достигнута, и разсудилъ, что надобно нѣсколько отдалить ее.

— Но послушайте! сказалъ онъ. Вѣдь эта операция совсѣмъ не такъ опасна, какъ вы думаете...

«Нѣтъ, отецъ родной! Меня не перехитришь : я самъ человекъ лукавый. Я помню всѣ ужасты, которыя ты мнѣ рассказывалъ. Я какъ подумаю о томъ, то едва голова съ плечъ не валится.

— Но увѣряю васъ, что я сдѣлаю такъ искусно, такъ осторожно, что вы и не почувствуете...

«Какое тутъ искусство поможетъ, какъ начнешь мнѣ черепъ сверлить!.. Дуракъ, что ли, я тебѣ дался?

Лекарь былъ въ отчаяніи. Онъ къ Ивану Трофимовичу и съ вертеломъ, и съ ланцетомъ, и съ щипцами : Иванъ Трофимовичъ не дается. Наконецъ городничій разсердился, лекаръ также; минута была рѣшительная: отъ нея зависѣли и будущая слава Богдана Ивановича, и богатство, и Академія; и статьи въ газетахъ, и завидная участь его ученаго поприща. Вооруженный ланцетомъ, онъ въ отчаяніи бросается на своего пациента, стараясь хотя дотронуться до его головы и показать ему успѣхъ операціи; но Иванъ Трофимовичъ вдругъ вспомнилъ прежнюю молодецкую силу... они борются : столъ вверхъ ногами; чашки, чайникъ, все въ дребезги: для обоихъ дѣло о жизни и смерти!.. И въ самую эту минуту... холодная свидѣтельница и невинная участница происшествія, пользуясь однимъ изъ движеній лекаря, изо всѣхъ силъ шлепнулась на полъ.

— Это что? — вскричалъ удивленный Иванъ Трофимовичъ. Злодѣй! окаянный! Ты не только хотѣлъ умертвить меня, но и посадить мнѣ въ голову какую-то гадину!.. Вонъ отсюда, окаянный!.. вонъ, говорю тебѣ!..

И съ сими словами, Иванъ Трофимовичъ, понатужившись, выкинулъ Богдана Ивановича изъ окошка...

Донынѣ въ архивѣ Рѣженскаго Земскаго Суда хранится « жалоба отставнаго прапорщика пѣхотнаго карабинернаго полка, рѣженскаго городничаго, Ивана Трофимова сына Зернушкина, на таковаго

же уѣзда лекаря Богдана Иванова сына Горемыкина, о разбитіи фаянсовыхъ чашекъ и чайника, о явномъ умыслѣ предать его, Зернушкина, умертвію и посадить ему въ голову нѣкую гадину.» Старики говорятъ однакоже, что съ того времени Иванъ Трофимовичъ освободился навсегда отъ своего припадка.

III.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПЕСТРЫХЪ СКАЗОКЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПЕСТРЫХЪ СКАЗОКЪ.

Подъ симъ названіемъ, я издалъ въ 1853-мъ году шутку, которой главная цѣль была : доказать возможность роскошныхъ изданій въ Россіи и *пустить въ ходъ рѣзьбу на деревъ*, а равно и другіе политипажи — дѣло тогда совершенно новое, въ которомъ дѣятельно помогъ мнѣ, опытный и почтенный другъ мой Яковъ Яковлевичъ Рейхель. Нѣкоторые рисунки были нарисованы и *вырѣзаны на деревъ* въ Петербургъ; для исторіи искусства и ради библиомановъ, сохранившихъ экземпляры «Пестрыхъ сказокъ» замѣчу, что на стр. 145 находится политипажъ *единственный въ своемъ родѣ* и о которомъ только теперь начали говорить въ чужихъ краяхъ, занимаясь тогда химіею, я вздумалъ испытать : не возможно-ли сдѣлать на литографическомъ камнѣ *выпуклость* (en relief) не рѣзцемъ, но *химическимъ составомъ*, почти такъ, какъ дѣлаются les eaux

fortes , что мнѣ и удалось, хотя несовершенно, приспособи изобрѣтательнаго художника А. О. Грекова, которому я и предоставилъ дальнѣйшее развитіе сего способа, до нынѣ еще новаго, но могущаго имѣть важное примѣненіе, ибо *выпуклой* литографическій камень печатается *вмѣстѣ съ наборомъ*, по немъ удобно отливать металлическіе политипажки, наконецъ протравливаніе его представляетъ возможность *безъ затрудненія выдѣлывать тѣ тонкія черты*, которыя такъ трудны въ рѣзбѣ на деревѣ.

Здѣсь выбраны изъ Пестрыхъ Сказокъ тѣ статьи, которыя написаны были не для политипажей и могутъ имѣть чисто литературное значеніе.

С К А З К А

О ТОМЪ, ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВѢТНИКУ ИВАНУ БОГДАНОВИЧУ ОТНОШЕНЬЮ НЕ УДАЛОСЯ ВЪ СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОЗДРАВИТЬ СВОИХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ СЪ ПРАЗДНИКОМЪ.

Во свѣтлой мрачности блистающихъ ночей
Явился темный свѣтъ изъ солнечныхъ лучей.
кн. ШАХОВСКОЙ.

Коллежскій совѣтникъ Иванъ Богдановичъ Отношенье, — въ теченіе сорока-лѣтняго служенія своего въ званіи предсѣдателя какой-то временной комиссіи, — проводилъ жизнь тихую и безмятежную. Каждое утро, за исключеніемъ праздниковъ, онъ вставалъ въ 8 часовъ; въ 9 отправлялся въ комиссію, гдѣ хладнокровно, — не трогаясь ни сердцемъ, ни съ мѣста, не сердясь и не ломая головы по напрасну, — очишалъ нумера, подписывалъ отношенія, помѣчалъ входящія. Въ семь занятіи проходило

утро. Подчиненные подражали во всемъ своему начальнику : спокойно , безстрастно писали . переписывали бумаги , и составляли имъ реестры и алфавиты , не обращая вниманія ни на дѣла , ни на просителей . Войдя въ комиссію Ивана Богдановича , можно было подумать , что вы вошли въ трапезу молчальниковъ , — таково было ея безмолвіе . Какая-то тѣнь жизни появлялась въ ней къ концу года , предъ составленіемъ годовыхъ отчетовъ ; тогда замѣтно было во всѣхъ чиновникахъ , особеннаго рода движеніе , а на лицѣ Ивана Богдановича даже безпокойство ; но когда по составленіи отчета Иванъ Богдановичъ подводилъ итогъ , тогда его лицо прояснилось и онъ , — ударивъ по столу рукою и сильно вздохнувъ , какъ послѣ тяжкой работы , — восклицалъ : « Ну , слава Богу ! въ нынѣшнемъ году у насъ бумагъ вдвое болѣе противъ прошлагодняго ! » и радость разливалась по цѣлой комиссіи и на завтра снова съ тѣмъ же спокойствіемъ чиновники принимались за обыкновенную свою работу ; подобная же аккуратность замѣчалась и во всѣхъ дѣйствіяхъ Ивана Богдановича : никто ранѣе его не являлся поздравлять начальниковъ съ праздникомъ , днемъ именинъ или рожденья ; въ новый годъ ничье имя выше его не стояло на визитныхъ реестрахъ ; мудрено ли , что за все это онъ пользовался репутаціею основательнаго , дѣловаго человѣка и аккуратнаго чиновника . Но Иванъ Богдановичъ позволялъ себѣ и маленькія наслажденія : въ будни едва било 3 часа , какъ Иванъ Богдановичъ вскакивалъ

съ своего мѣста, — хотя бы ему оставалось поставить одну точку къ недоконченной бумагѣ, — бралъ шляпу, кланялся своимъ подчиненнымъ и, — проходя мимо ихъ, — говорилъ любимымъ чиновникамъ — двухъ начальникамъ отдѣленій и одному столоначальнику : «Ну... сегодня... знаешь?» Любимые чиновники понимали значеніе этихъ таинственныхъ словъ и послѣ обѣда являлись въ домъ Ивана Богдановича на партію бостона; и аккуратнымъ поведеніемъ начальника, было произведено столь благодѣтельное вліяніе на его подчиненныхъ что для нихъ — по утру явиться въ канцелярію, а вечеромъ играть въ бостонъ, — казалось необходимою принадлежностію олузбы. Въ праздники они не ходили въ комиссію и не играли въ бостонъ, потому-что въ праздничный день Иванъ Богдановичъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда, — хорошенько расправивъ свой Аннинскій крестъ, — выходить одинъ или съ дамами на Невскій-Проспектъ; или заходить въ кабинетъ восковыхъ фигуръ, или въ звѣринецъ, а иногда и въ театръ, когда давали веселую пьесу и плясали по-цыгански. Въ семъ безмятежномъ счастіи протекло, какъ сказалъ я, — болѣе сорока лѣтъ, — и во все это время, — ни образъ жизни, ни даже черты лица Ивана Богдановича нисколько не измѣнились; только онъ сталъ противъ прежняго немного поплотнѣе.

Однажды случись въ комиссіи какое-то экстренное дѣло и, вообразите себѣ, въ самую страстную субботу; съ ранняго утра собрались въ канцелярію

всѣ чиновники и Иванъ Богдановичъ съ ними; писали, писали, трудились, трудились и только къ 4 часамъ успѣли окончить экстренное дѣло. Усталъ Иванъ Богдановичъ послѣ девяти-часовой работы; почти обезпамятѣлъ отъ радости, что сбылъ ее съ рукъ и, проходя мимо своихъ любимыхъ чиновниковъ, не утерпѣлъ, проговорилъ: «ну... сегодня... знаешь?» Чиновники ни мало не удивились сему приглашенію и почли его естественнымъ слѣдствіемъ ихъ утренняго занятія, — такъ твердо былъ внушенъ имъ канцелярскій порядокъ; они явились въ урочное время, разложились карточные столы, поставились свѣчи, и комнаты огласились веселыми словами: Шестъ въ сюрсахъ, Одинъ на червяхъ, Мизеръ увертъ и проч. т. п.

Но эти слова достигли до почтенной матушки Ивана Богдановича, очень набожной старушки, которая имѣла обыкновеніе по цѣлымъ днямъ не говорить ни слова, не вставать съ мѣста и прилежно заниматься вывязываніемъ на длинныхъ спицахъ фуфаяекъ, колпаковъ и другихъ произведеній изящнаго искусства. На этотъ разъ отворились запекшія уста ея и она, прерывающимся отъ неприлички голосомъ, произнесла:

«Иванъ Богдановичъ! А! Иванъ Богдановичъ! что ты... это?... вѣдь это... это... это... не водится... въ такой день... въ карты... Иванъ Богдановичъ!.. а!.. Иванъ Богдановичъ! что ты... что ты... въ эдакой день... скоро заутрени... что ты...»

Я и забылъ сказать, что Иванъ Богдановичъ тихій и смиренный въ продолженіи цѣлаго дня, дѣлался львомъ за картами; зеленый столъ производилъ на него какое-то очарованіе, какъ Сивиллинъ треножникъ; — духовное начало дѣятельности, разлитое Природою по всемъ своимъ произведеніямъ; потребность раздраженія; то таинственное чувство которое заставляетъ иныхъ совершать преступленія, другихъ изнурять свою душу мучительною бобовію, третьихъ прибѣгать къ опиуму, — въ организмъ Ивана Богдановича образовалась подъ видомъ страсти къ бостону; минуты за бостономъ были *сильными минутами* въ жизни Ивана Богдановича; въ эти минуты сосредоточивалась вся его душевная дѣятельность, быстрее бился пульсъ, кровь скорѣе обращалась въ жилахъ, глаза горѣли и весь онъ былъ въ какомъ-то самозабвеніи.

Послѣ этого не мудрено если Иванъ Богдановичъ почти не слышалъ, или не хотѣлъ слушать словъ старушки: къ тому же въ эту минуту у него на рукахъ были десять въ сюркахъ, — неслыханное дѣло въ четверномъ бостонѣ!

Закрывъ десятую взятку Иванъ Богдановичъ отдохнулъ отъ сильнаго напряженія и проговорилъ: «Не беспокойтесь, матушка, еще до заутрени далеко; мы люди дѣловые, намъ нельзя разбирать времени, намъ и Богъ простить — мы же тотчасъ и кончимъ.»

Между тѣмъ на зеленомъ столѣ ремизъ цѣпляется за ремизомъ; пулька растетъ горою; приходятъ

игры небывалыя , такія игры , о которыхъ долго сохраняется память въ изустныхъ преданіяхъ бостонной лѣтописи ; игра была во всемъ пылу , во всей красѣ , во всемъ интересѣ , когда раздался первый выстрѣлъ изъ пушки ; игроки не слышали его ; они не видали и новаго появленія матушки Ивана Богдановича , которая истощивъ все свое краснорѣчіе , молча покачала головою и наконецъ ушла изъ дома чтобы пріискать себѣ въ церквѣ мѣсто по покойнѣе .

Вотъ другой выстрѣлъ — а они все играютъ : ремизъ цѣпляется за ремизомъ , пулька растетъ и приходятъ игры небывалыя .

Вотъ и третій , игроки вздрогнули , хотятъ приподняться , — но не тутъ то было : они приросли къ стульямъ ; ихъ руки сами собою берутъ карты , тасуютъ , раздають ; ихъ языкъ самъ собою производитъ завѣтныя слова бостона ; двери комнаты сами собою прихлопнулись .

Вотъ на улицѣ звонъ колокольный , все въ движеніи , говорятъ прохожіе , стучать экипажи , а игроки все играютъ и ремизъ цѣпляется за ремизомъ .

« Пора бѣ кончить ! » — хотѣлъ было сказать одинъ изъ гостей , но языкъ его не послушался , какъ то странно перевернулся и сбитый съ толку , произнесъ : « Ахъ ! что можетъ сравниться съ удовольствіемъ играть въ бостонъ въ Страстную субботу . »

— Конечно ! — хотѣлъ отвѣчать ему другой — да что подумаютъ о насъ домашніе ? — но и его языкъ

также не послушался, а произнесъ: «Пусть домашніе говорятъ что хотятъ, намъ здѣсь гораздо веселѣе.»

Съ удивленіемъ слушаютъ они другъ друга, хотя противорѣчить, но голова ихъ сама нагибается въ знакъ согласія.

Вотъ отошла заутреня, отошла и обѣдня; добрые люди, — а съ ними матушка Ивана Богдановича, — въ веселыхъ мечтахъ сладко разговѣться, залегли въ постелю; другіе примѣриваютъ мундиръ, справляются съ Адресъ-Календаремъ, выправляютъ визитные реестры. Вотъ уже разсвѣло, на улицахъ чокаются, изъ каретъ выглядываетъ золотое шитье, трехугольныя шляпы торчатъ на фризovýchъ и камлотныхъ шинеляхъ, курьеры на-веселѣ шатаются отъ дверей къ дверямъ, суютъ карточки въ руки швейцаровъ и половину съютъ на улицѣ, мальчики играютъ въ битокъ и катаютъ яйца.

Но въ комнатѣ игроковъ все еще ночь; все еще горятъ свѣчи; игроковъ мучить и совѣсть, и голодъ, и сонъ, и усталость, и жажда; судорожно изгибаются они на стульяхъ, стараясь отъ нихъ оторваться, но тщетно: усталыя руки тасуютъ карты, языкъ выговариваетъ Шестъ и Восемь, ремизъ цѣпляется за ремизомъ, пулька растетъ, приходятъ игры небывалыя.

Наконецъ догадался одинъ изъ игроковъ и, собравъ силы, задулъ свѣчки; въ одно мгновеніе онъ загорѣлся чернымъ пламенемъ; во всѣ стороны разлились темные лучи и бѣлая тѣнь отъ игроковъ протяну-

лись по полу ; карты выскочили у нихъ изъ рукъ : дамы столкнули игроковъ со стульевъ , сѣли на ихъ мѣсто , схватили ихъ , перетасовали , — и составила цѣлая масть Ивановъ Богдановичей , цѣлая масть Начальниковъ Отдѣленія , цѣлая масть Столоначальниковъ и началась игра , игра адская , которая никогда не приходила въ голову сочинителя «Открытыхъ тайнствъ картежной игры.»

Между тѣмъ короли усѣлись на креслахъ , тузы на диванахъ , валеты снимали со свѣчей , десятки — , словно толстые откупщики , — гордо разхаживали по комнатѣ , двойки и тройки почтительно прижимались къ стѣнкамъ .

Не знаю долго ли дамы хлопали объ столъ несчастныхъ Ивановъ Богдановичей , загибали на нихъ углы , гнули ихъ въ пароль , въ досадѣ кусали зубами и бросали на полъ...

Когда матушка Ивана Богдановича , тщетно ожидавшая его къ обѣду , узнала что онъ никуда не выѣзжалъ и вошла къ нему въ комнату , — онъ и его товарищи усталые , измученные , спали мертвымъ сномъ : кто на столѣ , кто подъ столомъ , кто на стулѣ...

И по канцеляріямъ долго дивились : отъ чего Ивану Богдановичу не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ?

С К А З К А

О МЕРТВОМЪ ТѢЛѢ, НЕИЗВѢСТНО КОМУ ПРИ- НАДЛЕЖАЩЕМЪ.

Правда, волостный писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ сего, ни съ того, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міране начали головами и даже подымали его на смѣхъ.

ГОГОЛЬ, *въ Вечерахъ на Хуторѣ*

По торговымъ селамъ Рѣженскаго уѣзда было сдѣлано отъ земскаго суда слѣдующее объявленіе:
«Отъ Рѣженскаго земскаго суда объявляется, что въ вѣдомствѣ его, на выгонной землѣ деревни Морковкиной-Наташиной тожъ, 21-го минувшаго ноября найдено неизвѣстно чье мертвое мужеска пола тѣло, одѣтое въ сѣрый суконный ветхій шинель; въ нитяномъ кушакѣ, жилетъ суконномъ краснаго и отчасти зеленаго цвѣта, въ рубашкѣ красной пестрядинной; на головѣ картузь изъ ста-

рыхъ пестрядинныхъ тряпицъ съ кожанымъ козырькомъ; отъ роду покойному около 43 лѣтъ, росту 2 арш. 10 вершковъ, волосомъ свѣтлорусъ, лицомъ бѣлъ, гладколицъ, глаза сѣрые, бороду брѣетъ, подбородокъ съ просѣдью, носъ великъ и нѣсколько на-сторону, тѣлосложенія слабаго. Почему симъ объявляется: не окажется ли оному тѣлу бывшихъ родственниковъ или владѣльца онаго тѣла; таковыя благоволили бы увѣдомить отъ себя въ село Морковкино-Наташино тожъ, гдѣ и слѣдствіе объ ономъ, неизвѣстно кому принадлежащемъ, тѣлѣ производится; а если таковыхъ не найдется, то и о томъ благоволили бѣ увѣдомить въ оное же село Морковкино.»

Три недѣли прошло въ ожиданіи владѣльцевъ мертваго тѣла; никто не являлся и наконецъ засѣдатель съ уѣзднымъ лѣкаремъ отправились къ помѣщику села Морковкина въ гости; въ выморочной избѣ отвели квартиру приказному Севастьянычу, также прикомандированному на слѣдствіе. Въ той же избѣ, въ заклѣти, находилось мертвое тѣло которое на завтра судъ собирался вскрыть и похоронить обыкновеннымъ порядкомъ. Ласковый помѣщикъ, для утѣшенія Севастьяныча въ его уединеніи, прислалъ ему съ барскаго двора гуся съ подливой, да штофъ домашней желудочной настойки.

Уже смерклося. Севастьянычъ, какъ человекъ аккуратный, вмѣсто того чтобъ по обыкновенію своихъ собратій, взобраться на полати возлѣ только что истопленной печи, — разсудилъ за благо за-

няться приготовленіемъ бумагъ къ завтрешнему засѣданію, по тому болѣе уваженію что хотя отъ гуся остались однѣ кости, но только четверть штофа была опорожнена; онъ предварительно поправилъ свѣтильню въ желѣзномъ ночникѣ, нарочито для подобныхъ случаевъ хранимомъ старостою села Морковкина, — и потомъ изъ кожанаго мѣшка вытащилъ старую замасленную тетрадку. Севастьянычъ не могъ на нее смотрѣть безъ умиленія: то были выписки изъ различныхъ указовъ, касающихся до земскихъ дѣлъ, доставшіяся ему по наслѣдству отъ батюшки, блаженной памяти подьячаго съ приписью —, въ городѣ Рѣженскѣ за ябьды, лихоимство и непристойное поведеніе отставленнаго отъ должности, съ таковымъ впрочемъ поясненіемъ, чтобы его впредь ни куда не опредѣлять и просьбъ отъ него не принимать, — за что онъ и пользовался уваженіемъ всего уѣзда. Севастьянычъ невольно вспоминалъ, что эта тетрадка была единственный кодексъ, которымъ руководствовался Рѣженскій земскій судъ въ своихъ дѣйствіяхъ; что одинъ Севастьянычъ могъ быть истолкователемъ таинственныхъ символовъ этой Сивилинной книги; что посредствомъ ея магической силы онъ держалъ въ повиновеніи и исправника и засѣдателей, и заставлялъ всѣхъ жителей околodka прибѣгать къ себѣ за совѣтами и наставленіями; почему онъ и берегъ ее какъ зеницу ока, никому не показывалъ и вынималъ изъ подъ спуда только въ случаѣ крайней надобности; съ усмѣшкою онъ оста-

навливался на тѣхъ страницахъ, гдѣ частію рукою его покойнаго батюшки и частію его собственною, были то замазаны, то вновь написаны разныя незначущія частицы, какъ то: *не, а,* и проч., и естественнымъ образомъ Севастьянычу приходило на умъ: какъ глупы люди и какъ умны онъ и его батюшка.

Между тѣмъ онъ опорожнилъ вторую четверть штофа и принялся за работу; но пока привычная рука его быстро выгибала крючки на бумагъ, его самолюбіе, возбужденное видомъ тетрадки, работало: онъ вспоминалъ сколько разъ онъ перевозилъ мертвыя тѣла на границу сосѣдняго уѣзда и тѣмъ избавлялъ своего исправника отъ излишнихъ хлопотъ; да и вообще: составить ли опредѣленіе, справки ли навести, подвести ли законы, войти ли въ сношеніе съ просителями, рапортовать ли начальству о невозможности исполнить его предписанія, — вездѣ и на все Севастьянычъ; съ улыбкою вспоминалъ онъ объ изобрѣтенномъ имъ средствѣ: всякой повальный обыскъ обращать въ любую сторону; онъ вспомнилъ какъ еще недавно такимъ невиннымъ способомъ онъ спасъ одного своего благопріятеля: этотъ благопріятель сдѣлалъ какое-то дѣльцо, за которое могъ бы легко совершить нѣкоторое не совсѣмъ пріятное путешествіе; учиненъ допросъ, наряженъ повальный обыскъ, — но при семъ случаѣ Севастьянычъ надумилъ спросить прежде всѣхъ одного грамотнаго молодца съ руки его благопріятелю; по словамъ грамотнаго

молодца написали бумагу которую грамотный молодецъ перекрестя подписалъ , а самъ Севастьянычъ приступилъ къ одному обывателю, къ другому, къ третьему съ вопросомъ : «И ты тоже, и ты тоже?» да такъ скоро началъ перебирать ихъ что , пока обыватели еще чесали за ухомъ и кланялись, приготовляясь къ отвѣту, — онъ успѣлъ ихъ переспросить всѣхъ до послѣдняго, и грамотный молодецъ снова, за неумѣніемъ грамоты своихъ товарищей, подписалъ перекрестя, ихъ единогласное показаніе. Съ не меньшимъ удовольствіемъ вспоминалъ Севастьянычъ какъ при случившемся значительномъ начетѣ на исправника , онъ успѣлъ вpleсти въ это дѣло челоуѣкъ до пятнадцати , начетъ разложить на всю братію, а потомъ всѣхъ и подвести подъ милостивый манифестъ. — Словомъ , Севастьянычъ видѣлъ, что во всѣхъ знаменитыхъ дѣлахъ Рѣженскаго земскаго суда онъ былъ единственнымъ виновникомъ, единственнымъ выдумщикомъ и единственнымъ исполнителемъ; что безъ него бы погибъ засѣдатель , погибъ исправникъ, погибъ и уѣздный судья и уѣздный предводитель; что имъ однимъ держится древняя слава Рѣженскаго уѣзда, — и невольно по душъ Севастьяныча пробѣжало сладкое ощущеніе собственнаго достоинства. Правда, издали—, какъ будто изъ облаковъ,— мелькали ему въ глаза сердитые глаза губернатора , допрашивающее лицо секретаря уголовной палаты ; но онъ посмотрѣлъ на занесенныя мятелю окошки ; подумалъ о трехъ стахъ верстахъ , отдѣ-

ляющихъ его отъ сего ужаснаго призрака; для увеличенія бодрости выпилъ третью четверть штофа и — мысли его сдѣлались гораздо веселѣе : ему представился его веселый рѣженскій домикъ , нажитый своимъ умкомъ ; бутылки съ наливкою на окошкѣ между двумя бальзаминными горшками ; шкапъ съ посудой и между нею въ срединѣ на почетномъ мѣстѣ хрустальная на фарфоровомъ блюдѣ перешница : вотъ идетъ его полная бѣлолицая Лукерья Петровна ; въ рукахъ у ней зловный крупчатый коровай ; вотъ телка , откормленная къ святкамъ , смотритъ на Севастьяныча ; большой чайникъ съ самоваромъ ему кланяется и подвигается къ нему ; вотъ теплая лежанка , а возлѣ лежанки перина съ камчатнымъ одѣяломъ , а подъ периною свернутый лоскутъ пестрядки , а въ пестрядкѣ бѣлая холстинка , а въ холстинкѣ кожаный книжникъ , а въ книжникѣ сѣренькія бумажки ; — тутъ воображеніе перенесло Севастьяныча въ лѣта его юности , ему представилось его бѣдное житье-бытье въ батюшкиномъ домѣ ; какъ часто онъ голодалъ отъ матушкиной скупости ; какъ его отдали къ дьячку учиться грамотѣ—, онъ отъ души хохоталъ вспоминая , какъ однажды съ товарищами забрался къ своему учителю въ садъ за яблоками и напугалъ дьячка который принялъ его за настоящаго вора ; какъ за то былъ высѣченъ и въ отмщеніе оскормилъ своего учителя въ самую страстную пятницу ; потомъ представлялось ему : какъ наконецъ онъ обогналъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и достигъ до

того что читалъ апостолъ въ приходской церкви, начиная самымъ густымъ басомъ и кончая самымъ тоненькимъ голоскомъ, на удивленіе всему городу; какъ исправникъ, замѣтивъ что въ ребенкѣ будетъ прокъ, приписалъ его къ земскому суду; какъ онъ началъ входить въ умъ; оженился съ своею дражайшею Лукерьею Петровной; получилъ чинъ губернскаго регистратора, въ коемъ и до днесь пребываетъ, да добра наживаетъ; сердце его растаяло отъ умиленія и онъ на радости опорожнилъ и послѣднюю четверть обворожительнаго напитка. Тутъ пришло Севастьянычу въ голову что онъ не только что въ приказѣ, но хватъ на всѣ руки: какъ заслушиваются его, когда онъ подъ вечерокъ въ веселый часъ примется рассказывать о Бовѣ Королевичѣ, о похожденіяхъ Ваньки Каина, о путешествіи купца Коробейникова въ Іерусалимъ — неумолкаемыя гусли, да и только! — и Севастьянычъ началъ мечтать: куда бы хорошо было, еслибы у него была сила Бовы Королевича и онъ бы смогъ кого за руку — у того рука прочь, кого за голову — у того голова прочь; потомъ захотѣлось ему посмотреть, что за Кипрскій такой островъ есть, который, какъ описываетъ Коробейниковъ, изобиленъ деревяннымъ масломъ и греческииъ мыломъ, гдѣ люди ѣздятъ на ослахъ и на верблюдахъ, и онъ сталъ смѣяться надъ тамошними обывателями, которые не могутъ догадаться запрячь ихъ въ сани; тутъ начались въ головѣ его разсужденія: онъ нашелъ, что или въ книгахъ неправду пишутъ, или вообще

Греки должны быть народъ очень глупый, потому что онъ самъ спрашивалъ у Грековъ, — прїѣзжавшихъ на рѣженскую ярмарку съ мыломъ и пряниками, и которымъ, кажется, должно было знать что въ ихъ землѣ дѣлается, — зачѣмъ они взяли городъ Трои, — какъ именно пишетъ Коробейниковъ, — а Царьградъ уступили Туркамъ! и никакого толка отъ этаго народа не могъ добиться: что за Троя такая, Греки не могли ему рассказать, говоря, что вѣроятно, выстроили и взяли этотъ городъ въ ихъ ихъ отсутствіе; — пока онъ занимался этимъ важнымъ вопросомъ предъ глазами его проходили: и арабскіе разбойники; и Гнилое море; и процессія погребенія кота; и палаты царя Фараона, внутри всѣ вызолоченныя; и птица Строфокамилъ, вышиною съ человѣка, съ утиною головою, съ камнемъ въ копытѣ...

Его размышленіи были прерваны слѣдующими словами, которыя кто-то проговорилъ подлѣ него:

«Батюшка, Иванъ Севастьянычъ! я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.

Эти слова напомнили Севастьянычу его ролю приказнаго, и онъ по обыкновенію принялся писать гораздо скорѣе, наклонилъ голову какъ можно ниже и не сворачивая глазъ съ бумаги, отвѣчалъ протяжнымъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?

«Вы отъ суда вызываете владѣльцевъ поднятаго въ Морковкинѣ мертваго тѣла.

— Та-акъ-съ.

«Такъ изволите видѣть — это тѣло мое.

— Та-акъ-съ.

«Такъ нельзя ли мнѣ сдѣлать милость, поскорѣе его выдать?»

— Та-акъ-съ.

«А ужь на благодарность мою надѣйтесь...

— Та-акъ-съ. — Что же покойникъ-та, крѣпостной что ли вашъ былъ?..

«Нѣтъ, Иванъ Севастьянычъ, какой крѣпостной, это тѣло мое, собственное мое...

— Та-акъ-съ.

«Вы можете себѣ вообразить, каково мнѣ безъ тѣла... сдѣлайте одолженіе, помогите поскорѣе.

— Все можно-съ, да трудновато немного скоро-то это дѣло сдѣлать, — вѣдь оно не блинъ, кругомъ пальца не обвернешь; справки надобно навести... Кабы подмазать немного...

«Да ужь въ этомъ не сомнѣвайтесь, — выдайте лишь только мое тѣло, такъ я и пятидесяти рублей не пожалѣю...

При сихъ словахъ, Севастьянычъ поднялъ голову, но не видя никого, сказалъ :

— Да войдите сюда. что на морозѣ стоять.

«Да я здѣсь, Иванъ Севастьянычъ, возлѣ васъ стою.

Севастьянычъ поправилъ лампадку, протеръ глаза, но не видя ничего, пробормоталъ :

— Тыфу, къ чорту! — да что я ослѣпъ что ли? — я васъ не вижу, сударь.

«Ничего нѣтъ мудренаго! какъ же вамъ меня видѣть безъ тѣла!

— Я право въ толкъ не возьму вашей рѣчи, дайте хоть взглянуть на себя.

«Извольте, я могу вамъ показаться на минуту... только мнѣ это очень трудно...

И при этихъ словахъ, въ темномъ углу стало показываться какое-то лицо безъ образа; то явится, то опять пропадетъ, словно молодой человекъ, въ первый разъ прѣхавшій на балъ, — хочется ему подойти къ дамамъ и боится, выставитъ лицо изъ толпы и опять спрячется...

«Извините-съ «между-тѣмъ говорилъ голосъ, — сдѣлайте милость, извините, вы не можете себя вообразить, какъ трудно безъ тѣла показываться!.. сдѣлайте милость, отдайте его мнѣ поскорѣе, — говорятъ вамъ, что пятидесяти рублей не пожалю.

— Радъ вамъ служить, сударь, но право въ толкъ не возьму вашихъ рѣчей... есть у васъ просьба?..

«Помилуйте, какая просьба? какъ мнѣ было безъ тѣла ее написать? ужъ сдѣлайте милость, вы сами потрудитесь.

— Легко сказать, сударь, потрудиться, говорятъ вамъ, что я тутъ ни чорта не понимаю...

«Ужъ пишите только, — я вамъ буду сказывать. Севастьянычъ вынулъ листъ гербовой бумаги.

— Скажите, сдѣлайте милость: есть ли у васъ по крайней-мѣрѣ чинъ, имя и отчество?

« Какъ же ?.. Меня зовуть Цвеерлей-Джонъ-Луи.

— Чинъ вашъ , сударь ?

« Иностранецъ.

И Севастьянычъ написалъ на гербовомъ листъ крупными словами :

« Въ Рѣженскій Земскій Судъ отъ иностраннаго недоросля изъ дворянъ Савелія Жалуева , объясненіе : »

« Что жь далѣе ?

— Извольте только писать , я ужь вамъ буду сказывать ; пишите : имѣю я...

« Недвижимое имѣніе что ли ? » спросилъ Севастьянычъ.

— Нѣтъ-съ : имѣю я несчастную слабость...

« Къ крѣпкимъ напиткамъ что ли ? о , это весьма , непохвально... »

— Нѣтъ-съ : имѣю я несчастную слабость выходить изъ моего тѣла...

« Кой чортъ ! » вскричалъ Севастьянычъ , кинувъ перо , « да вы меня морочите , сударь ! »

— Увѣряю васъ , что говорю сущую правду , пишите только знайте ; пятьдесятъ рублей вамъ за одну просьбу , да пятьдесятъ еще , когда выхлопочете дѣло...

И Севастьянычъ снова принялся за перо.

— Сего 20 октября ѣхалъ я въ кибиткѣ , по своей надобности , по рѣженскому тракту , на одной подводѣ , и какъ на дворѣ было холодно , и дороги Рѣженскаго уѣзда особенно дурны...

«Нѣтъ, ужь на этомъ извините, возразилъ Севастьянычъ : этого написать никакъ пельзя, это личности, а личности въ просьбахъ помѣщать указами запрещено...»

— По мнѣ пожалуй ; ну, такъ просто: на дворѣ было такъ холодно, что я боялся заморозить свою душу, да и вообще мнѣ такъ захотѣлось скорѣе прїѣхать на ночлегъ... что я не утерпѣлъ... и, по своей обыкновенной привычкѣ, выскочилъ изъ моего тѣла...

«Помилуйте!» вскричалъ Севастьянычъ.

— Ничего, ничего, продолжайте ; что жъ дѣлать, если такая у меня привычка... вѣдь въ ней ничего нѣтъ противозаконнаго, не правда ли?

«Та-акъ-съ, отвѣчалъ Севастьянычъ : что жъ далѣе?»

— Извольте писать : выскочилъ изъ моего тѣла, уклалъ его хорошенько во внутренности кибитки... чтобы оно не выпало, связалъ у него руки возжами и отправился на станцію въ той надеждѣ, что лошадь сама прибѣжитъ на знакомый дворъ...

«Должно признаться, замѣтилъ Севастьянычъ: что вы въ семъ случаѣ поступили очень неосмотрительно.»

— Прїѣхавши на станцію, я взлѣзъ на печку отогрѣть душу, и когда, по разчисленію моему, лошадь должна была возвратиться на постоянный дворъ... я вышелъ ее провѣдать, но однако же во всю ту ночь ни лошадь, ни тѣло не возвращались. На

другой день утромъ я поспѣшилъ на то мѣсто, гдѣ оставилъ кибитку... но уже и тамъ ея не было... полагаю, что бездыханное мое тѣло отъ ухабовъ выпало изъ кибитки и было поднято проѣзжимъ исправникомъ, а лошадь уплелась за обозами...Послѣ трехнедѣльнаго тщетнаго исканія, я, увѣдомившись нынѣ о объявленіи Рѣженскаго Земскаго Суда, комъ вызываются владѣльцы найденнаго тѣла, покорнѣйше прошу оное мое тѣло мнѣ выдать, яко законному своему владѣльцу... причемъ совокуплю покорнѣйшую просьбу, дабы благоволилъ выпечисанный судъ сдѣлать распоряженіе, оное тѣло мое предварительно опустить въ холодную воду, чтобы оно отошло; если же отъ случившагося паденія есть въ томъ часто упоминаемомъ тѣлѣ какой-либо изъянъ или оное отъ мороза гдѣ-либо попортилось, то оное чрезъ уѣзднаго лекаря приказать поправить на мой коштъ и о всемъ томъ учинить какъ законы повелѣваютъ, въ чемъ и подписуюсь.

«Ну, извольте же подписывать,» сказалъ Севастьянычъ, окончивъ бумагу.

— Подписывать! легко сказать! говорятъ вамъ, что у меня теперь со мною рукъ нѣту — онѣ остались при тѣлѣ; подпишите вы за меня, что за неумѣніемъ рукъ...

«Нѣтъ! извините, возразилъ Севастьянычъ: этакой и формы нѣтъ, а просьбъ писанныхъ не по формѣ указами принимать запрещено; если вамъ угодно: за неумѣніемъ грамоты...»

— Какъ заблагоразсудите! по мнѣ все равно.

И Севастьянычъ подписалъ : «къ сему объясненію за неумѣніемъ грамоты, по собственной просьбѣ просителя, губернскій регистраторъ Иванъ Севастьяновъ сынъ Благосердовъ руку приложилъ.»

— Чувствительнѣйше вамъ обязанъ, почтеннѣйшій Иванъ Севастьяновичъ ! Ну, теперь вы похлопочите, чтобъ это дѣло поскорѣе рѣшили; не можете себѣ вообразить какъ неловко быть безъ тѣла!.. а я сбѣгаю куда повидаться съ женою, будьте увѣрены, что я уже васъ не обижу.

«Постойте, постойте, ваше благородіе! вскричалъ Севастьянычъ : въ просьбѣ противорѣчіе. Какъ же вы безъ рукъ уклались или уклали въ кибиткѣ свое тѣло? Тѣфу къ чорту, ничего не понимаю.»

Но отвѣта не было. Севастьянычъ прочелъ еще разъ просьбу, началъ надъ нею думать, думалъ, думалъ...

Когда онъ проснулся, ночникъ погасъ и утренній свѣтъ пробился сквозь обтянутое пузыремъ окошко. Съ досадою взглянулъ онъ на пустой штофъ предъ нимъ стоявшій; эта досада выбила у него изъ головы ночное происшествіе; онъ забралъ свои бумаги не посматривая и отправился на барскій дворъ въ надеждѣ тамъ опохмѣлиться.

Засѣдатель, выпивъ рюмку водки, принялся разбирать Севастьянычевы бумаги и попалъ на просьбу иностраннаго недоросля изъ дворянъ.

«Ну, братъ Севастьянычъ», вскричалъ онъ, прочитавъ ее: «ты вчера на сонъ грядущій порядкомъ подтянулъ; экую околесную нагородилъ! Послушайте-ка,

Андрей Игнатьевичъ , прибавилъ онъ , обращаясь къ уѣздному лекарю: «вотъ намъ какого просителя Севастьянычъ предоставилъ», и онъ прочелъ уѣздному лѣкарю курьезную просьбу отъ слова до слова, помирая со смѣху. «Пойдемте-ка, господа», сказалъ онъ наконецъ: «вскроемъ-те это болтливое тѣло, да если оно не отзовется, такъ и похоронимъ его по добру по здорову, въ городъ пора.»

Эти слова напомнили Севастьянычу ночное происшествіе, и какъ оно ни странно ему казалось, но онъ вспомнилъ о пятидесяти рубляхъ, обещанныхъ ему просителемъ, если онъ выхлопочетъ ему тѣло, и серьезно сталъ требовать отъ засѣдателя и лекаря, чтобъ тѣло не вскрывать, потому что этимъ можно его перепортить, такъ что оно уже никуда не будетъ годиться, а просьбу записать во входящій обыкновеннымъ порядкомъ.

Само собою разумеется, что на это требованіе Севастьянычу отвѣчали совѣтами протрезвиться, тѣло вскрыли, ничего въ немъ не нашли и похоронили.

Послѣ сего происшествія мертвецова просьба стала ходить по рукамъ; вездѣ ее списывали, дополняли, украшали, читали, и долго рѣженскія старушки крестились отъ ужаса, ее слушая.

Преданіе не сохранило окончанія сего необыкновеннаго происшествія: въ одномъ сосѣднемъ уѣздѣ рассказывали, что въ то самое время, когда лѣкарь дотронулся до тѣла своимъ бистуріемъ, владѣлецъ вскочилъ въ тѣло, тѣло поднялось, побѣ-

жало и что за нимъ Севастьянычъ долго гнался по деревнѣ, крича изо-всѣхъ силъ : «лови , лови покойника!»

Въ другомъ же уездѣ утверждаютъ , что владѣлецъ и до сихъ поръ каждое утро и вечеръ приходитъ къ Севастьянычу , говоря : «батюшка Иванъ Севастьянычъ, что жь мое тѣло? когда вы мнѣ его выдадите?» и что Севастьянычъ, не теряя бодрости, отвѣчаетъ : «а вотъ собираются справки.» Тому прошло уже лѣтъ двадцать.

СКАЗКА,

О ТОМЪ, КАКЪ ОПАСНО ДѢВУШКАМЪ ХОДИТЬ
ТОЛПОЮ ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ. (*)

«Какъ, сударыня! вы уже хотите оставить насъ? — Съ позволенія вашего провожду васъ. — Нѣтъ, не хочу, чтобъ такой учтивый господинъ потрудился для меня. — Извольте шутить, сударыня.

MANUEL POUR LA CONVERSATION PAR
MADAME DE GENLIS, p. 375. Рус-
ское отдѣленіе.

Однажды въ Петербургъ было солнце ; по Невскому Проспекту шла цѣлая толпа дѣвушекъ; ихъ было одиннадцать , ни больше ни меньше, и одна другой лучше; да три маменьки, про которыхъ, къ несчастію, нельзя было сказать того же. Хорошенькія головки вертѣлись, ножики топали о гладкій гранитъ , но имъ всѣмъ было очень скучно : онѣ ужь другъ друга пересмотрѣли, давно другъ съ другомъ обо всемъ переговорили , давно другъ друга пересмѣяли и смертельно другъ другу надоѣли: но все-

---

(*) Мыслящіе люди не обвиняютъ автора въ *квасномъ* патриотизмѣ за эту шутку. Кто понимаетъ цѣну западнаго просвѣщенія, тому понятны и его злоупотребленія.

таки держались рука за руку, и не отставая другъ отъ дружки шли монастырь монастыремъ; таковъ уже у насъ обычай: дѣвушка умереть со скуки, а не дастъ своей руки мужчинѣ, если онъ не имѣетъ счастья быть ей братомъ, дядюшкой, или еще болѣе завиднаго счастья — восьмидесяти лѣтъ отъ рода; ибо: «что скажутъ маменьки?» Ужь эти мнѣ маменьки! когда-нибудь доберусь я до нихъ! я выведу на свѣжую воду ихъ старинныя проказы! я разберу ихъ уставъ благочинія, я докажу имъ, что онъ не природой написанъ, не умомъ скрѣпленъ! Мѣшаются не въ свое дѣло, а наши дѣвушки скучаютъ, скучаютъ, вянутъ, вянутъ, пока не сдѣлаются сами похожи на маменокъ, а маменькамъ то и по сердцу! Погодите! я васъ!

Какъ бы то ни было, а паша толпа летѣла по проспекту и часто набѣгала на прохожихъ, которые останавливались, чтобы посмотреть на красавицъ; но подходить къ нимъ никто не подходилъ — да и какъ подойти? Спереди маменька, сзади маменька, въ серединѣ маменька — страшно!

Вотъ на Невскомъ Проспектѣ новопріѣзжій искусникъ выставилъ блестящую вывѣску! сквозь окошки свѣтятся парообразныя дымки, сыплятся радужные цвѣты, золотистый атласъ льется водопадомъ по бархату и хорошенькія куколки, въ пухъ разряженныя, подъ хрустальными колпаками, киваютъ головками. Вдругъ наша первая пара остановилась, поворотилась и прыгъ на чугунныя ступеньки; за ней другая, потомъ третья и на-

конецъ вся лавка наполнилась красавицами. Долго онѣ разбирали, любовались — да и было чѣмъ: хозяинъ такой быстрый, съ синими очками, въ модномъ фракѣ, съ большими бакенбардами, затянуть, перетянуть, чуть не ломается; онѣ и говоритъ и продаетъ, хвалитъ и бранитъ, и деньги беретъ, и отъмѣриваетъ; безпрестанно онѣ разстилаетъ и разставляетъ передъ моими красавицами: то газъ изъ паутины съ насыпью бабочкиныхъ крылышекъ; то часы, которые укладывались на булавочной головкѣ; то лорнетъ изъ мушиныхъ глазъ, въ который въ одно мгновеніе можно было видѣть все, что кругомъ дѣлается; то блонду, которая таяла отъ прикосновенія; то башмаки сдѣланные изъ стрекозиной лапки; то перья сплетенныя изъ пчелиной шерстки; то, увы! румяна, которыя отъ духу налетали на щечку. Наши красавицы цѣлый бы вѣкъ остались въ этой лавкѣ, еслибы не маменьки! Маменьки догадались, махнули чепчиками, поворотили на лѣво кругомъ и вышедши на ступеньки, благоразумно принялись считать, чтобы увѣриться, всѣ ли красавицы выйдутъ изъ лавки; но по несчастію (говорятъ, ворона умѣетъ считать только до четырехъ), наши маменьки умѣли считать только до десяти; не мудрено же, что онѣ обочлись и отправились домой съ десятью дѣвушками, наблюдая прежній порядокъ и благочиніе, а одиннадцатую позабыли въ магазинѣ.

Едва толпа удалилась, какъ заморскій басурманинъ тотчасъ дверь на запоръ и къ красавицъ; все

съ нея долой: и шляпку, и башмаки, и чулочки, оставилъ только, окаянный, юбку да кофточку; схватилъ несчастную за косу, поставилъ на полку и покрылъ хрустальнымъ колпакомъ.

Самъ же за перочинный ножичекъ, шляпку въ руки и съ чрезвычайнымъ проворствомъ ну съ нее срѣзывать пыль, налетѣвшую съ мостовой; рѣзалъ, рѣзалъ, и у него въ рукахъ очутились двѣ шляпки, изъ которыхъ одна чуть было не взлетѣла на воздухъ, когда онъ надѣлъ ее на столбикъ; потомъ онъ также осторожно срѣзалъ тисневые цвѣты на матеріи, изъ которой была сдѣлана шляпка, и у него сдѣлалась еще шляпка; потомъ еще разъ — и вышла четвертая шляпка, на которой былъ только оттискъ отъ цвѣтовъ; потомъ еще — и вышла пятая шляпка простенькая; потомъ еще, еще — и всего набралось у него двѣнадцать шляпокъ; то же окаянный сдѣлалъ и съ платьецемъ, и съ шалью, и съ башмачками и съ чулочками, и вышло у него каждой вещи по дюжинѣ, которыя онъ бережно укладъ въ картонъ съ иностранными клеймами... и все это увѣрю васъ, онъ сдѣлалъ въ нѣсколько минутъ. «Не плачь, красавица, приговаривалъ онъ изломаннымъ русскимъ языкомъ: не плачь! тебѣ же гонится на приданое!» Когда онъ окончилъ свою работу, тогда прибавилъ: «теперь и твоя очередь, красавица!»

Съ сими словами, онъ махнулъ рукою, топнулъ; на всѣхъ часахъ пробило тринадцать часовъ, всѣ колокольчики зазвенѣли, всѣ органы заиграли, всѣ

куклы запрыгали, и изъ банки съ пудрой выско-
чила безмозглая французская голова; изъ банки съ
табакомъ чуткой нѣмецкѣй носъ съ ослиными уша-
ми; а изъ бутылки съ содовою водою туго набитый
англійскѣй животъ. Всѣ эти почтенные господа
усѣлись въ кружокъ и выпучили глаза на волшеб-
ника.

«Горе!» вскричалъ чародѣй.

— Да, горе! отвѣчала безмозглая французская го-
лова: пудра вышла изъ моды!

«Не въ томъ дѣло, проворчалъ англійскѣй жи-
вотъ: меня словно пустой мѣшокъ за порогъ вы-
кидываютъ.»

— Еще хуже, просопѣлъ нѣмецкѣй носъ: на ме-
ня верхомъ садятся да еще пришпориваютъ.

«Все не то! возразилъ чародѣй: все не то! еще
хуже; русскія дѣвушки не хотятъ больше быть за-
морскими куклами! вотъ настоящее горе! продол-
жись оно — и Русскіе подумаютъ, что они въ са-
момъ дѣлѣ такіе же люди.»

— Горе! горе! закричали въ одинъ голосъ всѣ ба-
сурманы.

«Надобно для нихъ выдумать новую шляпку»,
говорила голова.

— Внушить имъ правила нашей нравственности,
толковалъ животъ.

«Выдать ихъ замужъ за нашего брата», твердилъ
чуткѣй носъ.

— Все это хорошо! отвѣчалъ чародѣй: да мало!
Теперь уже не то, что было! На новое горе новое

лекарство; надобно подняться на хитрости! Думалъ, долго думалъ чародѣй, наконецъ махнулъ еще рукою и предъ собраціемъ явился треножникъ, марина баня и реторта, и злодѣи принялись за работу.

Въ реторту втиснули они множество романовъ мадамъ Жанлисъ, Честерфильдовы письма, нѣсколько заплѣсневѣлыхъ сентенцій, канву, итальянскія рулады, дюжину новыхъ контрадансовъ, нѣсколько выкладокъ изъ англійской нравственной ариѳметики, и выгнали изъ всего этого какую-то безцвѣтную и бездушную жидкость. Потомъ чародѣй отворилъ окошко, повелъ рукою по воздуху Невскаго Проспекта и захватилъ полную горсть городскихъ сплетней, слуховъ и рассказовъ; наконецъ изъ ящика вытащилъ огромный пукъ бумагъ и съ дикою радостію показалъ его своимъ товарищамъ; то были обрѣзки отъ дипломатическихъ писемъ и отрывки изъ письмовника, въ коихъ содержались увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и истинной преданности; все это злодѣи, прыгая и хохоча, ну мѣшать съ своимъ бѣсовскимъ составомъ: Французская голова раздувала огонь, нѣмецкій носъ размѣшивалъ, а англійскій животъ словно пестъ утаптывалъ.

Когда жидкость простыла, чародѣй къ красавицѣ: вынулъ бѣдную, трепещущую изъ-подъ стекляннаго колпака и принялся изъ нея, злодѣй, вырѣзывать сердце! О! какъ страдала, какъ билась бѣдная красавица! какъ крѣпко держалась она за свое невинное, свое горячее сердце! съ какимъ сла-

вянскимъ мужествомъ противилась она басурманамъ. Уже они были въ отчаяніи , готовы отказаться отъ своего предпріятія , но на бѣду чародѣй догадался , схватилъ какой-то маменькинъ чепчикъ , бросилъ на уголья : чепчикъ закурился и отъ этого курева красавица одурѣла.

Злодѣи воспользовались этимъ мгновеніемъ , вынули изъ нея сердце и опустили его въ свой бѣсовскій составъ. Долго , долго они распаривали бѣдное сердце русской красавицы , вытягивали , выдували , и когда они вклеили его въ свое мѣсто , то красавица позволила имъ дѣлать съ собою все , что было имъ угодно. Окаянный басурманинъ схватилъ ея пухленькія щечки , маленькія ножки , ручки , и ну перочиннымъ ножомъ соскребать съ нихъ свѣжій славянскій румянецъ и тщательно собирать его въ баночку , съ надписью: *rouge végétal*; и красавица сдѣлалась бѣленькая , бѣленькая , какъ копчикъ ; насмѣшливый злодѣй не удовольствовался этимъ : маленькой губкой онъ стеръ съ нея бѣлизну и выжалъ въ стекляночку съ надписью : *lait de concombres* , и красавица сдѣлалась желтая , коричневая ; потомъ къ наливной шейкѣ онъ приставилъ пневматическую машину , повернулъ—и шейка опустилась и повисла на косточкахъ ; потомъ маленькими щипчиками разинулъ ей ротикъ , схватилъ язычекъ и повернулъ его такъ , чтобы онъ не могъ порядочно выговорить ни одного русскаго слова ; наконецъ затянулъ ее въ узкій корсетъ , накиннулъ на нее какую-то уродливую дымку и выставилъ

красавицу на морозъ къ окошку. За симъ басурмане успокоились; безмозглая французская голова съ хохотомъ прыгнула въ банку съ пудрою; нѣмецкій носъ зачихалъ отъ удовольствія и убрался въ бочку съ табакомъ; англійскій животъ молчалъ, но только хлопалъ по полу отъ радости и также уплеялся въ бутылку съ содовою водою; и все въ магазинъ пришло въ прежній порядокъ и только стало въ немъ одною куклою больше!

Между-тѣмъ, время бѣжить да бѣжить; въ лавку приходятъ покупщики, покупаютъ паутинный газъ и мушиные глазки, любятъ и на куколокъ. Вотъ одинъ молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нашу красавицу, задумался, и какъ ни смѣялись надъ нимъ товарищи, купилъ ее и принесъ къ себѣ въ домъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій, нрава тихаго, не любилъ ни шума, ни крика; онъ поставилъ куклу на видномъ мѣстѣ, одѣлъ, обулъ ее, цаловалъ ея ножки и любовался ею какъ ребенокъ. Но кукла скоро почувала русскій духъ: ей понравилось его гостепріимство и добродушіе. Однажды, когда молодой человѣкъ задумался, ей показалось, что онъ забылъ о ней, она зашевелилась, залепетала; удивленный, онъ подошелъ къ ней, снялъ хрустальный колпакъ, посмотрѣлъ: его красавица кукла куклою. Онъ приписалъ это дѣйствию воображенія и снова задумался, замечтался; кукла разсердилась: ну опять шевелиться, прыгать, кричать, стучать объ колпакъ, ну такъ и рвется изъ подъ него. «Не-уже-ли ты въ самомъ дѣлѣ живешь? говорилъ ей молодой чело-

вѣкъ: если ты въ самомъ дѣлѣ живая, я тебя буду любить больше души моей; ну, докажи, что ты живешь, вымолви хотя словечко!»

«Пожалуй! сказала кукла: я живу, право живу.»

— Какъ! ты можешь и говорить? воскликнулъ молодой человѣкъ: о, какое счастье! Не обманъ ли это? Дай мнѣ еще разъ увѣриться, говори мнѣ о чемъ нибудь!

«Да объ чемъ мы будемъ говорить?»

— Какъ о чемъ? на свѣтѣ есть добро, есть искусство!..

«Какая мнѣ нужда до нихъ! отвѣчала кукла: это все очень скучно!»

— Что это значить? Какъ скучно? Развѣ до тебя еще никогда не доходило, что есть на свѣтѣ мысли, чувства?..

«А, чувства! чувства? знаю», скоро проговорила кукла: чувства почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть милостивый государь, вамъ покорная ко услугамъ...»

— Ты ошибаешься, моя красавица; ты смѣшиваешь условныя фразы, которыя каждый день перемѣняются, съ тѣмъ, что составляетъ вѣчное неизблемое украшеніе человѣка.

«Знаешь ли, что говорятъ? прервала его красавица: одна дѣвушка вышла замужъ, но за ней волочится другой и она хочетъ развестися. Какъ это стыдно!»

— Что тебѣ нужды до этого, моя милая? подумай лучше о томъ, какъ многого ты на свѣтѣ не

знаешь; ты даже не знаешь того чувства, которое должно составлять жизнь женщины; это святое чувство, которое называют любовью; которое проникает все существо человека; имъ живетъ душа его, оно порождаетъ рай и адъ на земли.

«Когда на балъ много танцуютъ, то бываетъ весело, когда мало, такъ скучно», отвѣчала кукла.

— Ахъ, лучше бы ты не говорила! вскричалъ молодой человекъ: ты не понимаешь меня, моя красавица!

И тщетно онъ хотѣлъ ее образумить: приносилъ ли онъ ей книги, — книги оставались неразрѣзанными; говорилъ ли ей о музыкѣ души, — она отвѣчала ему итальянскою руладюю; показывалъ ли картину славнаго мастера, красавица показывала ему канву.

И молодой человекъ рѣшился каждое утро и вечеръ подходить къ хрустальному колпаку и говорить куклѣ: «есть на свѣтѣ добро, есть любовь; читай, учись, мечтай, исчезай въ музыкѣ; не въ свѣтскихъ фразахъ, но въ душѣ чувства и мысли.»

Кукла молчала.

Однажды кукла задумалась, и думала долго. Молодой человекъ былъ въ восхищеніи, какъ вдругъ она сказала ему:

«Ну, теперь знаю, знаю; есть на свѣтѣ добродѣтель, есть искусство, есть любовь, не въ свѣтскихъ фразахъ, но въ душѣ чувства и мысли. Примите, милостивый государь, увѣренія въ чувствахъ моей

истинной добродѣтели и пламенной любви, съ которыми честь имѣю быть...

— О! перестань, Бога ради, вскричалъ молодой человѣкъ, — если ты не знаешь ни добродѣтели, ни любви, — то по-крайней-мѣрь не унижай ихъ, соединяя съ поддѣльными, глупыми фразами...

«Какъ не знаю! вскричала съ гнѣвомъ кукла, — на тебя никакъ не угодишь, неблагодарный! — Нѣтъ, — я знаю, очень знаю: *есть на свѣтъ добродѣтель, есть искусство, есть любовь*, какъ равно и почтеніе, съ коими честь имѣю быть...

Молодой человѣкъ былъ въ отчаяніи. Между-тѣмъ, кукла была очень рада своему повому приобрѣтенію; не проходило часа, чтобъ она не кричала: *есть добродѣтель, есть любовь, есть искусство*, — и не примѣшивала къ своимъ словамъ увѣреній въ глубочайшимъ почтеніи: идетъ ли снѣгъ — кукла твердитъ: *есть добродѣтель!* принесутъ ли объдать — она кричитъ: *есть любовь!* — и вскорѣ дошло до того, что это слово опротивѣло молодому человѣку. Что онъ ни дѣлалъ: говорилъ ли съ восторгомъ и умиленіемъ, доказывалъ ли хладнокровно, бѣсился ли, насмѣхался ли надъ красавицею — все она никакъ не могла постигнуть, какое различіе между затверженными ею словами и обыкновенными свѣтскими фразами; никакъ не могла постигнуть, что любовь и добродѣтель годятся на чтонибудь другое, кромѣ письменнаго окончанія.

И часто восклицалъ молодой человѣкъ, «ахъ, лучше бы ты не говорила!»

Наконецъ , онъ сказалъ ей : я вижу , что мнѣ не вразумить тебя , что ты не можешь къ завѣтнымъ , святымъ словамъ добра , любви и искусства — присоединить другаго смысла , кромѣ почтенія и преданности... Какъ быть ! Горько мнѣ но я не виню , тебя въ этомъ . Слушай же , всякій на семъ свѣтѣ долженъ что-нибудь дѣлать ; не можешь ты ни мыслить , ни чувствовать ; не перелить мнѣ своей души въ тебя ; такъ занимайся хозяйствомъ по старинному русскому обычаю , — смотри за столомъ , своди счеты , будь мнѣ во всемъ покорна ; — когда меня избавишь отъ механическихъ занятій жизни , я — правда , не столько тебя буду любить , сколько любилъ бы тогда , когда бы души наши сливались , — но все любить тебя буду .

«Что я за ключница?» закричала кукла , разсердилась и заплакала , — «развѣ ты за тѣмъ купилъ меня ? Купилъ — такъ лелѣй , одѣвай , утѣшай . Что мнѣ за дѣло до твоей души и до твоего хозяйства ! Видишь , я върна тебѣ , я не бѣгу отъ тебя , — такъ будь же за то благодаренъ , мои ручки и ножки слабы ; я хочу и люблю ничего не дѣлать , ни думать , ни чувствовать , ни хозяйничать , — а твое дѣло забавлять меня .»

И въ-самомъ-дѣлѣ , такъ было . Когда молодой человекъ занимался своею куклою , когда одѣвалъ , раздѣвалъ ее , когда цаловалъ ея ножки , — кукла была и смирна и добра , хоть и ничего не говорила ; но если онъ забудетъ перемѣнить ея шляпку , если задумается , если отведетъ отъ нея глаза , кукла

такъ начнетъ стучать о свой хрустальный колпакъ, что хоть вонъ бѣги. — Наконецъ, не стало ему терпѣнья : возьметъ ли онъ книгу, сядетъ ли обѣдать, ляжетъ ли на диванъ отдохнуть, — кукла стучитъ и кричитъ, какъ живая, и не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью; — и стала его жизнь — не жизнь, но адъ. Вотъ, молодой человѣкъ разсердился; несчастный не зналъ страданія, которыя вынесла бѣдная красавица; не зналъ, какъ крѣпко она держалась за врожденное ей природою сердце, съ какою болью отдала его своимъ мучителямъ, или учителямъ — и однажды, съ просоњя, — онъ выкинулъ куклу за окошко; за то, всѣ проходящіе его осуждали, однако же куклу никто не поднялъ.

А кто всему виною? сперва басурмане, которые портятъ нашихъ красавицъ, а потомъ маменьки, которыя не умѣютъ считать дальше десяти. Вотъ вамъ и нравоученіе.

ТА ЖЕ СКАЗКА,

ТОЛЬКО НА ИЗВОРОТЪ.

Мнѣ все кажется, что я передъ ящикомъ съ куклами; гляжу какъ движутся передо мною человѣчки и лошадки: часто спрашиваю себя, не обманя ли это оптический; играю съ ними, или, лучше сказать, мною играютъ, какъ куклою; иногда забывшись, схвачу сосѣда за деревянную руку, и тутъ опомнюсь съ ужасомъ.

ГѢТЕ. — *Вертеръ* — Переводъ Рожалина.

Хорошо вамъ, моя любезная, пишущая, отчасти читающая и отчасти думающая братія! хорошо вамъ на высокихъ чердакахъ вашихъ, въ тѣсныхъ кабинетахъ, между покорными книгами и молчаливой бумагой! Изъ слуховаго окошка, а иногда, извините, и изъ передней вы смотрите въ гостиную; изъ нея доходятъ до васъ невнятный говоръ, шарканье, фраки, лорнеты, поклоны, люстры и только; за чтожь вы такъ сердитесь на гостиныя? смѣш-

но слушать! вы, опять извините за сравненіе, право не я виноватъ въ немъ, — вы вмѣстѣ съ лакеемъ сердитесь, зачѣмъ баринъ ѣздитъ четвернею въ покойной каретѣ, зачѣмъ онъ просиживаетъ на балъ до четырехъ часовъ утра, зачѣмъ изъ бронзы вылитая страбургская колокольня считаетъ передъ нимъ время, зачѣмъ Рафаель и Корреджіо висятъ передъ нимъ въ золотыхъ рамахъ, зачѣмъ онъ говоритъ другому въжливости, которымъ никто не вѣритъ; развѣ въ томъ дѣло? Господи, Боже мой! Когда выйдутъ изъ обыкновенія пошлыя нѣжности и приторныя мудрованія о простомъ, искренномъ, откровенномъ семейственномъ кругѣ, гдѣ къ долгу челоувѣчества причисляется: вставать въ 7 часовъ, обѣдать въ 2¹/₂ и ложиться спать въ 10? Еще разъ скажу: развѣ въ томъ дѣло? Что можетъ быть отвратительнѣе невѣжества, когда оно начинаетъ вамъ повѣрять тайны своей нелѣпости? когда оно обнажаетъ предъ вами все свое безобразіе, всю низость души своей? Что можетъ быть неспособнѣе, какъ видѣть челоувѣка, котораго приличіе не заставляетъ скрывать свою шепетильную злость противъ всего священнаго на свѣтѣ; который не стыдится ни своей глупости, ни своихъ безчестныхъ расчетовъ, словомъ, который откровенно глупъ, откровенно золъ, откровенно подлъ и проч. и проч.? Зачѣмъ нападаете вы на то состояніе общества, которое заставляетъ глупость быть благоразумною, невѣжество — стыдливымъ, грубое нахальство — скромнымъ, спѣсивую гордость — въжливою? которое многлюдно-

му собранію придасть всю прелесть пустыни , въ которой спокойно и безсмысленно журчатъ волны ручья, не обижая души ни рѣзко-нелѣпою мыслию, ни низко-униженнымъ чувствомъ ? Подумайте хорошенько: всѣ эти вещи, заклеянные названіемъ *пришій*, можетъ-быть, не сами ли собою родились отъ непрерывающагося хода образованности ? не суть ли онѣ дань уваженія , которую посредствен-ность невольно приносить уму , любви , просвѣщенію, высокому смиренію духа ? Онѣ не туманъ ли предъ свѣтомъ какого-то новаго міра , который чудится царямъ людскихъ мнѣній, какъ нѣкогда, въ другіе вѣки , чудились имъ открытіе новой части земнаго шара , обращеніе крови , паровая машина и надъ чѣмъ люди такъ усердно смѣялись ?

Нѣтъ, господа, вы не знаете общества! вы не знаете его важной части—гостиныхъ! вы не знаете ихъ зла и добра, ихъ Озириса и Тифона. И отъ того достигаютъ ли ваши эпиграммы своей цѣли? Еслибы вы посмотрѣли, какъ смѣются въ гостиныхъ, смотря мимоходомъ на ваши сраженія съ какимъ-то фантомомъ ! смотря, какъ вы плачете , вы негодуете, до истощенія издѣваетесь надъ чѣмъ-то несуществующимъ ! О! еслибы вы положили руку на истинную рану гостиныхъ, не холодный бы смѣхъ васъ встрѣтилъ; вы бы грустно замолкли , или бы отъ мраморныхъ стѣнъ понесся плачь и скрежетъ зубовъ.

Попались бы вы въ уголокъ между двумя диванами, гдѣ дуетъ сквозной перекрестный студеный

вѣтеръ, отъ котораго стынетъ грудь, мерзнетъ умъ и сердце перестаетъ биться! Хотѣлъ бы я посмотреть, какъ бы вы вынесли эту простуду! достало ли бы у васъ въ душѣ столько тепла, чтобы замѣтить, какъ какая-нибудь картина Анжело, купленная тщеславіемъ, сквозь холодную оболочку приличій невзначай навѣяла поэзію на душу существа по видимому безцвѣтнаго, безчувственнаго; какъ аккорды Моцарта и Бетховена и даже Россини проговорили утонченнымъ чувствамъ яснѣе вашихъ правоученій; какъ въ причудѣ моды перенеслись въ гостиную съмена какой-нибудь новой мысли, только-что разгаданной человѣчествомъ, какъ-будто въ цвѣткѣ, которую прищелецъ изъ страпъ отдаленныхъ небрежно бросилъ на почву и самъ, не ожидая того, обогатилъ ее новымъ чудомъ природы.

Но гдѣ я?.. простите меня, почтенный читатель: я обѣщалъ вамъ сказку и залетѣлъ въ какія-то заоблачныя мудрованія... то-то привычка! точно, она хуже природы, которая сама такъ скучна въ описаніяхъ нашихъ стихотворцевъ и романистовъ! Простите и вы меня, моя любезная пишущая братія! я совсѣмъ не хотѣлъ съ вами браниться; напротивъ, я началъ эти строки съ намѣреніемъ сказать вамъ комплиментъ, дернулъ же меня лукавій, простите, Бога ради простите, впередъ не буду.

Я началъ, помнитесь, такъ: хорошо вамъ, моя любезная пишущая братія, на высокихъ чердакахъ вашихъ, въ теплыхъ кабинетахъ, окруженная кли-

гами и бумагами, и проч., и проч.; вслѣдъ за симъ я хотѣлъ вамъ сказать слѣдующее:

Я люблю васъ и люблю потому, что съ вами можно спорить; положимъ, что мы противныхъ мнѣній, ну, съ вами, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, съ которыми говорить запрещаетъ благопристойность, съ вами потолкуешь, поспоришь, докажешь, вы знаете, что противъ логики спорить нельзя — и концы въ воду, вы согласитесь; въ гостиныхъ не то; гостиная, какъ женщина, о которой говоритъ Шекспиръ, что съ нею бьешься три часа, доказываешь, доказываешь — она согласилась, вы кончили, вы думали убѣдить ее? ничего не бывало: она отвѣчаетъ вамъ — и что же? опять то жь, что говорила сначала начинай ей доказывать съ изнова! тая въ ней постоянная мудрость. Въ подобныхъ случаяхъ, вы сами можете разсудить, спорить невозможно, а надлежитъ слѣпо соглашаться. Такъ поступилъ и я; лукавій дернулъ меня тиснуть предшешую сказку въ одномъ алманахъ и еще подъ чужимъ именемъ, нарочно, чтобы меня не узнали: такъ нѣтъ, сударь, догадались! Еслибы вы знали, какой шумъ подняли мои дамы и что мнѣ отъ нихъ досталось! хоромъ запѣли мнѣ: «мы не куклы; мы не хотимъ быть куклами; прошло то время, когда мы были куклами; мы понимаемъ свое высокое значеніе; мы знаемъ, что мы душа этого четвероногого животнаго, которое называютъ супругами.» Ну такъ, что я хоть въ слезы — однако жь слезы радости, мой почтенный читатель! Этого ма-

ло : вывели на справку всю жизнь красавицы , не хуже моего Ивана Севастьяныча Благосердова , собрали , едва ли не по подпискѣ , слѣдующую статью и приказали мнѣ пріобщить ее къ таковымъ же ; нѣчего дѣлать , должно было повиноваться ; читайте , но уже за нее браните не меня , а кого слѣдуетъ ; потому что мнѣ и безъ того достанется за мои другія сказки ; увы ! я знаю , не пощадятъ причудъ воображенія за горячее , неподкупное но горькое чувство . Читайте жь :

ДЕРЕВЯННЫЙ ГОСТЬ

или

СКАЗКА ОБЪ ОЧНУВШЕЙСЯ КУКЛѢ И ГОСПОДИНѢ
КИВАКЕЛѢ.

И такъ , бѣдная кукла лежала на землѣ , обезображенная , всѣми покинутая , презрѣнная , безъ мысли , безъ чувства , безъ страданія ; она не понимала своего положенія , и твердила про себя , что она валяется по полу для изъясненія глубочайшаго почитенія и совершенной преданности...

Въ это время проходилъ прародитель славянскаго племени, тысячелѣтній мудрецъ, пасмурный, сердитый на видъ, но добрый, какъ всякій чело-вѣкъ, обладающій высшими знаніями. Онъ былъ отправленъ изъ древней славянской отчизны — Индіи, къ сѣверному полюсу, по весьма важному дѣлу: ему надлежало вымѣрить и математически опредѣлить много ли въ продолженіе послѣдняго тысячелѣтія выпарилось глупости изъ скудельнаго чело-вѣческаго сосуда, и много ли прилилось въ него благодатнаго ума. Задача важная, которую дав-по уже рѣшила моя почтенная бабушка, по кото-рую индійскіе мудрецы все еще стараются разрѣ-шить посредствомъ долгихъ наблюденій и самыхъ утонченныхъ опытовъ и исчисленій; — не на что имъ время терять!

Какъ бы то ни было, индійскій мудрецъ остано-вился надъ бѣдною куклою, горькая слеза скати-лась съ его съдой рѣсницы, канула на красавицу и красавица затрепетала какою-то мертвою жизнію, какъ обрывокъ нерва, до котораго дотронулся ма-гическій прутикъ.

Онъ поднялъ ее, овѣялъ гармоническими звуками Бетховена, свелъ на лицо ея разноцвѣтныя, красно-рѣчивыя краски, разсыпанныя по созданіямъ Ра-фаеля и Анжело, устремилъ на нее магическій взоръ свой, въ которомъ, какъ въ безконечномъ сводѣ, отражались всѣ вѣковыя явленія чело-вѣче-ской мудрости; — прахомъ разнеслись нечестивыя

пѣпи обезьяннаго чародѣйства вмѣстѣ съ испареніями стараго чепчика, и новое сердце затрепетало въ красавицѣ, высоко поднялась душистая грудь, и снова свѣжіи славянскій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ ея; наконецъ, мудрецъ произнесъ нѣсколько таинственныхъ словъ, на древнемъ славянскомъ языкѣ, который иностранцы называютъ санскритскимъ, благословилъ красавицу поэзіей Байрона, Державина и Пушкина, вдохнулъ ей искусство страдать и мыслить, и продолжалъ путь свой.

И въ красавицѣ жизнь живетъ, мысль пымаетъ, чувство горитъ; вся природа улыбается ей радужными лучами; нѣтъ китайскихъ жемчужицъ въ шити ея существованія, каждая блещетъ свѣтомъ мечты, любви и звуковъ...

И помнитъ красавица свое прежнее ничтожество; съ стыдомъ и горемъ помышляетъ о немъ, и гордится своею новою прелестію, гордится своимъ новымъ могуществомъ, гордится, что понимаетъ свое высокое назначеніе.

Но злодѣи, — которыхъ чародѣйская сила была поражена вдохновенною силою индійскаго мудреца, не остались въ бездѣйствіи. Они замыслили новый способъ для погубленія славянскоі красавицы.

Однажды, красавица заснула; въ поэтическихъ грезахъ ей являлись всѣ гармоническія видѣнія жизни: и причудливые хороводы мелодій въ без-

брежной странѣ эфира; и живая кристаллизація человѣческихъ мыслей, на которыхъ радужно играло солнце поэзіи, съ каждою минутою все болѣе и болѣе яснующее; и пламенные, умоляющіе взоры юношей; и добродѣтель любви; и мощная сила таинственнаго соединенія душъ. То жизнь представлялась ей тихими волнами океана, которыя весело разсѣкала ладья ея, при каждомъ шагѣ вспыхивая игривымъ фосфорическимъ свѣтомъ; то она видѣла себя объ-руку съ прекраснымъ юношею, котораго, казалось, она давно уже знала; гдѣ-то въ незапамятное время, какъ-будто еще до ея рожденія, они были вмѣстѣ въ какомъ-то таинственномъ храмѣ безъ сводовъ, безъ столповъ, безъ всякаго наружнаго образа; вмѣстѣ внимали какому-то торжественному благословенію; вмѣстѣ преклоняли колѣни предъ невидимымъ алтаремъ любви и поэзіи; ихъ голоса, взоры, чувства, мысли сливались въ одно существо; каждое жило жизнью другаго, и гордые своей двойною гармоническою силою, они смѣялись надъ пустыней могилы, ибо за нею не находили предѣловъ бытію любви человѣческой...

Громкій хохоть пробудилъ красавицу, — она проснулась, — какое-то существо, носившее человѣческій образъ, было предъ нею; въ мечтахъ еще неuletъвшаго сновидѣнія, ей кажется, что это прекрасный юноша, который являлся ея воображенію, протягиваетъ руки — и отступаетъ съ ужасомъ.

Предъ нею находилось существо, которое назвать челоуькомъ было бы преступленіе ; брюшныя полости поглощали весь составъ его ; раздавленная голова качалась безпрестанно какъ-бы въ знакъ согласія ; толстый языкъ шевелился между отвисшими губами, не произнося ни единого слова ; деревянная душа сквозилась въ отверстія , занимавшія мѣсто глазъ и на узкомъ лбѣ его насмѣшливая рука написала : *Кивакель*.

Красавица долго не вѣрила глазамъ своимъ , не вѣрила, чтобы до такой степени могъ быть униженъ образъ челоуьческой. Но она вспомнила о своемъ прежнемъ состояніи ; вспомнила всѣ терзанія ею понесенныя ; подумала, что чрезъ нихъ перешло и существо предъ нею находившееся ; въ ея сердце родилось сожалѣніе о бѣдномъ Кивакелѣ и она безропотно покорилась судьбѣ своей ; гордая искусствомъ любви и страданія, которое передалъ ей мудрецъ востока , она поклялась посвятить жизнь на то, чтобы возвысить , возродить грубое, униженное существо, доставшееся на ея долю, и тѣмъ исполнить высокое предназначеніе женщины въ этомъ мѣрѣ.

Сначала , ея старанія были тщетны : что она ни дѣлала, что ни говорила — Кивакель кивалъ головою въ знакъ согласія — и только: ничто не достигало до деревянной души его. Послѣ долгихъ усилій , красавицѣ удалось какъ-то механически скрѣпить его шаткую голову, но что же вышло ? она не

кивала болѣе, но осталась совсѣмъ неподвижною, какъ и все тѣло. Здѣсь началась новая, долгая работа: красавицѣ удалось и въ другой разъ придать тяжелому туловищу Кивакеля какое-то искусственное движеніе.

Достигши до этого, красавица начала размышлять, какъ бы пробудить какое-нибудь чувство въ своемъ товарищѣ: она долго старалась раздражить въ немъ потребность наслажденія, разлитую природой по всѣмъ тварямъ; представляла ему всѣ возможные предметы, которые только могутъ расшевелить воображеніе животного; но Кивакель, уже гордый своими успѣхами, самъ избралъ себѣ наслажденіе: толстыми губами стиснулъ янтарный мундштукъ и облака табачнаго дыма сдѣлались его единственнымъ, непрерывнымъ, поэтическимъ наслажденіемъ.

Еще безуспѣшнѣе было стараніе красавицы вдохнуть въ своего товарища страсть къ какому-нибудь занятію; къ чему-нибудь, объ чемъ бы онъ могъ вымолвить слово; почему онъ могъ бы узнать, что существуетъ нѣчто такое, что называется мыслить; но гордый Кивакель самъ выбралъ для себя и занятіе: лошадь сдѣлалась его наукою, искусствомъ, поэзіею, жизнію, любовью, добродѣтелью, преступленіемъ, вѣрою; онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ устремивши благоговѣйный взоръ на это животное, ничего не помня, ничего не чувствуя, и жадно впивалъ въ себя воздухъ его жилища.

Тѣмъ и кончилось образованіе Кивакеля; каждое утро онъ вставалъ съ утреннимъ свѣтомъ; пересматривалъ восемьдесятъ чубуковъ, въ стройномъ порядкѣ предъ нимъ разложенныхъ; вынималъ табачный картузь; съ величайшимъ тщаніемъ и сколько можно ровнѣе набивалъ всѣ восемьдесятъ трубокъ; садился къ окошку и молча, ни о чемъ не думая, выкуривалъ всѣ восемьдесятъ одну за другою : сорокъ до и сорокъ послѣ обѣда.

Издѣдко его молчаніе прерывалось восторженнымъ, изъ глубины сердца вырвавшимся восклицаніемъ, при видѣ проскакавшей мимо него лошади; или онъ призывалъ своего конюшаго, у котораго послѣ глубокомысленнаго молчанія, съ важностію спрашивалъ :

— Что лошади?

« Да ничего. »

— Стоять на стойлѣ? не правда ли? продолжалъ господинъ Кивакель.

« Стоять на стойлѣ. »

— Ну то-то же...

Тѣмъ оканчивался разговоръ и снова господинъ Кивакель принимался за трубку, курилъ, курилъ, молчалъ и не думалъ.

Такъ протекли долгіе годы и каждый день постоянно господинъ Кивакель выкуривалъ восемьдесятъ трубокъ и каждый день спрашивалъ конюшаго о своей лошади.

Тщетно красавица призывала на помощь всю силу воли, чувства, ума и воображенія; тщетно призывала на помощь молитву — души вдохновеніе; тщетно старалась плѣнить деревяннаго гостя всѣми чарами искусства; тщетно устремляла на него свой магнетическій взоръ, чтобъ имъ пересказать ему то, чего не выговариваетъ языкъ человѣка; тщетно терзалась она; тщетно рвалась; ни ея слова, ни ея просьбы, ни отчаяніе, ни та горькая, язвительная насмѣшка, которая можетъ вырваться лишь изъ души глубоко оскорбленной, ни тѣ слезы, которыя выжимаетъ сердце отъ долгаго, безпрерывнаго, томительнаго страданія, ни что даже не проскользнуло по душѣ господина Кивакеля!

Напротивъ, обжившись хозяиномъ въ домѣ, онъ сталъ смотрѣть на красавицу какъ на рабу свою; горячо сердился за ея упреки; не прощалъ ей ни одной минуты самозабвенія; ревниво слѣдилъ каждый невинный порывъ ея сердца, каждую мысль ея, каждое чувство; всякое слово, непохожее на слова имъ произносимыя, онъ называлъ нарушеніемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ; и иногда въ свободное отъ своихъ занятій время, между трубкою и лошадью, онъ читалъ красавицъ увѣщанія, въ которыхъ восхвалялъ свое смиренномудріе и оуждалъ то, что онъ называлъ развращеніемъ ума ея.

Наконецъ, мѣра исполнилась. Мудрецъ востока, научившій красавицу искусству страдать, не пере-

далъ ей искусства переносить страданія; истерзанная, измученная своею ежеминутною лихорадочною жизнью, она чахла, чахла — и скоро бездыханный трупъ ея Кивакель снова выкинулъ изъ окошка.

Проходящіе осуждали ее больше прежняго.

.... И все мнѣ кажется, что я передъ ящикомъ съ куклами; гляжу какъ движутся передо мною человѣчки и лошадки; часто спрашиваю себя, не обманъ ли это оптической; играю съ ними, или, лучше сказать, мною играютъ, какъ куклою; иногда, забывшись, схвачу сосѣда за деревянную руку и тутъ опомнюсь съ ужасомъ...

IV.

С М Ъ С Ъ.

СЦЕНА

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

(Купеческій балъ; музыка играетъ; два лица стоятъ возлѣ танцующихъ: одинъ въ башимакахъ и черномъ фракѣ, другой въ сапогахъ и въ коричневомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами.)

Человѣкъ въ черномъ фракѣ. — Не можете ли мнѣ сказать, кто это стоитъ противъ насъ въ вицъ-мундирѣ, съ такимъ важнымъ, и даже немножко сердитымъ видомъ?

Человѣкъ въ коричневомъ фракѣ. — Это Герасимъ Евстафьевичъ Лянсиновъ! человѣкъ какихъ мало—вотъ голова, сударь; онъ, знаете, не то, что обыкновенно — онъ не то что просто дѣловой человѣкъ — не шурлы мурлы — онъ знаетъ важную, настоящую службу — сдѣлайте-ка его министромъ финансовъ...

1-й. — Да онъ служить, кажется, въ Министерствѣ Финансовъ?

2-й. — Нѣтъ! куда! его тамъ бояться; тамъ знаютъ, что онъ всѣхъ за поясъ заткнетъ — онъ служить въ мѣстѣ невидномъ, при отправленіи...

1-й. — Онъ, кажется, ужь лѣтъ сорокъ все въ одномъ мѣстѣ?..

2-й. — Да! сорокъ не сорокъ, а лѣтъ 35 будетъ...

1-й. — Скажите: онъ написалъ какое нибудь сочиненіе по части финансовъ?

2-й. — Нѣтъ, батюшка! онъ не изъ такихъ — онъ красно писать не умѣетъ о цвѣточкахъ василечкахъ — знаете — да онъ дѣло разумѣетъ...

1-й. — Да какое же дѣло?

2-й. — Да, вотъ какое дѣло—напримѣръ: составить разомъ 20 милійоновъ государству дохода! какъ вамъ это кажется?

1-й. — Это не худо, да трудновато...

2-й. — Ничего не можетъ быть легче... подумайте хорошенько..

1-й. — Право не понимаю...

2-й. — Я вамъ расскажу напримѣръ одну изъ его штукъ...

1-й. — Сдѣлайте милость.

2-й. — Слушайте, не правда-ли, что у всякаго на фракъ есть пуговицы?

1-й. — Безъ сомнѣнія.

2-й. Хорошо. Не правда-ли, что въ Россіи наберется 100,000 человѣкъ, примѣромъ сказать, которые носятъ мѣдныя пуговицы съ позолотою?

1-й. — Можетъ-быть.

2-й. — Очень хорошо. Сколько пуговицъ бываетъ на фракъ?

1-й. — Около 20.

2-й. — Прекрасно. Теперь понимаете...

1-й. — Что же такое? онъ хочетъ наложить пошлину на пуговицы?

2-й. — Та, та, та, та! Вотъ я вижу, что вы ужъ вникните... Вы попали на его мысль, да только не совсѣмъ...

1-й. — Сдѣлайте милость, объясните.

2-й. — Ну, слушайте жь — штука хитрая: 20 пуговицъ на фракъ — хорошо; теперь положите закономъ, что-де каждый чиновникъ по истеченіи года, при представленіи отчета въ дѣлахъ, повиненъ представить и свои старыя пуговицы, а къ фраку сдѣлать новыя — а? какъ вамъ кажется? — по пятку такъ двадцать пятаковъ — оно кажется бездѣлица, а сочтите-ка много ли будетъ на 100,000 человекъ? сколько тутъ выгодъ-то? чиновнику не разоренье; 100,000 ежегодно вѣрнаго дохода въ казначейство; на всѣхъ фракахъ всегда новыя пуговицы — благоприличіе; пуговишникамъ работа — общественная польза. А! каково, сударь? вотъ каковъ Герасимъ Евстафьевичъ Лянсиновъ — да я вамъ рассказалъ только одну штуку, а этакихъ у него штукъ двѣсти всѣ на одну стать, изъ ничего, смотришь, такъ сотни тысячъ и летятъ да летятъ — что за человекъ, Господи спаси, помилуй.

1-й. — Да! удивительно; но скажите, отъ-чего г. Лянсиновъ не представитъ своихъ проёктовъ?

2-й. — Всѣ представлялъ, сударь, ни одинъ не былъ принятъ.

1-й. — Да отъ чего-же такъ — какъ вы думаете?

2-й. «Зависть, сударь, интриги! я вамъ скажу, (*шопотомъ*) этакихъ людей у насъ цѣнить не умѣютъ — ахъ! еслибъ... вотъ хоть бы вы — извините, что хотя не имѣю чести знать васъ лично, но говорю такъ откровенно, вы, кажется, принадлежите къ такому обществу, бываете таки наверху, если бы вы поразказали тамъ обо всемъ этомъ, много бы вы добра могли сдѣлать, очень-много. Вы, кажется, человѣкъ образованный и цѣните и чувствуете.

Человѣкъ въ черномъ фракѣ (*подходитъ къ Лянсинову и показывая на прежняго своего собесѣдника*):

Не можете ли мнѣ сказать кто это...

Лянсиновъ, какъ будто удивился этой смѣлости, однако же отвѣчалъ, хотя сквозь зубы:

«Про кого вы желаете узнать?...»

Ч. Ф.— Вотъ этотъ старичекъ, который подошелъ сію минуту къ карточному столу въ коричневомъ фракѣ.

Л. — Это Иванъ Андреевичъ Карпенко.

Ч. Ф. — Какой у него почтенный видъ.

Л. — Вы не ошибаетесь, это дѣйствительно почтеннѣйшій человѣкъ...

Ч. Ф. — Гдѣ онъ служитъ?..

Л. — Онъ служилъ, сударь, сорокъ лѣтъ служилъ, и все въ одномъ мѣстѣ.

Ч. Ф. — Возможно-ли !

Л. — Это васъ удивляетъ ? Вы больше удивитесь, когда я скажу вамъ, что въ продолженіи этихъ сорока лѣтъ онъ не пропустилъ ни одного дня, не исключая и Свѣтлаго Воскресенія, чтобы не побывать въ канцеляріи, — чудный человекъ — въ продолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ ни разу не выѣзжалъ изъ города, ни разу не бывалъ ни въ саду, ни въ театрѣ, и даже не знаетъ какъ въ немъ играютъ...

Ч. Ф. — Удивительный человекъ !

Л. — Скажите лучше истинно дѣловой человекъ ; онъ не то, что бы въ даль пускался, но что называется дѣловой человекъ, кореньякъ—Господи Боже мой ! что за дѣятельность ! что за аккуратность ! какой онъ порядокъ завелъ—было въ канцеляріи ! по 100,000 нумеровъ въ годъ спускалъ — страшно подумать.

Ч. Ф. — За чѣмъ же онъ вышелъ изъ службы ?

Л. — Что и говорить, зависть, интриги ! Онъ было затѣялъ славное, государственное дѣло. Былъ у него архивъ старыхъ дѣлъ — вотъ онъ, человекъ осторожный, опытный, думаетъ : архивъ на моей ответственности ; ну, пропадетъ чтонибудь, кто въ отвѣтъ ? я ; а какъ узнать въ 20,000 кипахъ, что цѣло, что потеряно — давай опись дѣлать, давай справки забирать ; забралъ справки, сдѣлалъ опись, давай по листочку снова скрѣплять — скрѣпилъ — сколько работы — ужасъ подумать, но этого мало !

Вотъ , онъ челоуькъ осторожный , опытный , думаетъ : листы скрѣплены , правда , а кто помѣшаетъ снизу листа строки подрѣзать ? Думалъ , думалъ , и придумалъ славное , умное дѣло : роздалъ архивъ по чиновникамъ и велѣлъ въ немъ всѣ строки сосчитать до единой и на листахъ повыставить . Что же , сударь ? вотъ взбѣсилась молодежь , пошли толки , объясненія , жалобы , спросы , распросы , ревизіи ; привязались къ тому , что будто бы бесполезнымъ умноженіемъ писъмоводства онъ производитъ медленность въ дѣлахъ и напрасно затрудняетъ начальство , да и велѣли ему выйдти въ отставку — вы знаете , прибавилъ шопотомъ Герасимъ Евстафьевичъ , у насъ такихъ людей цѣнить не умѣютъ...

ХОРОШЕЕ ЖАЛОВАШЬЕ,

ПРИЛИЧНАЯ КВАРТИРА, СТОЛЪ, ОСВѢЩЕНІЕ И
ОТОПЛЕНІЕ.

(Домашняя драма.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Учитель.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ :

Емельянъ Андреевичъ Сыромѣтниковъ, — человекъ важный, лѣтъ пятидесяти; онъ часто хмуритъ брови, говоритъ *съ-высока*, протяжно, съ удареніемъ на каждомъ словѣ, не слушаетъ, что ему говорятъ и прерываетъ чужую рѣчь безъ всякаго милосердія; онъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ, бѣломъ галстухъ и пестромъ жилетѣ.

Глафира Ильинишна Сыромѣтникова — его супруга; угадать ея лѣтъ нельзя; въ ней есть что-то ребяческое, соединенное съ опытнымъ кокетствомъ; она часто улыбается и поводитъ глазами безъ всякой пужды; ей очень хочется быть дамой хорошаго тона; она въ богатомъ пеньюарѣ, на головѣ съ двухъ

сторонъ завиты косы, на ногахъ щегольскія туфли; она кокетничаетъ своими ножками.

Ваничка, сынъ ихъ — избалованный, дерзкій мальчикъ; онъ нагло на всѣхъ поглядываетъ, и имѣетъ всѣ хватки взросло-слабого негодяя. Онъ въ полуфракъ, съ открытой шеей, въ рукахъ хлысть.

Монсieur Твирот, его дядька (mênie) — фравтъ дурнаго тона, въ пестромъ галстукъ, на жилетѣ пропасть цѣпочекъ; прическа какъ у парикмахера, въ лицѣ наглость и подлость.

Г. Измовъ, учитель — благородной, но робкой наружности, онъ не умѣетъ ни състь, ни поклониться; галстухъ бѣлый, поношенный, коричневый фракъ съ свѣтлыми пуговицами, застегнутъ почти доверху, рукава и панталоны очень короткіе.

Слуга.

Горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ пріемной комнатѣ, между гостиной и передней. Сверхъ главнаго входа, на лѣвой и на правой сторонѣ боковыя двери; въ сторонѣ большой столъ, на которомъ лежатъ книги въ богатыхъ переплетяхъ, чернильница, нѣсколько листовъ бумаги, визитныя карточки. Комната убрана очень богато, но безъ вкуса.

Слуга (въ красномъ кафтанѣ съ галунами и аксельбантами, зеленомъ жилетѣ и желтомъ исподнемъ платьѣ, отворяетъ двери):

Пожалуйте, пожалуйста. Я сейчасъ узнаю можно ли доложить объ васъ генералу.

(Измовъ входитъ поспѣшно и идетъ прямо къ дверямъ на право — слуга заслоняетъ ему дверь).

Нѣтъ, ужъ здѣсь извольте пообождать маленько. Измовъ (испугавшись). — Хорошо-съ, хорошо-съ; я здѣсь подожду...

(Слуга уходитъ).

Измовъ (одинъ). — Кажется, я не ошибся... Не попасть бы въ просякъ... (*вынимаетъ изъ кармана газетный листокъ и читаетъ*):

«Имѣя надобность въ знающемъ учителѣ для обученія благороднаго дитяти по грамматическимъ правиламъ словесности, математикъ и ариѳметикъ, также латинскому языку, за что предложится хорошее жалованье и содержаніе, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе. Таковій можетъ явиться съ надлежащими удостовѣреніями въ 5-ю часть, въ домъ подъ № 666».

Написано немножко неправильно, даже и не немножко... но за то!... (*вздыхаетъ*). На домъ № 666-й, но точно ли здѣсь!.. Мнѣ такъ часто случалось быть въ дуракахъ. (*Вынимаетъ запечатанное письмо*) «Его превосходительству милостивому государю Емельяну Андреяновичу Сыромятникову». (*Идетъ къ среднимъ дверямъ*). Послушайте-съ, вашего барина зовутъ Емельянъ Андреяновичъ.

Грубый голось (*изъ-за дверей*). — Кого-съ? генерала? точно такъ-съ: Емельянъ Андреяновичъ.

Измовъ. — Нѣтъ сомнѣнія... это онъ и есть. (*Развертываетъ снова газетный листокъ и читаетъ его съ возрастающимъ мало-по-малу восторгомъ*): «Хорошее жалованье!» мой благодѣтель говорилъ, что это можетъ быть пять или шесть тысячъ. Мнѣ — пять или шесть тысячъ! О, тогда непременно куплю себѣ Шнейдеровъ лексиконъ, Гейнева Виргилія, и бархатный галстухъ; хоть дорого, да нѣчего дѣлать... «Приличная квартира, столъ, освѣ-

щеніе и (съ жаромъ) отопленіе!» — Ахъ, если бы удалось! (*Ходить взадъ и впередъ съ безпокойствомъ*). — Мой благодѣтель говорилъ: одѣнься поблагопристойнѣе (*подходитъ къ зеркалу*). Кажется, я довольно благопристоенъ: галстухъ надѣтъ только во второй разъ, жилета не видать; какъ кстати я выворотилъ мой фракъ! безъ того бѣда, нельзя бы въ люди показаться... (*Осматривается*). Какое здѣсь великолѣпіе! какая роскошь! все золото! страшно дотронуться... А какъ тепло! какъ здѣсь должно быть хорошо сидѣть въ этихъ креслахъ, читать, сочинять, мечтать! — Я чаю, богатые люди такъ и дѣлаютъ... Здѣсь мысли свѣжѣе, душѣ привольнѣе; здѣсь можно легко написать эпическую поэму. А сегодня ночью, признаться сказать, я порядочно прозябъ... Проклятый хозяинъ! вѣдь нашелъ же секретъ: «съ квартиры» говоритъ «я васъ не спущу, потому-что задержать у васъ нѣчего: съѣдете, такъ тогда и концы въ воду; а вотъ дровъ такъ я вамъ не дамъ, пока не заплатите». Какой злодѣйскій расчетъ! Не давать дровъ въ двадцать градусовъ мороза! У меня въ комнатѣ ужъ три дня не топлено! Что тутъ будешь дѣлать? какая мысль прійдетъ въ голову? заляжешь въ постель, завернешься въ шинель, и только о томъ и думаешь, какъ бы то руку согрѣть, то ногу... Правда, отведешь душу за уроками, да и уроковъ-то мало: два въ недѣлю, а тамъ хоть зубы на полку. Еще хорошо, что завелись кондиторскія: войдешь, обогрѣешься... да и тутъ бѣда: нельзя долго сидѣть,

хозяинъ косится; и не мудрено: у него ничего не берешь! Все это унижаетъ, тягчить душу; если бы хоть годокъ отдохнуть мнѣ отъ этой жизни!.. Что, если мое предпріятіе удастся? О, хозяинъ этого дома не постигаетъ, какъ я ему буду благодаренъ, какъ постараюсь заплатить долгъ мой; ничего не пожалю, ни трудовъ, ни усилій; (*ораторскимъ тономъ*) и какое благородное дѣло образовать юношу, раскрыть его душу для всего высокаго и прекраснаго, такъ-сказать, создать челоуька, быть Аристотелемъ, можетъ-быть, — почему знать — Александра-Великаго! Это стоитъ поэтическаго произведенія! Емельянъ Андреяновичъ этого и не подозреваетъ. Онъ думаетъ, что у него въ домъ просто наемникъ, а не челоуькъ, который чисто, безкорыстно и горячо будетъ служить ему. Высокая, прекрасная цѣль! (*Прохаживается по комнатамъ и замѣчаетъ лежащія на столѣ книги*). А, хозяинъ любитъ чтеніе! добрый знакъ! И какіе славные переплеты, я чаю весь Пушкинъ, Жуковскій: (*развертываетъ одну книгу послѣ другой*): *Адрессъ Календарь... Состояніе чиновъ... Придворный Мгьсяцесловъ... Нумерація домовъ въ С. Петербургѣ... Штатъ чиновниковъ...* Господи Боже мой, что за библіотека! — А это что за газета? никогда не видывалъ... *Цѣна акцій на биржѣ...* Это на что Емельяну Андреяновичу?.. Ну, въ этой библіотекѣ мало для ума и для сердца. Что, ежели такъ и въ цѣломъ домѣ? (*задумывается*). — Такое странное объявленіе въ газетахъ! такая странная библіоте-

ка! Ну, что ж! увидимъ. Можетъ-быть, встрѣчу невѣжество, предрасудки — что дѣлать! «Жизнь есть бореніе» говоритъ одинъ почтенный авторъ. Впрочемъ, мое дѣло сторона. Буду рачительно исполнять мой долгъ, а тамъ по мнѣ и трава не рости. Говорять, моему будущему ученику около четырнадцати лѣтъ; это время, когда развиваются всѣ способности, когда душа человѣка такъ свѣжа, такъ невинна. Я постараюсь оживить это юное растеніе, пробудить въ немъ силы, привить къ нему благородную любовь къ наукѣ и къ изящному; трудно будетъ, тѣмъ лучше — не даромъ буду деньги брать: трудъ и трудъ благородный, что можетъ быть лучше этого назначенія въ жизни?

(Двери на право отворяются; входитъ Емельянъ Андреяновичъ съ шляпою въ рукахъ).

Емельянъ Андреяновичъ. — Карету. *(Подходя къ Измову съ важнымъ видомъ).* Что вамъ угодно? какое-нибудь дѣло? Извините, мнѣ теперь нѣкогда...

Измовъ *подаетъ ему письмо и въ смущеніи не можетъ произнести ни одного слова.*

Емельянъ Андреяновичъ *(пробѣгая письмо).* — А! давно ли вы видѣли Фоку Гаврилыча? здоровъ ли онъ?

Измовъ. — Слава...

Емельянъ Андреяновичъ. — Онъ очень въ лестныхъ выраженіяхъ объ васъ отзывается; это дѣлаетъ вамъ честь, а мнѣ удовольствіе. *(Съ улыб-*

кою покровительства). Видите, батюшка, мнѣ надобно сына приготовить къ университету. Вотъ, Фока Гаврилычъ пишетъ, что вы и литераторъ: такъ мнѣ этого не нужно, а мнѣ надобно Ваню — знаете... вотъ этакъ... какъ-нибудь подготовить, чтобъ только онъ могъ экзаменъ выдержать, — потому-что это главное; а вѣдь все это ваше ученье... вѣдь это вздоръ... я такъ думаю.

Измовъ. — Фока Гаврилычъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — Да, батюшка, безъ его рекомендаціи, я бы съ вами и говорить не сталъ...

Измовъ. — Я употребляю всѣ мои силы...

Емельянъ Андреяновичъ. — Да, батюшка, употребите всѣ ваши силы, да и больше, если можно. Мой Ваня малый не глупый — это вашъ долгъ, ну, да что?.. все это пустяки. Я люблю говорить дѣло: вамъ будетъ пять тысячъ жалованья, квартира, столъ съ нами вмѣстѣ, услуга, содержаніе, освѣщеніе, отопленіе — видите, я не торгуюсь...

Измовъ. — Эго слишкомъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — Ничего, батюшка, только вы мнѣ его подготовьте хорошенько; ужъ я не знаю какъ это дѣлаютъ — вы должны это знать. (*Уходя*). О прочемъ съ вами генеральша переговоритъ, а мнѣ некогда: я человекъ дѣловой... занятой. (*Возвращаясь*). Да, батюшка, я забылъ самое важное: умѣете ли вы писать?

Измовъ (*краснѣя*). Во многихъ журналахъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — Что вы мнѣ, батюшка, аллегорію-то несете! что мнѣ до вашихъ журналовъ? Я не о цвѣточкахъ-василечкахъ говорю, а умѣете ли вы писать, просто писать, т. е. почеркъ у васъ какой?

Из м о в ъ. — Отъ большаго письма рука нѣсколько испортилась...

Емельянъ Андреяновичъ. — То-то, испортилась; всѣ вы таковы: и литераторы и журналисты, а хватъ на дѣлѣ, такъ и на попятный дворъ... Извольте-ка, батюшка, вотъ мнѣ написать (*диктуетъ*): «Милостивый государь Емельянъ Андреяновичъ!» или нѣтъ, просто цыдулой: «коллегскій совѣтникъ Пуговкинъ долгомъ обязанности своей поставляетъ...»

Из м о в ъ. — Долгомъ поставляетъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — Долгомъ поставляетъ? да что это вы пишете, батюшка? Развѣ вы не знаете, что это неучтиво? — Ну, чему ихъ учатъ въ университетахъ? долгомъ поставляетъ!! да это, сударь, несовмѣстно! (*Диктуетъ съ особеннымъ выраженіемъ*): «долгомъ обязанности своей поставляетъ — поставляетъ... (*задумывается*) засвидѣтельствовать вашему превосходительству свое нижайшее высокопочитаніе.»

Из м о в ъ. — Высокопочитаніе.

Емельянъ Андреяновичъ. — Довольно; позвольте взглянуть. Ну, что это? ну, на что это похоже? И криво, и косо!.. Да у меня — послѣдній кан-

целяристъ лучше васъ пишетъ. Ну, скажите пожалуйста, чему ихъ учатъ? Вотъ въдь, я чай, всѣ науки прошолъ, а двухъ строкъ написать не умѣетъ.

Измовъ. — Я никогда не предполагалъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — То-то и дурно, батюшка, что вы не предполагали; всегда, все надобно предполагать...

Измовъ. — Я думалъ, что каллиграфія...

Емельянъ Андреяновичъ. — Тутъ дѣло, сударь, не объ каллиграфіи; я увѣренъ, что вы ее знаете, а объ вашемъ почеркѣ...

Измовъ. — Почеркъ — извините — я не считалъ такою важностію...

Емельянъ Андреяновичъ. — Почеркъ не считали важностію? Вотъ какія правила имъ внушаютъ!.. Нѣтъ, сударь, красивый почеркъ — первая важность для молодаго человѣка — я такъ думаю. Я самъ, какъ вы меня видите, самъ съ того началъ, — и, благодаря Бога, не капралъ. (*Просматривая письмо*). Хе! хе! хе! батюшка, да вы и правописанія не знаете...

Измовъ. — Какъ? правописанія?

Емельянъ Андреяновичъ. — Да, батюшка, не прогнѣвайтесь — правописанія. (*Указывая ему на письмо*). Что это такое?

Измовъ. — Коллежскій...

Емельянъ Андреяновичъ. — Коллежскій! А какая грамматика этому слову?

Измовъ. — Грамматика?

Емельянъ Андреяновичъ. — Да! грамматика! Вотъ и опѣшили. Такъ я вамъ скажу: грамматика слову *коллегскій* такая, что были у насъ коллегіи...

Измовъ. — Я знаю, коллегіи, которыя...

Емельянъ Андреяновичъ. — Позвольте, ваша рѣчь впереди. (*Протяжно*). И при коллегіяхъ были совѣтники, которые потому и назывались *коллегскіе*, а не *коллежскіе* совѣтники...

Измовъ. — Орфографія требуетъ...

Емельянъ Андреяновичъ. — Увѣренъ, увѣренъ, батюшка, повторяю вамъ, что орфографію вы знаете, да въ правописаніи-то вы неопытны... Ну, это, положимъ, мимо: этого вы могли не знать... Ну (*показывая на письмо*) ну, а это что такое? это ужь непростительно... (*Измовъ смотритъ на него съ удивленіемъ*). Какъ, вы даже не видите въ чемъ ошибка? Ну, чему ихъ учать? Какъ написано «вашему превосходительству»?

Измовъ. — Кажется, правильно, по принятой орфографіи...

Емельянъ Андреяновичъ. — Такъ вы не можете и вразумиться? Подумайте хорошенько: кто пишетъ? *коллегскій* совѣтникъ? Къ кому онъ пишетъ? къ его превосходительству; ну, разсудите же, какъ онъ можетъ писать свое имя и *вашему* *превосходительству* одинакими буквами? — *Ваше* *превосходительство* пишется крупными буквами — понимаете ли вы это? Вотъ, видите ли вы, сударь: я не учился въ университетъ, не знаю всѣхъ

вашихъ аллегорій, да и знать не хочу; а я знаю дѣло, то есть... дѣло, то есть... основаніе всему, самый корень, на которомъ зиждется фундаментъ всякаго дѣла и всякаго дѣйствія... Вотъ вамъ отъ меня первый урокъ, господинъ учитель. Хе! хе! хе! старайтесь имъ воспользоваться. — Я вижу, признательно вамъ сказать, что мнѣ надобно будетъ безпрестанно слѣдить за вашими уроками съ Ванюшей и вполне завѣдывать ими, т. е. дѣлать половину вашей работы; но я чту рекомендацію Фоки Гаврилыча...

Тъ же и Глафира Ильинишна *выходитъ изъ двери слева.*

Емельянъ Андреяновичъ. — Вотъ, мой другъ, учитель, котораго намъ рекомендуетъ Фока Гаврилычъ.

Глафира Ильинишна (*въ сторону*). Ахъ, онъ очень недуренъ собою...

Емельянъ Андреяновичъ (*къ жемъ, по секрету*). Посмотри, понравится ли онъ тебѣ; я его проэкзаменовалъ: онъ очень, очень слабъ...

Глафира Ильинишна. Ахъ, это жаль... Но съ твоими указаніями и наставленіями...

Емельянъ Андреяновичъ. — Ну, ужь это твое дѣло. Посмотри, поговори, а мнѣ некогда (*смотритъ на часы*). Боже мой, какъ я опоздалъ! Дѣти! дѣти! ваше воспитаніе! чего вы стоите: того и смотри, что не первый пріѣду.

Глафира Ильинишна. — А ты куда?

Емельянъ Андреяновичъ. — Какъ-будто не знаешь? сегодня графъ именинникъ.

Глафира Ильинишна. И напрасно, мой другъ, беспокоился; ты знаешь, воспитаніе Ваночки — мое дѣло. Побѣзжай же съ Богомъ, все будетъ устроено...

Емельянъ Андреяновичъ. — Прощай, прощай. Рѣшишь же съ этимъ дѣломъ... (*уходитъ*).

Глафира Ильинишна и Измовъ.

Измовъ (*въ сторону*). Господи Боже мой, какой вандалъ! Да онъ не только ребенка, и меня съ ума сведетъ. (*Молчаніе*).

Глафира Ильинишна (*сидясь въ кресла и кокетничая*). Сколько вамъ лѣтъ?..

Измовъ — Двадцать-пять...

Глафира Ильинишна. — А какъ вы моложавы на лицо... (*Молчаніе*).

Глафира Ильинишна (*въ сторону*). Онъ робокъ — не умѣетъ слова сказать, а очень милъ... (*Громко*). Вы не женаты?

Измовъ. — Нѣтъ-съ.

Глафира Ильинишна. — И не имѣете намѣренія жениться?..

Измовъ. Нѣтъ-съ. (*В сторону*). Что за вопросы?

Глафира Ильинишна. — И ни въ кого не влюблены?

Измовъ. — Никакъ-нѣтъ-съ...

Глафира Ильинишна. — Быть не можетъ. (*Въ сторону*). Онъ очень, очень милъ — надобно только ободрить его... Это дитя, которое надобно образовывать. (*Громко*). Что жъ вы не сядете?.. (*Измовъ садится на кончикъ стула*). Подвиньтесь поближе; я не могу громко говорить... Еще, еще... Ну, когда жъ вы къ намъ переѣзжаете?..

Измовъ (*съ нѣкоторою твердостью*). Признаюсь вамъ, сударыня, я въ большомъ сомнѣнii... Его превосходительство...

Глафира Ильинишна. — Напугалъ васъ—я это знала. О, не бойтесь: онъ таковъ только съ вида, любить покричать, поважничать; во впрочемъ, будьте спокойны: онъ ни во что, ни во что не вмѣшивается; вы будете знать одну меня: что вамъ нужно, чѣмъ вы недовольны, идите прямо ко мнѣ... (*Показывая на лѣвую дверь*). Вотъ эта дверь всегда будетъ для васъ отворена... Да подвиньтесь поближе...

Измовъ. — Я употребляю всѣ силы, чтобъ заслужить вашу довѣренность; но, признаюсь, его превосходительство...

Глафира Ильинишна. — О, повторяю вамъ, ничего не бойтесь — его дѣло сторона. Но только уже прошу меня слушаться: (*смотря на него съ нѣжностію*) и слушаться во всемъ... Вамъ дѣла будетъ мало, и я васъ увѣряю, что вы будете жить съ пріятностію... Поутру, чай вмѣстѣ съ нами, потомъ, обѣдать также съ нами; вечеромъ вы прійде-

те ко мнѣ въ кабинетную рассказать, чѣмъ вы занимались съ Ваничкой; Ваничка послѣ обѣда ходитъ гулять съ дядкою, мужъ уѣзжаетъ въ англійскій клубъ... Ахъ, кстати: умѣете ли вы ѣздить верхомъ?..

Измовъ. — Нѣтъ-съ.

Глафира Ильинишна. — Ну, такъ вы будете учиться въ манежъ съ Ваничкой, потому-что я страстно люблю кавалькады и прогулки за городомъ...

Измовъ. — Все, что вамъ будетъ угодно; но его превосходительство...

Глафира Ильинишна. — Ахъ, какъ онъ напугалъ васъ! Да вы его въ мѣсяцъ едва ли разъ увидите; всѣ ваши сношенія будутъ со мною — и, вы понимаете, что мы должны близко познакомиться... для пользы моего сына. Вотъ, во-первыхъ, вы мнѣ позвольте заняться вашимъ туалетомъ. Что это за галстухъ? Поутру, надобно быть въ сюртукъ, въ черномъ галстухъ; и зачѣмъ такъ застегиваться? — Впрочемъ, это ужь мое дѣло; на васъ будетъ шить Ваничкинъ портной...

Измовъ. — О, сударыня, моя благодарность...

Глафира Ильинишна. — Я должна знать ваши малѣйшіе поступки... Не правда ли, вы будете со мною откровенны?..

Измовъ. — Мой долгъ требуетъ полной откровенности...

Глафира Ильинишна (*съ возрастающимъ жаромъ*). Все, что у васъ будетъ на сердце! Вы

смотрите на меня какъ на вашу родственницу, кузину... я такого характера...

Измовъ. — Я буду стараться, нещадя силъ моихъ, исполнять долгъ мой...

Глафира Ильинишна. — Да, но я хочу, чтобъ не одинъ долгъ... я хочу, чтобъ вы насъ полюбили... Когда что отъ души, вы знаете...

Измовъ (*съ жаромъ*). О, сударыня, я не умѣю ни за какое дѣло приниматься хладнокровно; но его превосходительство...

Глафира Ильинишна. — О, забудьте о немъ; вообразите себѣ, что онъ не существуетъ... Повторяю, не будьте такъ робки... имѣйте болѣе къ себѣ довѣренности...

Измовъ. — Съ моей стороны нѣтъ ложной скромности...

Глафира Ильинишна (*улыбаясь*). Нѣтъ, молодой человекъ! скромность необходима; умѣйте быть скромнымъ, и тогда... тогда... вы не знаете, чего вамъ можно надѣяться — и чего достигнуть...

(*Входятъ Ваничка и Мг. Твирот; Измовъ вскакиваетъ со стула какъ будто виноватый, говоря въ сторону*):

Да она просто волочится за мною; куда я попалъ?

Глафира Ильинишна (*у которой Ваничка целуетъ руку.*) Вотъ, мой другъ, твой новый учи-

тель — (обращаясь къ Измову), не такъ ли? — (Измовъ въ недоумѣннн кланяется.) Надѣюсь, что мы съ вами короче познакомимся; поговорите съ вашимъ ученикомъ, и прійдите ко мнѣ сюда (показывая на львую дверь) — ... сказать мнѣ, что вы въ немъ найдете... (снимаетъ перчатку и протягиваетъ ему руку, которую Измовъ, послѣ нѣкоторой нерѣшимости, целуетъ).

Мр. ТРИПОТ (который внимательно смотрѣлъ на всю эту сцену, въ полголоса) — Ah!... Monsieur veut marcher sur mes brisées! Je te jouerai, mor-dieu, un tour de ma façon!

(Во время этихъ словъ, Ваничка, оставивъ руки въ боки, нагло осматриваетъ Измова съ головы до ногъ.)

Ваничка. — А, братъ, ты, я вижу, изъ ученыхъ, какъ бишь въ комедіи-то (скороговоркою и однимъ тономъ):

..... я въ Галлѣ просвѣщался
И человѣкомъ сталъ. Скажите жь, человѣкъ,
Что съ княземъ путнаго вы сдѣлали въ свой вѣкъ?
Учились, учимся, учиться будемъ вѣкъ.

Не такъ ли? — а я такъ не люблю, и не хочу учиться; меня хотятъ въ университетъ, а я хочу ѣздить верхомъ, пить водку и волочиться за женщинами...

Измовъ. — Но его превосходительство... но ея превосходительство...

Ваничка. — Батюшка и матушка свое, а я свое, а ты слушай, если хочешь у насъ оставаться, такъ будь по моему, а не по ихнему. Вотъ тебѣ и вся не долга. Allons, monsieur Tripot, — allons un peu voir ce qu'on nous prépare pour notre diner et attrapper quelques à comptes.

Трипот. Excellente idée, monsieur Jean !

(Уходятъ.)

Измовъ (одинъ). Боже мой ! куда я попался ? Отецъ — Вандалъ, Остроготъ, невѣжа, набитый спѣсью... мать — кокетка... до высочайшей степени ; сынъ — избалованный негодяй, и уже знакомый со всеми пороками не по лѣтамъ. Что я могу здѣсь сдѣлать ? Быть льстецомъ при отцѣ, угодникомъ при сынѣ, и не знаю, чѣмъ при матери — вѣтъ ! бѣги ! молодой человекъ *(обращаясь къ средней двери)* — бѣги отъ соблазна, спаси свое сердце отъ этого нечистаго омута — дверь отворена, за нею ждетъ тебя... а что ждетъ ? вчерашній кусокъ хлѣба, грубый хозяинъ — и холодъ, холодъ ! ахъ, если бы не этотъ холодъ ! *(Въ задумчивости ходитъ взадъ и впередъ)*. Но, можетъ-быть, есть средство вразумить отца, — можетъ-быть чистота моей нравственности тронетъ сердце этой женщины, и обратитъ ее на путь добродѣтели, — можетъ-быть я успѣю сдѣлать ученье занимательнымъ для этого негодяя, — можетъ-быть, наука заставитъ его забыть всѣ его порочныя наклонности. — Тщетная, тщетная мечта ! здѣсь и корень и молодая вѣтви — все испорчено — здѣсь воздухъ зараженъ ; здѣсь

порокъ въ каждомъ дыханіи... (*идеть къ среднимъ дверямъ*) — а тамъ... тамъ мерзнетъ каждое дыханіе! на что рѣшиться?

Горничная (*входя съ лѣвой стороны*). Барыня васъ просить къ себѣ, сударь, ей очень нужно.

Измовъ. Иду, иду — (*горничная уходитъ*). Ну, что жь въ самомъ дѣлѣ? — ничего не видя испугаться; — что скажетъ мой благодѣтель, когда узнаетъ, что я отказался отъ такого выгоднаго мѣста? ему не втолкуешь моихъ сомнѣній! онъ скажетъ: вздоръ, мечта, школьные бредни, философія .. да, и въ самомъ дѣлѣ — если всё это мечта, остатки школьныхъ бредней: вѣдь я еще мало знаю людей. — Можетъ-быть, г. Сыромятниковъ, хоть немножко крикливъ отъ природы, а въ самомъ дѣлѣ человекъ хорошій! Невѣжда! да гдѣ жь ихъ нѣтъ на семь свѣтъ? — Жена его? можетъ-быть, у ней просто привычка такъ странно поворачивать глазами! — а сынъ? да когда же дѣти не бываютъ шалунами... (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Да! съ людьми надобно жить по-людски. Что тутъ думать, въ самомъ дѣлѣ! расчетъ простой: тамъ голодъ, холодъ, темная комната, трудъ тяжкій, неблагодарный (*мало-по-малу приближаясь къ лѣвой двери*) а здѣсь: пять тысячъ жалованья, столъ, приличная квартира, освѣщеніе и... отопленіе! (*съ послѣднимъ словомъ онъ бросается въ лѣвую дверь, которую горничная ему отворяетъ.*)
(*Занавѣсъ опускается.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

(Черезъ десять лѣтъ).

Кабинетный гость.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Емельянъ Андреевичъ Сыромятниковъ — лѣтъ подл шестьдесятъ.

Иванъ Емельяновичъ — сынъ его, 21 года. въ венгеркѣ, съ волосами à la moijick — франтъ дурнаго тона.

Ксенофонтъ Григорьевичъ Измовъ — лѣтъ 35, одѣтъ просто, но щеголевато; въ его движеніяхъ больше развязности, нежели прежде. Предъ Сыромятниковымъ всегда почтителенъ и остороженъ.

Иванъ Ивановичъ Сердоболинъ — въ изношенномъ виць-мундирѣ, въ карманѣ бумаги; волосы приглажены, круглая табакерка, изъ которой онъ часто нюхаетъ, но какъ бы украдкою. Большая скромность въ движеніяхъ, глаза всегда потуплены въ землю.

Иванъ Емельяновичъ. — Ксенофонушка! денегъ! денегъ! до зарѣза нужно!

Измовъ. — Что! Иванъ Емельянычъ — опять проигрались?...

Иванъ Емельяновичъ. — Въ пухъ!

Измовъ. — И много?

Иванъ Емельяновичъ. — Ужь и не спрашивай; лучше ты знаешь, двойка у меня всегда выигрываетъ — вотъ и вчера везла такъ что ну, поди, — денегъ куча, тысячь до десяти, да потомъ, какъ попла писать проклятая — все спустилъ, да и еще десять...

Измовъ (*съ ужасомъ*). Десять тысячь!

Иванъ Емельяновичъ. Ну — да! да ты не пугайся — отыграюсь... а теперь до зарѣза, на честное слово...

Измовъ. — Охъ! не хорошо, Иванъ Емельянычъ!

Иванъ Емельяновъ. — Ну, вотъ еще! что жь тутъ такого! несчастье — вотъ и все! Ну, давай Жида за воротъ! сегодня непременно!

Измовъ. — Да еще есть-ли у него?

Иванъ Емельяновичъ. — За 25 процентовъ чтобъ не было? дудки, братъ.

Измовъ. — Охъ — Иванъ Емельянычъ! Въдь знаете, прежнихъ тысячь до восьми набралось.

Иванъ Емельяновичъ. — Нѣтъ?

Измовъ. Да такъ.

Иванъ Емельяновичъ. — Скажи пожалуй — а я этого и не замѣтилъ.

Измовъ. — Ну, не равно батюшка узнаеть? куда намъ съ вами дѣваться.

Иванъ Емельяновичъ. — А какъ ему узнать! Я не скажу — ты тоже. Жидъ? не безпокойся! въдь онъ знаетъ, что батюшка не свой братъ, тотчасъ

его въ бараній рогъ согнетъ — вѣдь закономъ деньги на игру давать запрещено. Я вѣдь всѣ эти продѣлки знаю. Жиду выгодноѣ дожидаться, пока старикъ умретъ...

Измовъ. — Оно такъ! но вѣдь за такую сумму онъ не вѣсть что заломить...

Иванъ Емельяновичъ. — А что бѣ не заломилъ, главное — чтобъ деньги были — все подпишу — вѣдь я совершеннолѣтній...

Измовъ. — Но...

Иванъ Емельяновичъ. — Безъ всякаго но! давай Жида за воротъ — батюшка умретъ, все выплачу, достанетъ... да схитри, чтобъ сегодня же непременно... а то 24 часа пройдетъ — игрецкій срокъ, кредитъ потеряю... Ай! ай! ай! ужь половина 1-го, а въ часъ у меня ранде-ву — что за красотка, кабы ты зналъ! не хуже твоей Марьи Ивановны, хоть и она, правду сказать, не дурна — экій плуть! какую красавицу подхватилъ... Ужь поволочусь за нею — увидишь.

Измовъ. — Иванъ Емельяновичъ! что вы?...

Иванъ Емельяновичъ. — Эка бѣда! — ну, и нахмурился! ничего — я такъ пошутилъ — теперь у меня другое на умѣ... опять заболтался — прощай; къ 4 часамъ буду, а ты уже сработай, чтобъ все готово было и деньги и вексель, да не забудь по яснѣ карандашемъ написать что мнѣ подписывать... (*Уходитъ.*)

Измовъ (*одинъ*). Итого : будетъ 18! — по 25 процентовъ черезъ 4 года будетъ 36 — ну! под-

ставному тысячнику, — какъ приложить къ женину приданому — не далеко будетъ до 200 тысячъ... постой-ка, сколько эдакъ, лѣтъ черезъ восемь процентовъ накопится... (*садится къ столу и пишетъ.*)

Сыромятниковъ (*входитъ*). Такъ! все занять! бросай свои бумаги — тутъ другое — батюшка, — поздравляю съ мѣстомъ...

Измовъ. — Какъ, не-уже-ли?

Сыромятниковъ. — Да такъ! трудненько было — да вышло по-нашему — и знаешь, батюшка — со всѣмъ прочимъ : и жалованье, и квартирныя, и столовыя... и понимаешь — ужь при этомъ мѣстѣ ты не то, что прежде — это, батюшка, далеко смотритъ... Я такъ думаю...

Измовъ. — Ахъ! ваше превосходительство! ваши милости...

Сыромятниковъ. — Полно! полно! батюшка, ты мнѣ самъ такую службу сослужилъ... помнишь, что говорено было : только женись, будетъ тебѣ и приданое и будетъ тебѣ и мѣсто; вотъ приданое получилъ, вотъ тебѣ и мѣсто... я даромъ слова не молвлю...

Измовъ. — Право, ваше превосходительство...

Сыромятниковъ. — Полно, полно, батюшка — ты знаешь, я человекъ правственный — уже кто мнѣ сослужитъ, никогда не забуду. Вѣдь меня, батюшка, не проведешь... не даромъ я тебя дружу — я цѣню твои правила и усердіе... я такъ думаю — а что Марья Ивановна?

Измовъ. — Что-то нездорова сегодня...

Сыромятниковъ. — Ахъ! душенька! что съ нею такое! пойду-ка понавѣдаться... (*уходитъ въ правую дверь.*)

Измовъ (*одинъ*). Ну, вотъ и философія! что она значить? сущій вздоръ! — думалъ ли, гадалъ ли я когда нибудь, сидя въ моемъ пестрядинномъ халатѣ, что я... я — и на такомъ мѣстѣ! и такое жалованье! да я, я — скоро буду значительнымъ лицомъ! Тьфу! чудеса въ этой жизни происходятъ! Ну! Ксенофонтъ Григорьевичъ! право недурно! — Правда! дорогонько пришлось... униженіе, такое униженіе — что подумать страшно! нѣтъ, нѣтъ, да и загрызетъ въ сердцѣ... нѣчего сказать, подлость, ужасная подлость ..

Слуга (*съ запиской*). Генераль приказалъ вамъ подать.

Измовъ (*поспѣшно прочитываетъ и, съ скрытой досадой сжимаетъ записку въ руку, слуга :*) хорошо, ступай (*слуга уходитъ. Измовъ съ возрастающимъ гнѣвомъ бросаетъ записку на полъ*). — Нѣтъ, это уже слишкомъ! Теперь ужъ онъ считаетъ себя все дозволеннымъ!.. Какое униженіе!.. (*молчаніе*) Впрочемъ, что же? вѣдь онъ заплатилъ! купилъ меня...

Горничная (*изъ лѣвой двери*). Барыня васъ къ себѣ проситъ.

Измовъ (*съ хохотомъ*). — Вотъ и утѣшеніе! чудна ты, жизнь человѣческая!.. Ну — да въ сторо-

ну! все это мечта, а дѣло въ томъ, какъ-бы теперь отдѣлаться поскорѣе, да пойти за подставнымъ...

(Уходитъ въ лѣвую дверь).

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ (*входя, слугъ*): Здѣсь живетъ Ксенофонтъ Григорьевичъ.

СЛУГА. — Здѣсь.

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ. — Въ этихъ комнатахъ?..

СЛУГА. — Точно такъ-съ.

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ. — То есть въ этой комнатѣ онъ и живетъ...

СЛУГА. — Это его кабинетъ...

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ. — Кабинетъ. Хорошо. Я подожду. Да гдѣ же Ксенофонтъ Григорьевичъ?

СЛУГА. — У генеральши. Какъ прикажете объ васъ доложить?

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ. — Ничего! я подожду, а какъ выйдетъ, то скажи, что дискать чиновникъ по дѣлу.

(Слуга уходитъ).

КАБИНЕТНЫЙ ГОСТЬ (*одинъ, осматривается кругомъ, заглядываетъ на столъ, гдѣ лежатъ писанныя бумаги, въ шкапы, всюду*). Не дать бы промаха... Ужъ если Сыромятникова умѣлъ прибрать въ руки, то долженъ быть штука... что между ними такое? Ужъ не... (*Увидѣвъ на полу бумажку, поспѣшно поднимаетъ ее и развертываетъ*): А! рука Сыромятникова. Посмотримъ (*читаетъ*). «Марья Ивановна въ-самомъ-дѣлѣ немножко нездорова; я

посижу у ней часикъ , другою ; а ты , любезнѣйшій Ксенофонтъ Григорьевичъ , распорядись , чтобы ее не беспокоили . » Вотъ что ! а онъ у генеральши ! Какъ же я глупъ ! какъ было не догадаться ! (*махнувъ рукою*) извѣстная исторія ! (*кончаетъ записку и опять кладетъ на то же мѣсто*). — А видно , что простоватъ ! кидаетъ на полъ записки . Пощупаемъ .

(*Шумъ за дверью — Кабинетный гость поспѣшно становится къ стѣнкѣ*).

Измовъ (*входя*). — Ну ! взбѣсилась , проклятая ! (*увидѣвъ гостя*). Что вамъ угодно ?

Кабинетный гость (*кланяясь*). Извините , что осмѣлился беспокоить васъ...

Измовъ. — Безъ церемоній . Чѣмъ могу вамъ служить ? я , признаюсь вамъ , спѣшу...

Кабинетный гость. (*съ растановкою и удареніемъ на каждомъ словѣ , таинственно*). Я имѣю вамъ сказать одно весьма интересное для васъ , для васъ дѣльцо .

Измовъ. — Позвольте просить васъ въ гостиную...

Кабинетный гость. — Не беспокойтесь... я — гость кабинетный , я — ничто , я — губернской секретарь въ отставкѣ .

Измовъ. — Что жъ вамъ угодно ?

Кабинетный гость. — Я былъ у маклера Петрова...

И з м о в ъ (*испугавшись*). — У Петрова?..

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Точно-такъ, у Петрова... по собственному дѣлу...

И з м о в ъ. — Такъ что же? я не вижу...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Позвольте. Я нечаянно изъ маклерской книги усмотрѣлъ нѣкоторыя заемныя письма и въ слѣдъ за тѣмъ передачу ихъ...

И з м о в ъ. — Что вы этимъ хотите сказать...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Ничего! не безпокойтесь, я человекъ скромный... я только за тѣмъ, не нужно ли вамъ денегъ для оборотовъ?..

И з м о в ъ. — Денегъ?

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Сколько угодно и когда угодно.

И з м о в ъ. — Позвольте... ваше предложеніе такъ неожиданно... я не имѣю чести знать васъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — А за чѣмъ? вы и узнаете меня, а все не будете знать. Общій интересъ лучше всякаго знакомства. Впрочемъ, вы можете обо мнѣ развѣдать, я вхожъ къ очень значительнымъ лицамъ, — только меня въ гостиныхъ не видятъ, я — гость кабинетный...

И з м о в ъ. — Но... однакоже ваши условія.

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Позвольте мнѣ съ вами быть вполне откровеннымъ; я такъ тронутъ вашимъ добродушіемъ, что не могу вамъ не открыть, что вы дурно дѣлаете...

И з м о в ъ. — Что вы хотите сказать?..

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Позвольте, не безпокойтесь; т. е. не то, что дурно, а опасно. Вы даете день-

ги въ займы сыну, потихоньку отъ отца — очень хорошо! берете значительные проценты — прекрасно! пишете заемное письмо на чужое имя — превосходно!—эти заемныя письма переходятъ къ вамъ по передаточной надписи—нельзя лучше! Но вотъ-что худо, подвернется вамъ какой-нибудь бездѣльникъ, и продастъ васъ или умретъ прежде нежели совершитъ передаточную надпись...

И з м о в ъ. — Но вы знаете, берутся предосторожности.

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Все знаю, да сложно очень, и ужь потому опасно. Можетъ дойти до суда, а этого-то и надобно избѣгать. Сверхъ-того и потому опасно, что можетъ открыться прежде времени; вотъ какъ теперь, напримѣръ, небудь я человѣкъ нравственный, я бы пошелъ не къ вамъ, а прямо къ отцу и рассказалъ бы, что вотъ такъ и такъ...

И з м о в ъ. — Ваша правда, — я вамъ сердечно обязанъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Не безпокойтесь... къ тому же позвольте вамъ замѣтить, — вы человѣкъ умный и прямодушный, но извините, — вы еще неопытны; я вамъ доложу, что въ такихъ оборотахъ надобно дѣйствовать анъ грань... потому-что все маленькій рискъ есть, а ужь большая сумма совсѣмъ не то, во всѣхъ отношеніяхъ — понимаете?..

И з м о в ъ. — Понимаю. Но какъ же это?..

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Не безпокойтесь... я вамъ доложу : изволите видѣть, умный человѣкъ хоро-

шо; а два умныхъ человѣка — еще лучше; а трое и того лучше; а при нихъ можно маленькихъ имѣть на веревочкѣ...

Измовъ. — Я не совсѣмъ понимаю...

Кабинетный гость. — Не безпокойтесь — я вамъ доложу: на примѣръ, молодому человѣку нужно 20 тысячъ; заемное письмо пишется въ 40, — обыкновенно на многія лица — для нравственности; съ ними ужь я знаю, какъ вѣдаться, вамъ до этого дѣла нѣтъ; я выдаю молодому человѣку 20 тысячъ и вамъ 10.

Измовъ. — Десять! Позвольте, однако же, уже если дѣло пошло на откровенность — согласитесь, что такая сумма мнѣ отъ васъ почти даромъ — что-то подозрительно — я не могу понять въ эту минуту, но тутъ что-нибудь должно быть...

Кабинетный гость. — Не безпокойтесь... Тутъ расчетъ вѣрный и я ничего не теряю и не могу потерять. Емельянъ Андреевичъ человѣкъ умный, ведетъ свои дѣла аккуратно и осторожно; онъ имѣнія не промотаетъ, дѣтей у него больше не будетъ...

Измовъ. — За это не отвѣчайте...

Кабинетный гость. — Да! точно — виноватъ! да что нужды, лишнія дѣти, больше страха, слѣдственно, и сумма увеличивается по расчету; — такъ изволите видѣть, я вамъ хочу доложить, что тутъ ничего быть не можетъ; дѣло чистое и ясное; я даю 20 тысячъ молодцу, и 10 тысячъ вамъ; но эти 10 тысячъ не теряются, потому-что мнѣ обезпечены не

40 тысячъ, а съ процентами и гораздо болѣе, какъ сами изволите знать...

Измовъ. — Все такъ, — но 40 тысячъ вы даете мнѣ почти даромъ...

Кабинетный гость. — То есть, оно не то, чтобы даромъ — я человѣкъ прямой и не хочу васъ обманывать; я вамъ доложу: во-первыхъ вы каналь...

Измовъ. — Такъ! но что жъ далѣе?

Кабинетный гость. — Во-вторыхъ, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, я ничто, я человѣкъ маленькій — у васъ есть связи съ человѣкомъ сильнымъ, — а у меня маленькія дѣлишки...

Измовъ. — Я этого ожидалъ — но какія дѣлишки? дѣлишки дѣлишкамъ рознь; за иныя можно и въ Сибирь създить...

Кабинетный гость. — Не безпокойтесь — мои дѣлишки совершенно чистыя... Вотъ я вамъ доложу: я на примѣръ занимаюсь учрежденіемъ разныхъ компаній, т. е. моего имени тутъ никогда нѣтъ; я только все przygotowляю и пушу въ ходъ, а ужъ тамъ другіе выхлопатываютъ что нужно, — я ужъ послѣ вхожу въ компанію, какъ акціонеръ; выгодны акціи — держу, невыгодны — продаю... а понимаете: для этого нужна поддержка...

Измовъ. — Ну, это еще и туда и сюда.

Кабинетный гость. — Сверхъ того доложу вамъ: я стряпчій; т. е. я по судамъ не хожу и бумагъ не пишу, а занимаюсь больше примиреніемъ и предупрежденіемъ тяжбъ...

Измовъ. — Это очень похвально и почтенно...

Кабинетный гость. — И очень полезно. Извольте видѣть, тяжбу выиграть трудно, еще какъ посудятъ. Нынче же по судамъ развелись философы, да литераторы, которымъ собственной пользы не толкуешь, — да и длится долго, да и нашему брату не слѣдуетъ съ судами связываться; то-ли-дѣло завязать тяжбу, а потомъ и примирить... потому-что, извольте видѣть, тяжбу иногда нельзя начать: знаешь, что она невыиграется, это знаетъ и заинтересованный, — но извольте видѣть, хоть тяжба и вздоръ, а молва все будетъ, а это не всякому пріятно... къ тому же тяжбу рѣшатъ однимъ манеромъ, а въ людяхъ все-таки будутъ говорить, что другимъ — кто же пойдетъ въ судъ справляться?

Измовъ. — Я догадываюсь, но вполне не понимаю...

Кабинетный гость. — Извольте видѣть, это очень просто: надобно взять хоть адрессъ-календарь, и отыскать какое имя позвончье, особливо изъ богатенькихъ, молоденькихъ, т. е. которымъ еще есть что потерять. А тутъ нужны веревочки: хорошо провѣдать, гдѣ онъ бываетъ, кто къ нему ѣздитъ, съ кѣмъ знакомство или дружбу ведетъ, нѣтъ ли интрижки — знаете, всякое бываетъ. Тутъ остается только выбрать, что можно изъ правды, да къ ней прибавить словечка три — не больше; вотъ вамъ и исторійка готова...

Измовъ. — Понимаю — но знаете ли вы, чѣмъ рискуете?

Кабинетный гость. — Ни чѣмъ не рискую! Тутъ, дѣло чистое: только надобно искусство и осторожность. Вотъ изволите видѣть, вы идете по улицѣ съ пріятелемъ подъ вечерокъ, и скажете мимоходомъ, какъ-будто въ разговоръ: «а такой-то вотъ-то-то сдѣлалъ, напримѣръ, «столько-то взятки взялъ», или: «да, у такого-то съ такою-то интрига», и прочее тому подобное; одно слово скажете здѣсь, а другое чрезъ 200 сажень; а эта вещь такъ приманчива, что къ концу недѣли всѣ эти клочки сойдутся, проростетъ новое — и потомъ набатъ...

Измовъ. — Ну, разумѣется, тутъ и другія средства, на прим. анонимныя письма...

Кабинетный гость. — Нѣтъ! опасно! ужь коли въ крайности нужно письмо, такъ очень полезно написать письмо къ одному лицу, какъ-будто въ отвѣтъ на его, а сдѣлать такъ, чтобы по ошибкѣ на адресъ, или другими средствами это письмо попало другому — это очень хорошее средство; хорошо также въ публичномъ мѣстѣ на ухо пошептать товарищу — а ужь это такая вещь, что непременно кто-нибудь подслушаетъ, — подслушалъ, и радъ — ну звонить...

Измовъ. — Ужасно! Но все я съ трудомъ вѣрю, чтобъ такой дьявольскій расчетъ всегда удавался.

Кабинетный гость. — Не всегда, но большею частію, — впрочемъ, можно и подстрекнуть; есть такіе сочинители: иному расскажешь анекдотъ, онъ его украдетъ, изукраситъ и напечатаетъ; а коли не такъ интересно, такъ есть другой: тому дашь бѣ-

ленькую, онъ и скропаеъ статейку, будто-бы статья о нравахъ, или происшествіе въ Испаніи, что ли, — а тутъ мы въ подмогу : « читали вы такую-то статью? чудо какъ хорошо ! что за слогъ чудесный ! сладко пишеть, бездѣльникъ, да говорятъ, истинное происшествіе, — и вотъ всѣ и читають, а всякой разумѣеть, что такое...

Измовъ. — Но, послушайте, господа, все это очень хитро, — ну, а какъ розыскъ, слѣдствіе, вѣдь законъ съ такими молодцами не шутить...

Кабинетный гость. — Ахъ, Ксенофонтъ Григорьевичъ ! умный вы человекъ, а будто не знаете, что законъ для того, кто подъ законъ подходитъ ; ловкій человекъ никогда подъ законъ не подойдетъ. Кто распустилъ слухъ ? никто ! какъ никто ? да никто — всѣ говорятъ. Ну, разумѣется, попадется иногда какой фалалей, которому изъ сотни рукъ исторійка досталась, и который знай трезвонить, такъ, чтобъ только языкъ почесать ; хватъ туда, сюда ; да вздоръ, говорятъ, вѣдь эта исторія напечатана, романъ — иногда, сочинителя поколотятъ, — да ему это какъ съ гуся вода, да и человекъ бывалый — всегда вывернется.

Измовъ. — Ну, какъ же вы концы-то сводите...

Кабинетный гость. — Тутъ, сударь ты мой, ужъ и мы на сцену выступаемъ ; какъ протрезвонили по городу, и идешь къ молодцу ; коли знакомый по дѣлишкамъ — и того лучше ; если незнакомый, чрезъ значительное лицо передашь, а не то,

прямо прійдешь : «извините, дескать, ваше сіятельство или ваше превосходительство, вы меня не знаете: я человѣкъ маленькій, а я знаю и уважаю вашу особу потому-то и потому-то; — я пришелъ васъ предупредить; пріймите свои мѣры, на васъ такой-то просьбу готовить и въ ней будетъ то-то и то-то». Иной оторопѣеть, а иной нѣтъ — тутъ ужъ надобна сноровка, когда и что говорить; ну, и въсь надобно имѣть, кредитъ, да и видъ чтобъ былъ почтенный, скромный; ино-мѣсто рекомендательное письмо принесешь, а не то, копию будто-бы съ просьбы — да ужъ и пригонишь къ порѣ ко времени сказать : «знаете чтò, ваше сіятельство, послушайте маленькаго человѣка, — плюньте на бездѣльника, взять ничего не возьметъ, а замарать замараешь, и безпокойство вамъ, и непріятности, запутаешь онъ васъ; я знаю его, такой продувной: заткните ему собакъ горло.» — Вотъ тутъ молодець помнется, помнется, — мѣсяць, два, да и кончитъ мировую; а у насъ потомъ, разумѣется, дѣлежка...

Измовъ. — Это, что называется, спекуляція на соблазнъ...

Кабинетный гость. — Очень хорошо изволили выразиться, — мнѣ бы такъ не сказать. *Спекуляція на соблазнъ!* очень хорошо! однимъ словомъ изволили выразить, чтò я полчаса говорилъ. — Теперь изволите видѣть, Ксенофонтъ Григорьевичъ, — можете ли мнѣ вѣрить? — Я вамъ все открылъ, ничего не утаилъ — я теперь весь въ вашихъ рукахъ...

Измовъ.— Признаюсь вамъ, мнѣ ваша откровенность подозрительна — она не даромъ.

Кабинетный гость.— Разумѣется — не даромъ — я уже вамъ сказалъ, что мнѣ дорога поддержка, честное имя, кредитъ, чтобы важные люди меня знали...

Измовъ.— Но вы поступили неосторожно. Что, если я пойду и сейчасъ же донесу гдѣ слѣдуетъ про всѣ ваши славныя дѣянiя, расскажу, какого ядовитаго червяка общество питаетъ внутри себя...

Кабинетный гость.— А чѣмъ докажете?...

Измовъ.— Я расскажу все, что вы теперь говорили...

Кабинетный гость.— Я вамъ ничего не говорилъ; я маленькій человекъ, слабый, безсильный; — г. Измовъ хочетъ погубить меня, потому что я, какъ честный человекъ, въ чемъ значущія лица поручатся, — я хотѣлъ для нравственности предупредить генерала Сыромятникова, что г. Измовъ векселя его сына скупаетъ... отъ того г. Измовъ осерчалъ, выдумалъ Богъ знаетъ что. — Что мудренаго меня погубить? я человекъ маленькій, беззащитный (*плачетъ*).

Измовъ.— Ты ужасный человекъ!

Кабинетный гость (*съ улыбкою*). Нѣтъ, я философъ...

Измовъ (*съ насмѣшкою*). Любопытная система...

Кабинетный гость. — Очень простая, и заключается въ немногихъ словахъ: человѣку больше всего надобно — жить, а все прочее прикладное...

Измовъ. Знаете ли, какъ называютъ этихъ философовъ?...

Кабинетный гость. — А какъ-съ?

Измовъ. — Мошенниками...

Кабинетный гость. — Названія различныя бываютъ, смотря по обстоятельствамъ: ихъ называютъ иногда Картушемъ, Ванькой Каиномъ, а иногда Вольсеемъ, Ришльё, Талейраномъ...

Измовъ. — О, да вы, я вижу, человѣкъ ученый!

Кабинетный гость. — Почитываю газетки; — безъ этого нынче нельзя-съ; — придется иногда анекдотецъ рассказать, чтобы сильнаго человѣка потѣшить; сильный человѣкъ посмѣется, — а это все, знаете, этакъ... сближаетъ... ничѣмъ не надобно пренебрегать...

Измовъ. — Надобно признаться, что ты глубокий психологъ...

Кабинетный гость. — Нѣтъ-съ! я механикъ... Извольте видѣть, у каждаго человѣка къ сердцу привѣшана сотня веревочекъ, — иногда передержашь всѣ девяносто девять, а сердце ни съ мѣста; тронулъ за сотую, почти незамѣтную ниточку — сердчишко-то и затрепетало... *(Въ продолженіе этой рѣчи Измовъ задумывается — Кабинетный гость вдругъ перестаетъ говорить и опускаетъ глаза въ землю.)*

Измовъ (по нѣкоторомъ размышленіи). Ну, такъ какъ же?...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать : заемное письмо въ 40, молодцу деньгами 20, вамъ десять... вотъ извольте въ зада-токъ двѣ...

Измовъ. — Зачѣмъ же?...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Въ знакъ дружбы...

Измовъ. (вспыхиваетъ). Дружбы? съ тобою?

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — А какъ же? я думалъ, что вы согласны...

Измовъ. — Ну, а если бы я былъ не согласенъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Несогласны? — какъ вамъ угодно... кажется, до 11-ти часовъ Емельянъ Андреяновичъ принимаетъ?

Измовъ. — Что? ты хочешь силою вынудить меня быть за одно съ тобою...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Безъ сомнѣнія. Какъ? вы искусно вытянули изъ меня всѣ мои тайны, всѣ мои связи, всѣ мои виды...

Измовъ. — Я ни о чемъ тебя не спрашивалъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. — Все равно — я вамъ рассказалъ ихъ! — и вы думаете, что я бы сталъ рассказывать даромъ, не зная, что я дѣлаю, очертя голову... Но я вижу : вы шутите... вы человекъ умный — вы понимаете вещи здраво ; только позвольте вамъ дать два совѣта : первое, на семь свѣтъ надобно не только осторожно говорить и осто-

рожно молчать, да осторожно и слушать; а второе: или не надобно начинать, или, если ужь началъ, такъ продолжать...

Измовъ. — Ты правъ — послушай! не-ужь-ли въ тебѣ не осталось никакого чувства человѣческаго...

Кабинетный гость. — Мнѣ съ малыхъ лѣтъ не случалось ни въ комъ встрѣчать его...

Измовъ. — Не-ужь-ли ты не понимаешь, что въ нуждѣ, униженный, сжатый обстоятельствами, забитый въ грязь... я могъ рѣшиться разъ на обманъ, — но продолжать его постоянно, систематически! — вѣдь что ни говори, Сыромятниковъ мой благодѣтель...

Кабинетный гость. — *Благодѣтель!* — это, кажется, слово коммерческое — по-крайней-мѣрѣ я его часто слышу на Биржѣ, въ Гостиномъ Дворѣ — также; — а торговля, какъ читаютъ въ университетахъ — вы вѣрно слыхали — бываетъ разная: оптовая, различная, на деньги, мѣновая... Впрочемъ, вы справедливо замѣтили, что Емельянъ Андреяновичъ вашъ благодѣтель, и прибавлю еще, что онъ былъ и будетъ вашимъ благодѣтелемъ, и не только вамъ, но и... вашему семейству... Чтò вы вздрогнули? Ахъ, какъ вы еще не умѣете владѣть собою!.. вы видите, я все знаю, все... я не играю иначе, — какъ на вѣрняка...

Измовъ. — Ты правъ — я согласенъ...

Кабинетный гость (*вынимая изъ кармана двѣ тысячи*). Такъ возьмите же.

И з м о в ъ. Зачѣмъ же теперь? — еще успѣемъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Нѣтъ, — ужь сдѣлайте милость, теперь: они мнѣ... такъ-сказать, порука...

И з м о в ъ. Порука?

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Да! въ деньгахъ есть что-то особенное...

И з м о в ъ (*бросаясь въ кресло и закрывая лицо руками*). Ахъ! Фаустъ! Фаустъ! (*)

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Что съ вами? про кого это вы изволите говорить?...

И з м о в ъ. — Такъ! ничего! школьные бредни... давай деньги...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Теперь позвольте обнять васъ...

И з м о в ъ. — Нѣтъ! ужь отъ этого избавь...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Такъ позвольте поцаловать ручку...

И з м о в ъ. — Ты гадокъ...

К а б и н е т н ы й г о с т ь. Отъ-чего же? и это многимъ пріятно... Впрочемъ, какъ вамъ угодно; дѣло въ томъ, что теперь я вашъ, располагайте мной какъ угодно: нужны вамъ деньги — сколько хотите; нужно вамъ вывѣдать — вывѣдаю, разгласить — разгласю, продать кого — продамъ, купить — куплю, поставить силки — поставлю; — я вашъ слуга, вашъ рабъ, я ваша ищейная собака... только

(*) «Въ крови есть что-то особенное» говоритъ Мефистофель Фаусту, заставляя его подписать условіе съ адомъ.

не забудьте, когда будете сидѣть за большимъ столомъ — бросать ей подачку...

Измовъ. — Понимаю...

Кабинетный гость. Не гнушайтесь мною: — вы ничего не потеряли, а приобрѣли многое; слушайте, по какой бы дорогѣ вы ни шли, вы далеко пойдете — я это знаю, и чѣмъ пойдете вы дальше, тѣмъ больше я вамъ пригожуся... Я забылъ вамъ рассказать еще одно изъ моихъ занятій...

Измовъ. — Что? ужь не смертоубійство ли?

Кабинетный гость. О, нѣтъ! что вы? — я человекъ нравственный, — я по этой части не занимаюсь, — да и не извольте беспокоиться — оно не нужно. Нѣтъ-съ, — здѣсь, видите, совсѣмъ другое; бывають такіе случаи, что сильному человеку нужны деньги, а у просителя есть лишнее; нынче, видите строго — такъ черезъ секретаря опасно, потому-что ужь средство слишкомъ извѣстно; оно иное дѣло, если въ цѣломъ вѣдомствѣ доброе согласіе, такъ, знаете, лѣстницей — съ верху до низу, а безъ того опасно; да къ тому же, нынче люди деликатны: — хотѣлось бы и взять, и предъ подчиненнымъ честняка разыграть; вообще съ-глазана-глазъ — неприлично... люди совѣстливые; неприятно потомъ встрѣтиться съ тѣмъ, у кого изъ рукъ прямо деньги взялъ...

Измовъ. — Понимаю — такъ тутъ вы и являетесь посредникомъ...

Кабинетный гость. Нѣтъ-съ — просителемъ, — у меня всегда въ карманъ есть просьба о вспомо-

женія, потому-что я человекъ бѣдный, никакой недвижимости не имѣю; а ужъ знаете, тотъ, къ кому прійдешь, уже понялъ за чѣмъ; а тутъ все дѣло рѣшится дипломатически, т. е., съ полною откровенностію: «такое-то дѣло — сколько?» — столько? — «когда?» — тогда. И дѣло идетъ мимо секретарей и прочей челяди, тихо, спокойно, подъ видомъ особенной дѣятельности, ревизіи, или взысканія — что случится. Иногда и самъ проситель не знаетъ кому онъ далъ — да ему и нужды нѣтъ, было бы дѣло сдѣлано, а не то у меня есть списочки, по чемъ кто продается.

Измовъ. — И вамъ вѣрятъ съ обѣихъ сторонъ?..

Кабинетный гость (*наконецъ обидѣвшись*). Государь мой! смѣю васъ увѣрить, что никто такимъ кредитомъ не пользуется, какъ я... (*съ поклономъ*) — и какъ будетъ случай, вы сами увѣритесь въ моей честности...

Измовъ. — Я и не думалъ тебя обижать... ну! торгъ нашъ конченъ: — гдѣ же деньги для моего молодца?..

Кабинетный гость. Много ли?

Измовъ. — Да ужъ двадцать — пусть расплатится съ прежними долгами...

Кабинетный гость. Зачѣмъ? Ахъ, не приучайте его къ этому...

Измовъ. — Это правда... гдѣ жъ деньги?..

Кабинетный гость. Со мною...

Измовъ. Ну, вѣдь надобна вексельная бумага...

Кабинетный гость. Все здѣсь; никогда безъ того не выхожу; даже написано, только для именъ и чиселъ пробѣлы оставлены... какой-бишь это философъ говорилъ: «мое все со мною»?

Измовъ. Убирайся къ чорту съ твоими шутками...

Кабинетный гость. Отъ-чего нѣтъ? Я тако-го веселаго характера: чтò на сердцѣ, то и на языкѣ...

Иванъ Емельяновичъ (*вблгая съ шумомъ*). Ну, гдѣ же жидъ?..

Измовъ. У жида нѣтъ ни гроша...

Иванъ Емельяновичъ. Что ты? шутишь что ли? да мнѣ хоть пулю въ лобъ... Вѣдь это не что другое! вѣдь это карточный долгъ! вѣдь это на чести...

Измовъ. Успокойтесь — я нашелъ деньги...

Иванъ Емельяновичъ (*кидался къ нему на шею*). А, душенька!..

Измовъ. Только знаете чтò: вотъ этотъ почтенный господинъ (*Сердоболинъ низко кланяется*)... даетъ деньги, но говоритъ, что меньше двадцати тысячъ онъ не даетъ, для того, чтобъ были въ однихъ рукахъ...

Иванъ Емельяновичъ (*тихо Измову*). Фу! Фу! Фу! — да это славно!...

Измовъ. Но такія условія...

Иванъ Емельяновичъ. Условія — вздоръ! (Громко). Ну, гдѣ же заемное письмо?..

Кабинетный гость. Извольте-съ, все готово...

Иванъ Емельяновичъ. Да ужь карандашикомъ проиши какъ слѣдуетъ.

Сердоболитъ. — Извольте, сейчасъ...

Иванъ Емельяновичъ (подписываетъ). Какъ лихо подмахнулъ!.. Однакожь, позвольте прочесть, что такое я подписалъ (читаетъ съ разстановкою): «Я нижеподписавшійся занялъ у губернскаго секретаря Ивана Иванова сына Сердоболина денегъ государственными ассигнаціями сорокъ тысячъ рублей... Сорокъ тысячъ! а не двадцать?..

Сердоболитъ. Т. е. это такъ пишется...

Иванъ Емельяновичъ. Ге-ге-ге, братъ! Понимаю; то-есть, ты мнѣ дашь двадцать, а берешь письмо въ сорокъ...

Сердоболитъ. Не извольте беспокоиться; вѣдь это такъ на бумагѣ — для опасности... Вы вѣдь не отдѣленный... (сквозь слезы) тутъ все мое состояніе, что скопилъ на трудовую копейку, потомъ и кровью... могу всего лишиться... и еслибы не просьба Ксенофонта Григорьевича, ни за чтобы не согласился... а это такъ на бумагѣ... не-ужь-ли я этимъ воспользуюсь?..

Иванъ Емельяновичъ. Рассказывай, братъ! меня не проведешь! Знаешь, что я тебѣ скажу? что ты ужаснѣйшая бестія, да и Ксенофонтушка — тоже...

ИЗМОВЪ. — Вотъ и благодарность...

СЕРДОБОЛИНЪ (съ видомъ обиженнаго). Если такъ, Иванъ Емельяновичъ, такъ сдѣлайте милость — позвольте разорвать заемное письмо... между нами все дѣло кончено...

ИВАНЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ (не выпуская изъ рукъ заемнаго письма). Ну! ну!.. потише... на все согласенъ...

СЕРДОБОЛИНЪ. — Нѣтъ, сударь, ни за что! — и вы и я останемся спокойны.

ИВАНЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ. — Ну, полно же, говорятъ...

СЕРДОБОЛИНЪ. — Нѣтъ! нѣтъ! Вы можете въ самомъ дѣлѣ подумать, что тутъ что-нибудь есть такое... Я человекъ маленькій, но честный, сударь, — нажилъ честнымъ трудомъ и никогда себя не унижу...

ИВАНЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ. — Ну, Ксенофонтушка, да уговори его...

ИЗМОВЪ. — Вы и меня самого такъ обидѣли... за мое усердіе къ вамъ...

ИВАНЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ. — Ну! распѣтушились оба! Ну, чего вы хотите? Ну, виновать, виновать! простите — ну! (*ухаживаетъ за ними*).

ИЗМОВЪ. — Ну, ужь Богъ съ нимъ, Иванъ Ивановичъ; вѣдь онъ это такъ — безъ намѣренія...

СЕРДОБОЛИНЪ. — Ужь только для васъ, Ксенофонтъ Григорьевичъ, ради нашей старинной дружбы...

Иванъ Емельяновичъ. — Ну, идемъ же къ маклеру... мнѣ некогда...

Сердоболинъ. — Извольте; я сей-часъ за вами... вмѣстѣ выйдти намъ.. неудобно... Папенька...

Иванъ Емельяновичъ. — Ты правъ — такъ догоняй же меня — вѣдь тутъ на углу...

Сердоболинъ. — Точно-такъ съ — знаю...

(Иванъ Емельяновичъ уходитъ.)

Сердоболинъ *(Измову)*. Остальные восемь тысячъ...

Измовъ. — Ты меня ужасаешь своею довѣренностию...

Сердоболинъ. — Слишкомъ-много чести... Сдѣлайте милость, пройдите за мною въ переднюю и при слугахъ дайте мнѣ синенькую и общайте покровительство...

Измовъ.— Понимаю. *(Провожаетъ Сердоболина и потомъ возвращается въ раздумьи)*. А отъ-чего бы мнѣ самому не быть кабинетнымъ гостемъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

(Черезъ двадцать лѣтъ.)

Достижъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Ксенофонтъ Григорьевичъ Измовъ ; богатый, обрюзглый, хилый старикъ лѣтъ 60-ти, въ бархатномъ широкомъ сюртукъ и плюсовыхъ сапогахъ.

Богданъ Богдановичъ Лихвинзонъ — его пріятель и товарищъ, лѣтъ пятидесяти, но довольно вертлявый, съ порядочнымъ брюшкомъ, во фракъ, волосы крашенные и искусно прикрывающіе лысину.

Лиза и Эмилія — дочери Измова.

Иванъ Ивановичъ Сердоболдинъ, все такой же какъ во второмъ явленіи, посядѣль, но еще крѣпокъ по-прежнему.

Графъ Александръ Рельской, — молодой человекъ, неопредѣленной наружности, одѣтъ просто и щеголевато.

(Пріемная 1-го явленія. Лиза и Эмилія проходятъ черезъ комнату).

Лиза. — Такъ сегодня?

Эмилія. — Да, сегодня онъ явится, будто бы просить рекомендаціи; это ему дастъ средство и познакомиться и высказать, что онъ не нищій, что имѣетъ надежды...

Лиза. — Ахъ! какъ я боюсь за тебя...

Эмилия. — Не говори лучше... сегодня же папенька такой сердитый, какъ рѣдко бываетъ...

Лиза. — Не лучше ли отложить до другаго дня...

Эмилия. — Невозможно! — я не успѣю увѣдомить Александра — да и какъ писать къ нему? съ кѣмъ послать? Ты знаешь, какой папенька подозрительный! онъ во всемъ видитъ Богъ-знаетъ что, безпрестанно думаетъ, что его хотятъ обмануть, провести... если узнаетъ — бѣда, — тогда все рушилось...

Лиза. — Но какъ же ты получила это извѣстiе?..

Эмилия. — Чего бѣда не выдумаетъ! Александръ увѣдомилъ меня о своихъ планахъ черезъ журналъ...

Лиза. — Какъ черезъ журналъ?

Эмилия. — Да! онъ пишетъ повѣсти, печатаетъ ихъ въ журналъ, который мы получаемъ... вчера въ церкви, проходя мимо, онъ сказалъ своему знакомому: «посмотрите десятый номеръ» и поглядѣлъ на меня такъ, что я тотчасъ догадалась... Въ своей повѣсти онъ мнѣ разказалъ всѣ свои чувства, всѣ намѣренiя, — будто-бы говоря про другихъ. Я все поняла...

Лиза. — Постой... кажется папенька...

Эмилия. Ахъ, убѣжимъ скорѣе—онъ какъ взглянетъ на меня, все угадаетъ, все прочтетъ на моемъ лицѣ... *(убѣгаютъ; изъ противоположной двери выходитъ Измовъ).*

Измовъ (съ книгою въ рукахъ). Такъ! убъжали! видѣть меня не могутъ! Прекрасно, чёго сказать! я даже на нихъ навожу ужась... Проклятая книга! (бросаетъ ее на полъ)... точно какъ-будто кто-нибудь ей разсказалъ всю жизнь мою... ничто, ничто не забыто... и прежнія мечты — и первые приемы — и богатство, и этотъ несчастный... Охъ! страшный призракъ! вижу его, вижу, какъ-будто онъ передо мною... бѣдный, бѣдный Ванюша! вотъ онъ — на колыняхъ — ползаетъ, вымаливаетъ у меня кроху отъ отцовскаго добра... (съ хохотомъ). «Ничего не бывало! самъ проигрался, самъ и плати! вѣдь зналъ, что у тебя ни гроша за душою... зачѣмъ же игралъ! Впередъ наука!» — а тамъ, тамъ — пистолетный выстрѣлъ — разможженный черепъ!.. ужась! ужась!.. Ахъ, еслибъ я могъ уснуть! — И все исчезло! все умерло и я — одинъ, одинъ — вокругъ лишь кучи золота... ну, что жъ! ничто не перемѣнилось... я опять въ той же комнатѣ, — въ той же, въ которую едва смѣлъ войти, робкій, простодушный, чистый, невинный, когда было такъ тяжело и... такъ легко на душѣ... но все это вздоръ! бредни! мечта! — теперь я ужъ не то — я богатъ, я очень богатъ, — я силенъ; передо мной робѣютъ, мнѣ кланяются, — пестрядиннаго халата и въ поминъ нѣтъ, на мнѣ бархатъ, — да! бархатъ!.. — Что жъ, вѣдь я счастливъ... надобно пользоваться своимъ счастиемъ... а не унывать, — вѣдь я могу и еще разбогатѣть... есть чѣмъ заняться... (показывая на столъ съ бумагами) — вѣдь здѣсь не гроши, не ру-

бли, — здѣсь мильіоны! ге! ге! (*развертываетъ пакеты, лежащіе на столѣ*). Третная вѣдомость! посмотримъ : сто тысячъ чистаго барыша... ну! только-то!—я, признаюсь, ожидалъ больше; нѣ изъ чего было и рукъ марать. Это что еще: «Я сейчасъ только изъ чужихъ краевъ — и спѣшу, почтеннѣйшій Ксенофонтъ Григорьевичъ, препроводить къ вамъ настоящій пирогъ Regigneux—самъ на рукахъ везь.. увѣряю васъ»... Подлецъ! все добивается, чтобъ я еѳо въ часть принялъ... что за лакей! — радъ поги у меня лизать! — А! собственноручная записка князя : «... надѣюсь, почтенный и любезный другъ, — вы не откажете отобѣдать со мною съ глаза на глазъ... удобнѣе будетъ обо всемъ переговорить...» Давно бы такъ, ваше сіятельство! Что взяли, господа аристократы? видно понадобился пестрединный халатъ... то-то же...

Богданъ Богдановичъ Лихвинзонъ (*входя*). Поздравляю! поздравляю, почтенный Ксенофонтъ Григорьевичъ! — наша взяла (*обнимаются*).

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Какъ, неужь-ли нашъ проектъ...

Лихвинзонъ. — Въ полномъ ходу...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, ужь надобно признаться, что намъ бѣсъ помогаетъ... и скажите, никто хоть бы слово?.. никто не замѣтилъ въ чемъ вся штука?..

Лихвинзонъ. — Нѣтъ! вышла преуморительная исторія. Литераторы и философы видно спохвати-

лись, — слышу, толкуютъ — знаете, пустой народъ, даже и скрыть не умѣли: вотъ я къ Максиму Петровичу; говорю: такъ и такъ — надобно принять мѣры, а не то бѣда; а Максимъ Петровичъ въ отвѣтъ: «а вотъ послушаемъ, что еще скажутъ — будьте спокойны, не понять имъ нашей штуки вѣкъ — не при нихъ писано, — а если и почувютъ, можно всегда отклонить.» Вотъ прѣехали въ засѣданіе, — признаюсь, у меня на умѣ и одинъ и два; жду что будетъ; начали читать; Максимъ Петровичъ очень тонко на бездѣлушкахъ останавливаетъ, главное пропускаетъ, да похваливаетъ; вотъ, слышу, то съ той, то съ другой стороны: «да гдѣ же гарантія? — да это монополія? гдѣ же то и другое предвидѣно? — «А секретарь по словамъ Максима Петровича, какъ по писанному: «объ этомъ дальше будетъ» — да оплошалъ, не умѣлъ протянуть — смотрю, уже проектъ къ концу — опять между литераторами шушуканье, кто плечьми пожметъ, кто мигнетъ; — опять распросы: да гдѣ же то, гдѣ другое? А секретарь въ отвѣтъ: да ужъ объ этомъ прежде было...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ахъ, стара штука! нынче ужъ на это не поддѣнешь...

Лихвинзонъ. — Нѣтъ, ничего! очень хорошо обошлось; тѣ толкуютъ: «этого не было», — наши кричатъ: «какъ же? было, и очень ясно» — это не то значитъ — «нѣтъ, то»... Пошелъ споръ, путаница въ словахъ, въ статьяхъ; вотъ, смотрю, нашъ филантропъ-литераторъ разгорячился, да и брякнулъ:

«допустить это» говорить : «значить обманывать правительство.»

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ухъ!..

Лихвинзонъ. Какъ брякнулъ — что жъ? слышу молчаніе; бѣда да и только. Ужъ спасибо Максиму Петровичу — ни на минуту не потерялся; принялъ, знаете, свою почтенную, величавую осанку, понюхалъ табаку и говоритъ, знаете, своимъ простодушнымъ, откровеннымъ тономъ : «Милостивые государи! всѣхъ лицъ, здѣсь присутствующихъ, я имѣю честь знать болѣе 20 лѣтъ, — и за каждаго могу честью поручиться, что никто изъ нихъ обманщикомъ не былъ; слѣдственно, этотъ неожиданный репримандъ я долженъ принять единственно на свой счетъ; скажите, милостивые государи, можетъ, кто-нибудь и другой тоже про меня замѣтилъ, — а замѣтить было время, потому-что я уже сорокъ лѣтъ на службѣ!» — Литераторъ прикусилъ языкъ; ну отнѣкиваться — поздно — эффектъ былъ чудесный.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — И что же?..

Лихвинзонъ. — Говорю вамъ, эффектъ былъ сдѣланъ; пошли на голоса — большинство на нашей сторонѣ.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Славно!

Лихвинзонъ. — Такъ! Но знаете что, Ксенофонтъ Григорьевичъ, — намъ надобно принять рѣшительныя мѣры...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Что еще такое?..

Лихвинзонъ.— Да противъ литераторовъ... это наши сущіе враги; имъ никакъ не втолкуешь ихъ настоящаго интереса, все на амбициі, да на деликатности — то и дѣло ввернутъ и совѣсть, и честь, и пятое, и десятое — съ ними никакъ пива не сварить. Видите, въ прежнія времена ужь поговорка такая была: литераторъ — пустой человѣкъ; и во все концы ему дорога заперта, куда ни сунься; а ужь нынче не то — литераторы заняли мѣста, знаете какія; такъ пойдетъ — всѣхъ нашихъ выживутъ — а тогда плохо, — ужь никакихъ видовъ не будетъ; и теперь, посмотрите, какъ мѣшаютъ, еле какое дѣльцо проведешь, а что тогда-то будетъ?.. хоть землю пахай, Ксенофонтъ Григорьевичъ, право; вѣдь ужасъ подумать! Конечно, вообще теперь народъ деликатный, по однако жь, съ той ли, съ другой стороны какъ пибудь доберешься — возьметъ; а поди-ка къ этимъ молодцамъ, подъѣзжай-ка съ предложеньцемъ — въ рожу плюнуть. Встѣ и Максимъ Петровичъ «что всего хуже» говоритъ то, «что дѣло знаютъ, злодѣи; иногда, кажется, такъ искусно имъ подведешь, что самъ чортъ не разберетъ, такъ нѣтъ, пронохаютъ, такъ на болячку и попадутъ!» А не тѣмъ такъ другимъ: ино мѣсто, бывало, такую рѣчь сплетешь, что растягивай куда хочешь, всюду достанетъ, — а теперь, откуда ни возмись молодецъ, и въ штуку не вникнетъ, а такъ спроста — вишь задеретъ его правильность, да красота языка, нелегкая его возьми; и это слово не такъ, и то не этакъ, а вотъ это пе-

реставить ясности ради; — да такъ прояснить, что вся штука и выплыветъ, и ужь развѣ слѣпой ея не замѣтитъ.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ваши соображенія совершенно справедливы, — я ужь самъ это давно замѣчаю; объ этомъ надобно непременно подумать...

Лихвинзонъ. Какъ не подумать — и очень надобно подумать. Вотъ, я вамъ скажу мою мысль, Ксенофонтъ Григорьевичъ, какъ вы объ ней изволите посудить. Есть у меня знакомый сочинитель, то есть онъ не то, чтобы сочинитель, а такъ, знаете, на всѣ руки; жидъ-ли, Французъ-ли, Татаринъ — чортъ его знаетъ что онъ такое, только препродувная бестія. Я его на разныя продѣлки употребляю, благо ему ничего нѣтъ святаго. Вотъ, зашла рѣчь у насъ съ нимъ о той же матеріи; онъ и говоритъ: «Вы отъ того, господа, не можете справиться съ литераторами, что не такъ принимаетесь. Послушайте меня, человѣка бывалаго; я знаю этотъ народъ; напрямки вы съ нимъ схватитесь — не совладеете и на простую штучку не поддѣнете; тутъ надобно стороною.» — Мы къ нему: ну, какъ же стороною? — «Да, вотъ, говоритъ, господа, вы только меня поддержите, а ужь я вамъ службу сослужу; видите, тутъ надобно смѣтку; народъ горячій — того и гляди, что проврется; къ тому же, народъ печатный — а печать да письмо такая вещь, какъ уже давно замѣтилъ одинъ умный человѣкъ, — что благо были бы хоть двѣ строки, а на нихъ

всякую варіацію съиграешь. Вы только поддержите меня, а я ужь для васъ буду какъ гончая собака,— ни за что не измѣню, потому-что тутъ мой интересъ есть; я знаю этихъ деликатныхъ молодцовъ; они меня терпѣть не могутъ — потому-что я искусно мое дѣльцо обдѣлываю; чуждаются меня, въ грязь меня готовы втоптать—вишь, и нечистъ я, и черенъ, а по моему тѣмъ лучше: кого ни трону — замараю; а это дѣло не такъ трудно; вы только укажите мнѣ молодца, который вамъ солонъ пришелся; если онъ двѣ строки напечаталъ — онъ мой! я объ немъ статейку, такъ, маленькую, чтобы пичего не говорила и чтобы все говорила; а не то разберу по косточкамъ каждое слово; что ни попадется—все пойдетъ въ прокъ: и опечатка, и не опечатка; ужь въ эту статейку я вверну штучки, а вы ихъ и хватайте, потому что если слишкомъ явно, то опасно. Только, господа, не отставать; я скажу слово, а вы — два; я скажу: «это противъ грамматики», а вы кричите: «безграмотный» — я скажу: «противъ вкуса», — вы кричите: «ужасъ! безиравственность!» — я скажу: «философія» а вы кричите: «противъ общественнаго благосостоянія», да кричите не въ одномъ концѣ, а въ разныхъ... и увѣрю васъ, что съ усердьемъ, да съ умѣньемъ такъ молодца пашингуете, что съ головы не стрясетъ, цѣлый вѣкъ бороздить ему будетъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Я это знаю; и у меня есть человѣчикъ, который на такія дѣла собаку съѣлъ...

Лихвинзонъ. — Такъ чего-же лучше? Надобно соединить усилія ; только мой молодецъ говоритъ : «и мнѣ помогите, господа, чтобъ меня не взнуздали, чтобъ мнѣ дорогу не перебивали и было бы мнѣ просторно.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — О! это разумѣется...

Лихвинзонъ. — Да и знаете, говоритъ, какъ прійдетъ вамъ плохо , такъ вы заведите рѣчь обо мнѣ ; — литераторы народъ раздражительный, — совѣмъ ихъ съ ума сведете ; они объ совѣсти, — а вы : гармонія словъ ! они о чести — а вы заговорите объ иноземныхъ умствованіяхъ ; такъ дѣло и поїдетъ ; вы про меня : «его же братъ литераторъ говоритъ», а я про васъ : «публика говоритъ»... да что съ вами , Ксенофонтъ Григорьевичъ ?..

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Такъ, ничего ! что-то мнѣ нездоровится... пройдетъ... вы говорите правду ; надобно этому конецъ положить , а то, въ самомъ-дѣлѣ, мы очень будемъ стѣснены. Пригласите-ка на вечерокъ Максима Петровича , такъ мы вмѣстѣ положимъ на мѣрѣ какъ и съ кого начать ?

Лихвинзонъ. Да , ужь что басурмановъ жалѣть, — ужь всѣхъ — оно и ловчѣе будетъ ; они же говорятъ, что все у насъ компаніи , да компаніи , — такъ мы ихъ же слово, да имъ же въ пику ; «вы-де, батюшка , такого-то уважаете?» — какъ не уважать — «а! такъ стало быть вы съ нимъ въ пріязни , стало

быть, у васъ связи? Тутъ что-то не даромъ; рука руку моетъ, — тутъ питаются мысли такія, эдакія, — ученіе, философія...» — ну, и мало ли что прибрать можно. Однакожь пора, — я пріѣхалъ къ вамъ на часочикъ — да и заболтался, — такъ до свиданія... А вы подумайте объ этомъ, а Максима Петровича я предварю... ужь то-то дадимъ гонку... Прощайте... (*уходитъ*).

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — До свиданія... экая болтовня... а говоритъ правду... (*садится въ кресла и задумывается*).

Лакей (*входитъ*). — Чиновникъ какой-то пришелъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*съ сердцемъ*). — Кто еще тамъ?..

Лакей. — Говоритъ, съ письмомъ отъ Лянсинова.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, зови его.

(*Входитъ Рельскій*).

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Что вамъ угодно?

Рельскій. — У меня письмо отъ Григорія Павловича Лянсинова.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Пожалуйста (*читаетъ небрежно*). Вы ищите мѣста... я не знаю, за чѣмъ Григорій Павловичъ адресовалъ васъ ко мнѣ; вѣдь я человѣкъ не служащій...

Рельскій. — Григорій Павловичъ полагалъ, что ваши связи ..

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, конечно... я это зналъ... вы имѣете состояніе?..

Рельскій. — Надежды...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — То-есть, вы надѣетесь, что кто-нибудь изъ вашихъ родственниковъ умретъ и вамъ оставитъ наследство — это очень похвально, молодой человѣкъ...

Рельскій. — Я этого не могу не знать; мой дядя и благодѣтель открыто назначилъ меня наследникомъ всего своего имѣнія...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — И довольно значительнаго?

Рельскій. — Сорокъ тысячъ дохода...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Недурно! А теперь онъ даетъ вамъ?

Рельскій. — Пять тысячъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — А молодому человѣку хотѣлось бы немножко побольше?..

Рельскій. — Нѣтъ! съ меня пяти тысячъ довольно...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Довольно?.. такъ стало быть честолюбіе...

Рельскій. — Нѣтъ! я не честолюбивъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Я, признаюсь, васъ не совсѣмъ понимаю; если вы не честолюбивы, — съ вашимъ именемъ, съ вашимъ достаткомъ, съ вашими связями, вы бы могли жить припѣваючи, за чѣмъ же вы хотите служить?..

Рельскій (сѣ нѣкоторымъ пафосомъ). Скажу вамъ откровенно — я имѣю объ этомъ предметѣ свое мнѣніе: мнѣ кажется, что въ этомъ свѣтѣ тѣ люди не лишніе, для которыхъ служба не одно средство для постороннихъ цѣлей...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — А! вѣрно у васъ наготовѣ тысяча проектовъ преобразованій, улучшеній... не такъ-ли?..

Рельскій. — Нѣтъ; вѣроятно, я неясно выразился; я хотѣлъ сказать, что полезны тѣ люди, которые рѣшатся просто, безъ лишнихъ выдумокъ, по добросовѣстно и честно исполнять свое дѣло, какъ оно есть — не изъ корысти, не изъ тщеславія, но по естественному чувству святаго долга...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Позвольте, позвольте — вы вѣрно литераторъ?..

Рельскій. — Да-сѣ, я занимаюсь немного литературою...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — И вы пишете?

Рельскій. — Пока повѣсти...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — И вѣрно сатирическія...

Рельскій. — Сатирическія, фантастическія, какъ прійдется по расположенію духа...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (сѣ скрытою досадою). — Позвольте спросить, ужь не ваша ли эта повѣсть: «Взяточникъ», вотъ въ последнемъ журналѣ?..

Рельскій. — Моя-сѣ.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Кого это вы хотѣли описать?.. скажите откровенно.

Рельскій. — Помилуйте... вы знаете лучше моего, возможно ли какое либо лицо живьемъ перенести на бумагу — уже не говорю, что это былъ бы пасквиль, на что не всякій рѣшится, — но вы знаете, что такая копія литературно-невозможна... она выйдетъ и суха, и безжизненна.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Однакоже, что-нибудь навело васъ на эту мысль...

Рельскій. — Какъ мнѣ отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ? Вы знаете : матеріалы сказочника вездѣ : на улицѣ, въ воздухѣ, — а всего больше въ его собственной душѣ, — а она въ нѣкоторыя минуты получаетъ чудную силу навѣрное угадывать то, чего и не видала...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*внѣ себя*). — И вы, милостивый государь, — вы хотите, чтобъ въ васъ приняли участіе, а питаете такія безнравственныя мысли?..

Рельскій. — Безнравственныя, сударь, — это слово слишкомъ сильно — Богъ видитъ мою душу...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Еще вы хотите оправдываться... вы выводите на сцену отца семейства, который беретъ взятки, отдаетъ деньги въ ростъ, обкрадываетъ жену, обманываетъ собственныхъ дѣтей, даетъ имъ превратное воспитаніе... отца семейства, почтеннаго чловѣка — подумали ли вы объ этомъ?..

Рельскій. — Я хотѣлъ представить въ лицахъ очень простую истину : что безсовѣстный человѣкъ не можетъ быть ни добрымъ супругомъ , ни добрымъ отцомъ семейства...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — То есть, вы хотите подорвать всѣ семейственныя связи...

Рельскій. — Нѣтъ, сударь, онъ укрѣпится, когда безсовѣстные люди получаютъ убѣжденіе , что они, развративъ, загрузивъ свою душу, сами захлопнули дверь всѣмъ домашнимъ радостямъ, всѣмъ семейнымъ утѣшеніямъ , для которыхъ необходимо — цѣломудріе сердца...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*въ самозабвѣніи*). Очень цвѣтисто сказано , милостивый государь , — вы, молодые люди , всегда думаете , что открыли что-то новое, неслыханное, — увѣряю васъ, что всѣ эти мысли очень стары....

Рельскій. — И очень — онъ ведутся со временъ Сократа...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*приходя въ себя*). Такъ... я ожидалъ, что Сократъ тутъ явится на сцену...

Рельскій. — Я бы могъ вамъ назвать еще кое-кого другаго...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Лучше скажите мнѣ, кто васъ-то поставилъ надзирателемъ при человѣческомъ родѣ?...

Рельскій. — Спросите лучше, зачѣмъ Богъ позволяетъ сердцу сжиматься при видѣ явной подлости, или безстыднаго лицемѣрія...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Такъ отъ того, что ваше сердце сжимается что-ли — вы почитаете себя вправъ нападать на нравственность?

Рельскій. — Нѣтъ, сударь, — но на *лицемѣріе нравственности*, на злоупотребленіе самыхъ священныхъ словъ, которыми негодяи играютъ какъ въ кости — гдѣ больше очковъ?...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — А я вамъ все-таки скажу — не наше дѣло, сударь, — на то есть законы...

Рельскій. — Законы настигаютъ порокъ тогда, когда порокъ оплошалъ, когда съ него свалилась личина — о, тогда ему нѣтъ пощады, — но до того? у безстыднаго корсара множество флаговъ наготовѣ — подниметь какой угодно; — въ трюмъ запряганы пушки, топоры и живое мясо; — спросите: куда онъ? за чѣмъ? — за прѣсной водою. — Не оскорбляйте почтеннаго негоціанта подозрѣніемъ, вѣдь онъ отецъ семейства, — вы смутите его, — вы ему помѣшаете, — тамъ, далеко, въ подводной части еще не всѣ жертвы ограблены, еще не всѣ изуродованы...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Какое поэтическое сравненіе... что-же, вы тутъ въ родъ брандвахты что-ли?...

Рельскій. — О, сударь, не смѣйтесь надо мною — я вамъ говорю отъ души, а душа моя такъ полна въ эту минуту, что стараюсь передать ее какъ ни понало... да! вы сказали правду — честная литера-

тура — точно брандвахта, аванъ-постная служба среди общественнаго коварства; она не сдѣпляется съ разбойникомъ — она смотритъ въ подозрную трубку, она говоритъ: «остерегайтесь — здѣсь корсары — *не върьте флагу!*..» и только.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Прекрасно — право недурно — сравненіе выдержано до конца...

Рельскій (*разгорячившись*). Нѣтъ — я не хочу вѣрить, что вы смѣтаетесь надо мною; вы понимаете, вы должны понять меня; я вамъ говорю откровенно, что на душѣ — я бы такъ хотѣлъ, чтобы вы меня вполнѣ узнали... нѣтъ! вы человѣкъ образованный, всѣми уважаемый — вы не можете охуждать меня за то, что я не равнодушенъ ко злу — это знакъ, что я не равнодушенъ къ добру...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*въ невольномъ смущеніи отворачивается въ сторону*). Не ужь-то эта болтовня можетъ смутить меня? (*Къ Рельскому*) — Все такъ, но зачѣмъ писать? зачѣмъ писать? это какъ-то неприлично ни вашему званію, ни вашему положенію въ свѣтъ, — на это ужь есть такіе особые люди, сочинители, — мале-ли ихъ — пусть ихъ пишутъ, и дѣло съ концемъ, а ваше дѣло сторона...

Рельскій (*съ возрастающимъ жаромъ*). Но много-ли такихъ, которые понимаютъ вполнѣ чистоту своего призванія! а сколько... что, въ угоду толпѣ, для мелкихъ выгодъ, тащатся по колеѣ, избитой нахальными страстями, ползучими

предразсудками, съ умысломъ смѣшиваютъ значеніе словъ и въ туманѣ лженравственности губятъ и мысль неподкупную, и чувство неподдѣльное, и счастье человѣка. А между-тѣмъ, подъ этой защитой, въ тиши домашняго крова, съ сладкою нравственною рѣчью на устахъ, порокъ спокойно припадаетъ къ самому корню святыни, подтачиваетъ, сосетъ его и заражаетъ юныя отрасли на нѣсколько поколѣній... приходитъ время, предъ очи людей предстаютъ нежданная преступленія! съ изумленіемъ спрашиваютъ: гдѣ былъ зародышъ зла? какъ скрылось оно подъ благовидной личиной? кто научилъ человѣка художеству лицемѣрія и притворства? кто растлилъ человѣка въ святыхъ нѣдрахъ семейства? кто довелъ его до полного разврата, до самоубійства?...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*вздрагиваетъ*).

Рельскій. — Но когда порокъ предупрежденъ отважнымъ прорицаніемъ, иногда посылаемымъ съ неба, — тогда порокъ обезсиленъ; онъ почувалъ, что завѣтная тайна его открыта, — что всѣ силы, всѣ блага міра, всѣ лживыя рѣчи не смыли съ него печати отверженія; онъ смущается, трепещетъ — важная побѣда! — еще шагъ—и для него настанутъ угрызения совѣсти...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*въ смущеніи и досадѣ*). Будетъ, будетъ, милостивый государь, — вы не на ораторской кафедрѣ; — я вижу къ сожалѣнію, что всѣ мои увѣщанія бесполезны; — что

вы упорствуете въ вашемъ умничаньи — въ такомъ положеніи, я ничего не могу для васъ сдѣлать... не хочу потворствовать безнравственности... подите, подите, милостивый государь.

Рельскій (*въ отчаяніи*). Все потеряно (*уходитъ*).

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*одинъ*). — Ушелъ — сорванцы! негодяи! шпионы! вотъ всѣхъ бы ихъ такъ! просторнѣе-бы на свѣтъ было... а то пошевелиться нельзя... такъ и смотрятъ, такъ и подмѣчаютъ... а ужъ если дѣло открытое — извѣстно ужъ не дѣло. Имъ только изъ пустаго въ порошокъ пересыпать, а вѣдь тутъ не шутка — мильіоны... (*невольно вздрогнувъ*) — мильіоны и... преступленія... (*задумывается*) Бѣдный молодой человѣкъ! онъ говорилъ съ такою искренностію... и я такъ говаривалъ. здѣсь же — въ этой самой комнатѣ .. т. е., когда я умиралъ съ голода и холода... все это были мечты... разумѣется, мечты... (*старался скрѣпить*) да что я въ самомъ дѣлѣ? — чего я смутился?... (*показывая на бумаги*) вотъ дѣло... (*беретъ бумаги и черезъ минуту бросаетъ ихъ*) а нѣтъ сидѣть заняться... этотъ болтунъ совсѣмъ меня съ толка сбилъ... ну, смѣлѣе (*развертываетъ счеты*): «полугару... ведеръ...» нѣтъ, не могу... къ чорту бумаги... хоть бы выпить чего-нибудь... нѣтъ! и такъ мнѣ что-то нездоровится... да еще та бѣда! хмѣль меня не радуетъ .. отъ вина мнѣ только грустнѣе... и... страшнѣе... начнутъ чудиться разныя фигуры... вотъ какъ вспомню объ

этомъ... такъ, кажется, и вижу.. даже мнѣ страшно одному въ комнатѣ оставаться... вотъ такъ кажется и смотритъ изъ-за угла... это онъ! Ванюша! Ванюша! мнѣ страшно... мнѣ — холодно... (*вскрикиваетъ*) что это я! что это! вѣдь это неприлично... можетъ войти ктонибудь... а все одному страшно... позвать... кого? за чѣмъ?... да... вѣдь у меня есть дѣти... (*съ хохотомъ*) у меня есть дѣти... какъ странно! я и забылъ... они могутъ, они должны... утѣшать, забавлять меня... Эй! дѣти! дѣти! Лиза! Эмилиа.

Лиза и Эмилиа (*вбѣгаютъ*).

Что вамъ угодно?

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*стараясь принять спокойный видъ*). Ну,—что... хоть бы пришли навѣстить меня... когда-нибудь...

Эмилиа. Мы боялись обезпокоить...

Лиза. Вы не приказываете по утру...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну! наладили свое: «боялись обезпокоить — не приказываете по утру приходиться...» да если я такъ и приказываю, то все-таки дѣтское сердце должно-бы... вѣдь я ужь старикъ... нѣтъ чтобы подумать: можетъ-быть старику одному скучно... да! мнѣ скучно, — очень скучно... ну, что жь вы стали?... ну! утѣшайте, забавляйте меня, пляшите, дѣти (*подпираетъ боки руками — дочери смотрятъ на него съ удивленіемъ*) ну, что жь вы стоите, ну, чтоже? да ска-

жите хоть слово... не-ужь-ли вамъ дѣтское чувство ничего внушить не можетъ?...

Эмилія. — Не прикажете-ли — я вамъ почитаю что-нибудь...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, а что бы такое... какой-нибудь вздоръ...

Эмилія. — Нѣтъ, вотъ есть превеселая, пресмѣшная повѣсть : Взятчикъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*съ притворнымъ хладнокровіемъ*). Стало-быть, ты ужь читала ее...

Эмилія. — Да-съ - читала.

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Ты читала? Такъ вотъ вы чѣмъ занимаетесь въ своей комнатѣ — вотъ отъ чего вы ко мнѣ глазъ не кажете... отъ того, что читаете безнравственныя, безбожныя книги... Да прилично-ли это вамъ? да и кто вамъ дозволилъ? — Взятчикъ! взятчикъ! вотъ какія у нихъ мысли... да на что это похоже?... это мнѣ на зло, что-ли? вотъ отъ чего въ васъ нѣтъ ко мнѣ чувства...

Эмилія. — Батюшка! я никакъ не думала...

Лиза. — Мы бы такъ хотѣли... занять васъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Полно! полно! я знаю васъ насквозь... въ глаза льстите... а на сердць-то что у васъ?...

Эмилія. — Клянусь вамъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Не клянись... что клятва! ничему не вѣрю... видишь, читаютъ книги, повѣсти, — а въ книгахъ все на смѣхъ выводятъ почтенныхъ людей, которые занимаются *дѣломъ* — служащихъ, хозяевъ, капиталистовъ... если-бъ въ васъ было чувство, да должное почтеніе, вы бы въ руки не взяли такихъ книгъ... а онъ вамъ внушаютъ всякую дребедень... вотъ отъ чего вамъ страшно и подойти ко мнѣ — отъ того что у васъ совѣсть нечиста... я чай разсуждаете обо мнѣ... сравниваете, — за чѣмъ и то и сѣ, и пятое, и десятое, и боитесь меня, и пятитесь отъ меня... взяточникъ! взяточникъ! да какъ вы смѣете... произносить такое безнравственное слово?...

Эмилія (*внѣ себя*). Я никогда не полагала, чтобы вы были...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Чтобы я былъ, что? взяточникъ... этого только не доставало! — вонъ! вонъ отъ меня, змѣи — чтобы духа вашего не слышно здѣсь было... (*Эмилія и Лиза въ ужасъ убѣгаютъ*). Вотъ моя и потѣха (*бросается въ кресла*) — вотъ она! — Въ домъ у меня враги, обвинители, доносчики, порицатели... вотъ, живи, трудись, копи деньги... вотъ какая награда — вотъ оно что! — охъ! тяжело! задыхаюсь... боюсь сойдти съ ума — право... когда былъ моложе, находилъ развлеченіе... тогда, бывало, вино, женщины — и все забылъ, все... а теперь — теперь... ну, чѣмъ себя потѣшить!...

СЛУГА (входит).

Губернскій Секретарь Сердоболинъ.

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ (*сердито*).

Кто ?

СЛУГА. — Сердоболинъ...

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ. — А! — да — зови его...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ Сердоболинъ (*въ черномъ фракѣ, въ плёрёзахъ — почитательно кланяется*).

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ. — А! здравствуй, Иванъ Ивановичъ! что ты пропадалъ...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ (*хныкая*). Боялся васъ беспокоить...

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ. — Что ты, братецъ... мы съ тобой не два дня знакомы...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ. — Вы всегда такъ заняты... и гости у васъ...

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ. — Да кой чортъ съ тобой? отъ чего ты хныкаешь... новыя плутни что ли?...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ. — Семейное несчастье...

КСЕНОФОНТЪ Григорьевичъ. — Да какое у тебя семейство?...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ. — Братецъ... единственный братецъ извоилъ скончаться...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Да что это я никогда не слыхалъ, чтобы у тебя былъ братъ?..

Иванъ Ивановичъ. — Гдѣ вашему превосходительству знать насъ маленькихъ людей...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Да полно передо мною комедіи-то разыгрывать... вѣдь я тебѣ не таковскій дался... просто не было у тебя брата... ты лжешь...

Иванъ Ивановичъ. — Какъ можно! братецъ — единственный братецъ... Губернскій Секретарь Иванъ Ивановичъ Сердоболинъ... вотъ и похороны были (*хныкаетъ*).

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Какъ? также Иванъ?..

Иванъ Ивановичъ. — Да-съ! и къ тому же Ивановичъ и Губернскій Секретарь...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Да что за странность — отъ чего васъ однимъ именемъ называли...

Иванъ Ивановичъ. — Такъ отцу заблагоразсудилось — умный человекъ былъ покойникъ — говорилъ : на что нибудь пригодится...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Довольно странная мысль...

Иванъ Ивановичъ. — Я къ вамъ, Ксенофонтъ Григорьевичъ, по важному дѣлу...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну что, еще... признаюсь тебѣ, мнѣ всѣ дѣла надоѣли, пора кончить... будетъ...

Иванъ Ивановичъ. — Такъ-съ... однако есть дѣла...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, говори, что такое, да поскорѣе...

Иванъ Ивановичъ. — Не извольте беспокоиться... вотъ я хотѣлъ вамъ объяснить, что послѣ покойнаго брата остались нѣкоторыя бумаги, письма.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну, что жь ты въ нихъ нашелъ? кладъ, что-ли?

Иванъ Ивановичъ. — Бумаги до васъ относящіяся, письма вами писанныя...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Къ твоему брату? ты съ ума сошелъ! Я не зналъ, что онъ и на свѣтъ есть...

Иванъ Ивановичъ. — Однакожь на письмахъ надписи: Ивану Ивановичу Сердоболину...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — То есть письма къ тебѣ...

Иванъ Ивановичъ (*не слушая*). Бумаги все очень опасныя...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ты вѣрно держалъ ихъ у брата... на всякой случай... хорошъ братецъ — да ты вѣдь могъ его упечь въ Сибирь... Теперь не знаешь, куда съ ними дѣваться, что-ли?... боишься осмотра — приноси ко мнѣ — ужь у меня осматривать не будутъ...

Иванъ Ивановичъ. — Я до дѣлъ покойнаго брата никакой прикосновенности не имѣю... но вы, Ксенофонтъ Григорьевичъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Что такое? — да говори яснѣе — ничего не понимаю...

Иванъ Ивановичъ. — Скажу вамъ откровенно, эти бумаги могутъ васъ важно компрометировать...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Меня... а отъ чего бы такъ! какія есть бумаги, сдѣлки — такъ отъ нихъ можетъ быть худо развѣ тебѣ...

Иванъ Ивановичъ. — Я тутъ ни при чемъ... какія были сдѣлки, за нихъ отвѣчаетъ покойный братецъ, а я только по немъ наследникъ, — но есть ваши собственноручныя записки.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Ну ужь братъ, моихъ записокъ не бойся, — онѣ такъ писаны, что самъ чортъ не разберетъ объ чемъ дѣло...

Иванъ Ивановичъ. Такъ-съ — если читать одну записку, но если прочесть всѣ, да свести, — такъ можно добратъся до многого... братецъ же былъ человекъ аккуратный; за 20 лѣтъ всѣ записки ваши сберегъ, номера и числа на нихъ повывставилъ.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Полно финтить, братъ — вѣдь мы другъ друга давно знаемъ... говори просто, къ чему ты ведешь всѣ эти розсказни.

Иванъ Ивановичъ. — Я думалъ, Ксенофонтъ Григорьевичъ, — что вамъ будетъ пріятно купить эти записки за 100 тысячъ — это вѣдь для васъ бездѣлица...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — А! понимаю! — и до меня дошла очередь! спекуляція на соблазнъ...

Иванъ Ивановичъ (съ поклономъ). — Точно такъ, какъ вы изволили выразиться...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Противъ меня — Иванъ Ивановичъ! ай да спасибо! — Слушай, братъ Сердоболитъ — скажу тебѣ на прямки: была пора и прошла, а теперь другая. Меня, братъ, на такую штуку не поддѣнешь — ты самъ не остерегся; ты мнѣ всѣ свои тайны открылъ — понимаешь?..

Иванъ Ивановичъ. — Пожимаю-сь,...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — И послѣ этого что удавалось тебѣ надъ другими, — ты хочешь испытать надо мною? устарѣлъ ты, братъ, поглупѣлъ; выдумай что-нибудь по новѣе, — а не такое, гдѣ я могу напередъ тебѣ какъ по писанному рассказать каждый шагъ твой и..., говорю тебѣ еще разъ: была пора и прошла! теперь: прежде нежели ты заикнешься, я тебя въ бараній рогъ согну, — и туда упеку, куда воронъ костей не уносилъ!... понимаешь. А денегъ тебѣ отъ меня не видать ни копейки, какъ ушей своихъ. Штъняй самъ на себя! вѣдь я твой ученикъ — и ученикъ понятливый; а ты не остерегся, слишкомъ завлекся, — все мнѣ повысказалъ...

Иванъ Ивановичъ. — Такъ-сь! вы очень справедливо изволите объясняться, что я вамъ все открылъ, — только-сь, оно и все, и не все...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — А что еще? объяви-ка — посмотримъ — кто кого перехитритъ?..

Иванъ Ивановичъ. — Я не знаю-съ — вы, можетъ-быть, отъ того такъ разсуждаете, что у васъ есть отвѣты, которыми можно объяснить записки въ вашу пользу...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Отвѣты! ахъ бездѣльникъ! это правда! ты всегда самъ прибѣгалъ съ отвѣтомъ.

Иванъ Ивановичъ. — Изъ усердія къ вашему превосходительству...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Правда, бездѣльникъ — но не совсѣмъ! твоихъ отвѣтовъ на письмѣ нѣтъ, — но есть твои подписи на разныхъ бумагахъ... и если уже на то пошло — то знай, — что если я и поскользнусь — то только что поскользнусь, — но ты полетишь въ преисподнюю..

Иванъ Ивановичъ. — Такъ-съ! доброе намѣреніе! — такъ пожалуйста ужь мнѣ двѣсти тысячъ за ваши записки...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Что ты шутишь что-ли со мною!

Иванъ Ивановичъ. — Нѣтъ, Ксенофонтъ Григорьевичъ, а предостерегаю; о какихъ бумагахъ вы изволите говорить, я не знаю; — какія есть подписи — тѣ не мои, ихъ покойный братецъ за меня подписывалъ, — такая сдѣлка у насъ была, — потому что, я человѣкъ откровенный, долженъ открыть

вамъ, что братецъ былъ отъ природы слабоуменъ и склоненъ къ крѣпкимъ напиткамъ... но впрочемъ подъ опекой не былъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Не дурно! . артистъ!.. мошенникъ!..

Иванъ Ивановичъ. — Я по братцѣ единственнымъ наследникомъ... бумаги не у меня были, а у брата за его печатью — сердце пронзенное стрѣлою, — всѣ ее знаютъ, — подсмѣивались, бывало... и записки ваши тамъ же... есть и черновые проекты — не много, а есть... словомъ, сократя все сіе, или сей-часъ на столъ двѣсти тысячъ, въ какомъ видѣ угодно, деньгами, билетами, акціями, — или чрезъ часъ эти пакеты будутъ отправлены — по принадлежности.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Слушай, бездѣльникъ! я тебя знаю, — ты иначе не дѣйствуешь, какъ на вѣрняка — но берегись — говорю тебѣ; — ты и меня знаешь, — знаешь все, чего не могу я... и что могу! — Понимаешь? — не дойду я до тебя прямо, — дойду стороною... и ужь не сдобровать тебѣ, бездѣльникъ — а! что? задумался...

Иванъ Ивановичъ. — Нѣтъ-съ! я смотрю на часы: чрезъ пятьдесятъ минутъ отправляется пароходъ за границу... смерть брата повергаетъ меня въ тяжкую болѣзнь, нужно лѣчиться водами — вотъ мой паспортъ — все въ исправности — какъ видите — недвижимости я никакой не имѣю — понимаете? что-съ? задумались?..

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*въ бѣшен-
ствѣ*). Понимаю, что мой холопъ издѣвается надо
мною...

Иванъ Ивановичъ (*перемѣнивъ тонъ*). Оши-
баешься, Ксенофонтушка, — я не холопъ, а госпо-
динъ твой... да! я твой господинъ съ той ми-
нуты, какъ мы съ тобою побратались... ты для
меня работалъ десятки лѣтъ, ты для меня об-
манывалъ, для меня клеветалъ, для меня обсчиты-
валъ, для меня ябедничалъ, для меня развратилъ
сына твоего благодѣтеля, — все для меня, — слы-
шишь ли? осталась послѣдняя служба, послѣдній
оброкъ — не скряжничай же, расплачивайся... и
расплачивайся сей-часъ же... вотъ часы; уже про-
шло пять минутъ! съ каждою минутой я прибавляю
10 тысячъ и — мое господское слово върно...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*внѣ себя*). Без-
дѣльникъ... не выведи меня изъ терпѣнья...

Иванъ Ивановичъ. — Двѣсти десять.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Я убью тебя
(*бросается на Сердоболдина, они борются, — Сер-
доболдинъ отбрасываетъ его въ кресла*).

Иванъ Ивановичъ. — Была пора и прошла,
Ксенофонтушка, — много пожито, много попито —
на кровавыя денежки... а отъ нихъ не здоро-
вится! гдѣ тебѣ хилому? — хоть на кулачки,
такъ не совладать со мною... Ксенофонтушка!
убилъ двѣ минуты — двѣсти двадцать, двѣсти трид-
цать...

Ксенофонтъ Григорьевичъ (*въ отчаяннѣ*).
Создатель! — и выносить это все — и не отмстить...
быть въ такой власти у этого негодяя... демонъ
проклятый! демонъ соблазнитель...

Иванъ Ивановичъ. — Двѣсти сорокъ...

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Нѣтъ! это
слишкомъ! люди! люди!..

Слуга (*вбѣгаетъ съ запиской*). Бѣдовой отъ
Максима Петровича — очень нужное.

Ксенофонтъ Григорьевичъ. — Отъ Максима
Петровича — хорошо — ступай... очень нужное...
(*развертываетъ поспѣшно записку, читаетъ ее
про себя, роняетъ ее на земь и падаетъ безъ
чувствъ въ кресла*).

Иванъ Ивановичъ. — Что это съ нимъ! ай!
никакъ ударъ! ей! — кто тамъ... Что я? забылся!
надобно посмотреть прежде (*поднимаетъ запи-
ску и читаетъ*): «Любезный другъ — прійми мѣ-
ры — все открыто: жги бумаги — я могу задер-
жать лишь на полчача... или ты погибъ и другіе...»
Ге! ге! вотъ оно что! чтожь теперь дѣлать... оста-
вить его — пусть умираетъ, — или звать на помощь...
Вѣдь какъ умереть — прощай, пожива! — можетъ-
быть, слышали шумъ, какъ мы боролись, — да и ка-
жется онъ лицо себѣ оцарапнулъ, — еще привяжутся
ко мнѣ, задержать... вотъ задача! а межъ тѣмъ —
ужь онъ холодѣетъ... что дѣлать? Нѣтъ! опасно —
ужь жиѣи, такъ и быть, Ксенофонтушка... прощай
на вѣкъ... свѣтъ великъ... еще есть гдѣ пошсчить-

ся... и послѣ этого, говори, что я не великодуш-
шенъ... (*Звонитъ сильно въ колокольчикъ и зоветъ
на помощь — вбѣгаютъ слуги, Лиза, Эмилиа*). Ва-
шему папенькѣ дурно сдѣлалось, оттирайте, от-
тирайте его... а я побѣгу за докторомъ... (*По-
спѣшно уходитъ — дочери, слуги хлопочутъ во-
кругъ умирающаго — общая семейственная картина.
Занавѣсъ опускается*).

ПИСЬМА КЪ ГРАФИНѢ Е. П. Р.....Й

О ПРИВИДѢНІЯХЪ, СУЕВѢРНЫХЪ СТРАХАХЪ, ОБМАНАХЪ
ЧУВСТВЪ, МАГИИ, КАБАЛИСТИКЪ, АЛХИМИИ И ДРУГИХЪ
ТАИНСТВЕННЫХЪ НАУКАХЪ.

ПИСЬМО I.

Вы требовали отъ меня , графиня , какую-нибудь повесть, да пострашнѣе. Къ сожалѣнію, повѣсти не по моей части : это дѣло одного извѣстнаго вамъ моего пріятели, который любитъ пугать честной народъ разными небывальщинами. Чтò до меня касается , я самъ ничего не изобрѣтаю : я умѣю только съ грѣхомъ по-поламъ пересказывать чужое. Чтобъ исполнить по мѣрѣ силъ ваше желаніе, я, если не расскажу вамъ повѣсти о привидѣніяхъ, то по-крайней-мѣрѣ осмѣлюсь представить *самый источникъ*, изъ котораго берутся страшныя повѣсти. Я долженъ признаться, что этотъ предметъ

издавна обращалъ на себя все мое вниманіе ; къ нему привлекала меня не одна поэтическая его сторона : мнѣ казалось, что подъ всѣми баснословными разказами о страшилищахъ разнаго рода скрывается рядъ естественныхъ явленій, донинѣ неполнѣ изслѣдованныхъ, и причины которыхъ частію находятся въ самомъ человѣкѣ, частію въ окружающихъ насъ предметахъ. Когда-нибудь я издамъ объ этомъ большую книгу *ex professo*, тома въ двухъ *in quarto*, съ ссылками, цитатами, таблицами, ученостью всякаго рода, и, для большей ясности и общенародности — на латинскомъ языкѣ, или по-крайней-мѣрѣ латинскими буквами: для этой цѣли я собираю разныя старинныя, рѣдкія книги, составилъ изъ нихъ небольшую бібліотеку, присоединилъ къ нимъ нѣкоторыя изъ новѣйшихъ сочиненій, и усердно занимаюсь выписываніемъ всего того, что можетъ относиться къ любимому моему предмету, а кстати и некстати прибавляю собственныя мои наблюденія и мудрованія. Тетрадка моя ужъ довольно толста, хотя ее и порядочно потерябилъ вышесказанный извѣстный вамъ мой пріятель, и, къ величайшей моей досадѣ, воспользовался ею совсѣмъ съ другимъ намѣреніемъ. Я хочу объяснить всѣ эти страшныя явленія, подвести ихъ подъ общіе законы природы, содѣйствовать истребленію суевѣрныхъ страховъ, а онъ, напротивъ, старается увѣрить, что всѣ эти страшилища — сущая правда, и что намъ никогда ихъ не объяснить, не прибѣгая къ чудесному. Что

будете съ нимъ дѣлать? Какъ бы то ни было, въ ожиданіи появленія моего знаменитаго *in quarto*, я намѣренъ сдѣлать для васъ нѣсколько выписокъ изъ моей тетрадки. Напередъ васъ предупреждаю, что въ ней воровство ужасное: на одну мою страницу въ ней иногда десять страницъ чистаго перевода, а потомъ столько же страницъ извлеченій. Пестрить страницы ссылками на источники моихъ похищеній было бы бесполезно; нѣкоторыхъ изъ книгъ вы не найдете, другихъ не станете читать; это — смѣсь книгъ умныхъ и безумныхъ, медицинскихъ, математическихъ, философическихъ и не принадлежащихъ ни къ какому разряду. Напередъ кланяюсь предъ всѣми жертвами моего грабительства; немногіе въ наше время способны на такую откровенность... (*)

(*) Вообще желающій познакомиться съ этимъ любопытнымъ, малоизслѣдованнымъ и болѣе важнымъ, нежели какъ съ перваго взгляда кажется, предметомъ не долженъ ограничиваться одною какою-либо книгою; къ сочиненію, не имѣющему притязаній на ученую форму, странно было бы присоединить цѣлую литературу предмета; назову здѣсь лишь: Гагена, Гибберта, Эскироля, Лёре, Линеля, — равно Кернера. По этимъ книгамъ читатель доберется и до другихъ; необходимо познакомиться и съ старыми книгами о магіи; въ особенности рекомандую: *Disquisitionum Magicarum libri sex* — auctore Martino Delvio — *Moguntiae an. 1617 in-4*, — и именно то изданіе, котораго библиографическій признакъ — ошибка въ пагинаціи: на оборотѣ 133 страницы напечатано 78; *Le monde enchanté par Becker*, 4 v. *in-12*. Amsterdam 1694; *Superstitions anciennes et modernes*, 2 vol. *in-folio*. Amsterdam 1736. Эти два тома состав-

Съ чего вачать? Нѣсколько выше я, кажется, проговорился о главныхъ основаніяхъ моей системы, то-есть о необходимости искать причинъ видѣній и привидѣній во-первыхъ въ насъ самихъ, а во-вторыхъ въ предметахъ, насъ окружающихъ. Эти основанія, какъ основанія почти всѣхъ теорій дурныхъ и хорошихъ, кажется, недовольно-ясны; постараюсь выразиться подробнѣе.

О причинъ видѣній, находящейся въ насъ самихъ — каковы, напримѣръ, болѣзненное состояніе нашего организма, обманы чувствъ, — было писано много, но до-сихъ-поръ, кажется, еще мало было обращено вниманія на связь сихъ обмановъ съ различными явленіями внѣшней природы. Подъ сими послѣдними явленіями я разумѣю такіе феномены, которые по своей незначительности обыкновенно не обращаютъ на себя вниманія естествоиспытателей, но которые значительно способствуютъ обману нашихъ чувствъ.

Постараюсь, чтобъ эта фраза была послѣднею ученою выходкой въ моихъ письмахъ, и свѣшу объяснить ее примѣромъ.

вляють обыкновенное продолженіе извѣстной книги: *Histoire des cérémonies religieuses*. Къ этому должно присоединить книги о животномъ магнетизмѣ, въ особенности *Passavant's Untersuchungen, zweite Auflage 1837*, и *Correspondance d'un hermite avec Deleuze. 2 vol. in 8*. За симъ всего важнѣе собственныя наблюденія, а для нихъ — основательное познаніе физики, химіи и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи.

Въ прошедшемъ году, я переехалъ съ дачи ранѣе обыкновеннаго; нѣсколько теплыхъ дней захватили меня въ городъ. Однажды, около полуночи, сдѣлалось такъ душно, что я отворилъ окошко въ моемъ кабинетъ, но однакоже, не слишкомъ полагаясь на теплоту петербургскихъ ночей, благоразумно сѣлъ въ кресла, стоявшія въ другомъ углу. Не поскучайте этими подробностями: онѣ очень важны; больше всего вспомните, что мой кабинетъ въ четвертомъ этажѣ. Ночь была въ-самомъ-дѣлѣ прекрасная, городской шумъ утихъ; всѣ домашніе въ домъ у меня спали; «на свѣтлоголубомъ эфирѣ, золотая плавала луна»... Какъ бы то ни было, я вполне наслаждался этимъ чувствомъ тишины, столь рѣдкимъ въ многолюдномъ городѣ. Вдругъ сзади меня послышался шелестъ шаговъ; сначала я подумалъ, что проходитъ кто-нибудь изъ домашнихъ, и не обратилъ на это вниманія; но шелестъ продолжался; онъ походилъ на медленное шарканье больнаго человѣка; словомъ, это были точь-въ-точь такіе шаги, какихъ можно ожидать отъ привидѣнія; признаюсь вамъ, что я нѣсколько... хоть удивился, всталъ съ креселъ, посмотрѣлъ вокругъ себя: двери были заперты, шелестъ явственно слышался въ углу у печки; я прошелъ въ другую комнату — вездѣ вокругъ меня было спокойно; вхожу опять въ кабинетъ — въ углу у печки опять тотъ же шелестъ, который то ослабѣвалъ, то усиливался, смотря по тому, какъ я приближался къ углу, или удалялся отъ него. Представьте себѣ на моемъ

мѣсть человѣка или больного, или пораженнаго какою-либо потерей, или просто съ пламеннымъ воображеніемъ, а не меня, холодно-читавшаго въ это время корректуру какой-то статистической статьи: — чего бѣ не могло воображеніе присоединить къ этому *дѣйствительному* шелесту шаговъ? Я не успѣлъ выйдти изъ недоумѣнія, какъ шелестъ шаговъ прекратился; я еще былъ въ раздумьи надъ этимъ страннымъ явленіемъ, какъ шаги послышались снова; — это уже было слишкомъ. Мнѣ было досадно, и даже, признаюсь вамъ, немножко страшно. Прислушиваясь внимательно къ этому невидимому звуку и стараясь призвать на помощь все свое хладнокровіе, я замѣтилъ, что въ промежуткахъ между шагами было что-то мѣрное, привидѣніе какъ по метроному не дѣлало одного шага скорѣе другаго. Я подумалъ сначала, что здѣсь играло ролю отраженіе звуковъ часоваго маятника, но скоро нашелъ, что это дѣло невозможное, ибо часы находились отъ меня за нѣсколько комнатъ. Осматривая внимательно кабинетъ, я наконецъ подошелъ къ растворенному окошку, и скоро услышалъ тотъ же звукъ, но гораздо сильнѣйшій; загадка объяснилась самымъ простымъ образомъ: на Фонтанкѣ, противъ моихъ оконъ, стояла барка съ дровами; изъ нижней ея части, находящейся надъ водою, выплескивали воду, обыкновенно натекающую въ подобныя барки; звукъ, производимый этимъ плескомъ, не слышенъ при городскомъ шумѣ, но столько былъ силенъ, что, входя въ откры-

тое окно четвертаго этажа, по особому акустическому устройству комнаты отражался именно въ одномъ углу ея, и почти не былъ слышенъ въ другомъ. Вотъ какого рода явленія я называю причиною привидѣній, находящеюся внѣ насъ и обманывающею насъ въ больномъ или здоровомъ состояннн.

Такого рода явленій тысячи; сколькимъ заблужденіямъ подвергаетъ насъ какое-либо странное устройство комнатъ! Вамъ извѣстна большая часть акустическихъ обмановъ, происходящихъ въ комнатахъ со сводами, или имѣющихъ эллиптическую форму. Помните старую залу Большаго-Театра: въ нѣкоторыхъ ложахъ вы слышали суффлёра гораздо явственнѣе, нежели актёра; казалось, что суффлёръ говоритъ вамъ на ухо; часто вы слышали въ одной ложѣ духовые инструменты прежде струнныхъ, въ другой — струнные прежде духовыхъ. Вы, вѣрно, также замѣчали, сходя съ лѣстницы послѣ бала, когда жаръ общихъ разговоровъ, кажется, усиливается, — что вдругъ одно слово, сказанное не громче другаго, раздается по всему подъѣзду; это случается тогда, когда звукъ этого слова настроенъ въ одинъ тонъ съ какимъ-нибудь стекломъ въ окошкѣ, а иногда и съ цѣлымъ сводомъ. Всѣ эти явленія понятны и даже могутъ быть вычислены, ибо происходятъ въ опредѣленныхъ, измѣренныхъ линіяхъ; но какой математикъ приведетъ въ числа всѣ фантастическія линіи, происходящія въ нашихъ дѣдовскихъ домахъ отъ безчи-

сленныхъ пристроекъ и перестроекъ cadaго новаго поколѣнія, cadaго новаго жильца? Какія тутъ могутъ произойти трубы, звукопроводы, такъ сказать акустическіе микроскопы? А вы знаете, что именно въ старыхъ домахъ привидѣнія любятъ поселяться, шумѣть по ночамъ и дѣлать всякія проказы. На сей-то родъ явленій я намѣренъ обратить преимущественное вниманіе, какъ вы увидите это впоследствии; теперь же мы побесѣдуемъ съ вами о первой причинѣ видѣній, то-есть происходящей въ насъ самихъ, почти безъ всякаго содѣйствія внѣшней природы.

Всѣ эти наблюденія, правда, уничтожаютъ поэзію привидѣній; но успокойтесь, еще много останется —

.... въ природѣ, другъ Горацио,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

ПИСЬМО II (*).

У насъ пять чувствъ, какъ извѣстно: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе; но часто болѣзни или природное расположеніе органовъ, посредствомъ которыхъ дѣйствуютъ наши чувства, т. е.

(*) Вся теорія и примѣры въ семъ письмѣ почерпнуты изъ Гагена. См. Die Sinnentäuschungen etc. Leipzig 1837.

глаза, уши, языкъ и проч., дѣйствуютъ такъ неправильно, что чувства наши передаютъ уму совершенно ложныя впечатлѣнія; это продолжается до тѣхъ-поръ, пока нашъ организмъ не прійдетъ въ натуральное здоровое положеніе. Каждое чувство, котораго органъ находится въ болѣзненномъ состояніи, весьма удобно можетъ насъ вводить въ заблужденіе и давать ложную идею о предметахъ; такъ, на примѣръ, одержимому желтухою всѣ предметы кажутся желтыми; при сильномъ засореніи желудка теряется вкусъ, пища и питье кажутся горькими; отъ одной болѣзни ослабѣваетъ зрѣніе, отъ другой слухъ, и такъ далѣе. Всѣ эти явленія, когда наши чувства даютъ намъ о предметахъ такое понятіе, которое противорѣчитъ нашему обыкновенному понятію о томъ же предметѣ, ученые называютъ общимъ именемъ: *обманомъ чувствъ*.

Обманъ же чувствъ дѣлятъ на два главныхъ рода: на *иллюзію* (illusions) и *галлюцинацію* (gallucination). Одно на другое довольно похоже. Но подъ словомъ *иллюзія* (что можно перевести просто словомъ: *чувственный обманъ*) ученые понимаютъ то состояніе, когда человѣкъ составляетъ о какомъ-нибудь предметѣ противорѣчащее истинному или нашему обыкновенному объ немъ понятію; подъ словомъ же *галлюцинація* (что можно перевести: *способность къ видѣніямъ*; не *привидимость* ли?) разумѣютъ такое состояніе организма, когда человѣку являются предметы, въ-самомъ-дѣлѣ ненаходящіеся предъ нимъ, часто въ настоящемъ своемъ

видъ , но съ символическимъ значеніемъ. Сверхъ того, ученые раздѣляютъ все обманы чувствъ на обманъ зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія отдѣльно, и на обманы, производимые или нѣсколькими чувствами, или всеми вдругъ. Сей предметъ весьма недавно обратилъ на себя вниманіе европейскихъ физиологовъ, и понынѣ недовольно еще обработанъ, не смотря на его важность въ отношеніи къ нашей внутренней жизни, на его юридическое значеніе и вообще на ролю, которую онъ можетъ играть въ разныхъ обстоятельствахъ житейскаго быта.

Разсмотримъ обманы чувствъ въ двухъ вышеозначенныхъ видахъ, и скажемъ нѣсколько словъ хотъ объ обманѣ, производимомъ въ насъ чувствомъ зрѣнія. — Причина сего обмана, какъ кажется, заключается наиболѣе въ болѣзненномъ расположеніи тѣла, а ипогда зависитъ и отъ вліянія постороннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ обстоятельствъ, которыя производятъ необыкновенную раздражительность въ нервахъ и располагаютъ насъ къ воспріятію самыхъ сильныхъ впечатлѣній; внѣшніе предметы въ сихъ случаяхъ дѣйствуютъ на насъ въ какомъ-то превратномъ и неестественномъ видѣ; отъ сего и происходитъ хаотическое смѣшеніе въ идеяхъ, рождающихся въ мозгу ири содѣйствіи страждущихъ чувствъ.

Иногда, на-примѣръ, какъ выше замѣчено, внѣшніе предметы представляются нашимъ глазамъ совсемъ не того цвѣта, какой они дѣйствительно имѣютъ. Если, ставъ противъ окна, долго смотрѣть въ

одно и то же время на предметы свѣтлые и темные, а потомъ обратить глаза свои на свѣтлую стѣну, то въ эту минуту предметы, казавшіеся до того темными (напримѣръ, рамы въ окошкѣ), представятся свѣтлыми. — Такимъ образомъ, когда зрѣніе наше вдругъ переходитъ отъ предметовъ темныхъ къ свѣтлымъ и обратно, то предметы, которыхъ впечатлѣніе осталось еще въ органахъ зрѣнія, покажутся различно окрашенными, или, что все равно, глазамъ будутъ представляться какія-то цвѣтныя пятна. — Если, сидя подъ окномъ, во время яснаго солнечнаго дня, будете долго держать въ рукахъ книгу, такъ чтобы солнечные лучи прямо въ нее ударяли, то буквы будутъ казаться въ глазахъ то зеленаго, то краснаго цвѣтовъ. Сюда принадлежатъ и цвѣтистыя окраины, съ которыми представляются иногда въ глазахъ нашихъ предметы, сильно освѣщенные, когда мы на нихъ долго смотримъ. — Если кто долго занимается съ сильнымъ напряженіемъ умственныхъ способностей, находится въ душевномъ разстройствѣ, или изнуряетъ свои физическія силы продолжительнымъ бдѣніемъ, не укрѣпляя себя сномъ, то весьма часто черныя буквы на бумагѣ кажутся ему съ красными или голубыми окраинами. То же самое бываетъ и у оконничныхъ рамъ, если прилежно устремить зрѣніе на предметы за окномъ находящіеся, или, ставъ предъ окномъ, долго смотрѣть на какой-нибудь предметъ, находящійся между окномъ и глазами, напримѣръ, на какое-нибудь остріе, палку и тому подобное. — Въ

желтухъ, какъ сказано выше, больному всѣ предметы кажутся желтыми; въ другихъ болѣзняхъ они же нерѣдко представляются зеленоватыми.

Дицъ рассказываетъ о себѣ слѣдующее: «я самъ по собственному опыту удостовѣрился однажды, что внѣшніе предметы могутъ представляться глазамъ нашимъ не въ натуральномъ ихъ цвѣтѣ, хотя бы и не происходило никакой матеріальной перемѣны въ органахъ зрѣнія. Однажды вечеромъ легъ я въ постель, чувствуя небольшую боль отъ засоренія желудка; когда на другой день я всталъ съ постели, то къ удивленію моему замѣтилъ, что все окружающее меня было прекраснаго зеленого цвѣта, какъ будто бы я смотрѣлъ въ очки съ зелеными стеклами. Сначала, мнѣ никакъ и не приходило въ голову, что такая перемѣна въ зрѣніи происходитъ собственно отъ болѣзненнаго расположенія глазъ моихъ, а потому и обратилъ я вниманіе спавшаго въ той же комнатѣ брата на такое странное оптическое явленіе; — лишь послѣ его неоднократныхъ увѣреній, я убѣдился, что меня обманываетъ зрѣніе. Черезъ нѣсколько времени, предметы, представлявшіеся мнѣ сначала свѣтлозеленоватаго цвѣта, стали казаться въ темнозеленомъ, но чрезъ полчаса цвѣтъ этотъ началъ становиться блѣднѣе, и наконецъ исчезъ совершенно, уступивъ мѣсто натуральному. Кажется, нельзя было думать, чтобы въ такое короткое время могла произойти какая либо матеріальная перемѣна въ органахъ самага зрѣнія, — какъ, напримѣръ, измѣненіе

въ цвѣтъ глазной жидкости, — и нельзя было допустить, чтобы все это такъ скоро пришло въ прежнее положеніе; почему должно приписать этотъ обманъ зрѣнія особенному сочувствію глазъ съ желудкомъ.» У нѣкоторыхъ людей такая переменна зрѣнія весьма обыкновенна; инымъ внѣшніе предметы кажутся совершенно безцвѣтными или сѣрыватыми, а преимущественно того цвѣта, который извѣстенъ у живописцевъ подъ именемъ *seria*. Другимъ же предметы представляются смѣшанныхъ цвѣтовъ, напримѣръ: свѣтложелтаго съ зеленымъ, пурпуроваго съ синимъ, темнокраснаго, темнозеленаго и темнокоричневаго съ чернымъ. — Одинъ гравёръ купилъ себѣ темнокоричневый суконный сюртукъ, вмѣсто зеленаго, и носилъ въ твердой увѣренности, что его сюртукъ зеленый; этотъ же самый гравёръ, еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, безпрестанно ошибался въ выборѣ и употребленіи красокъ и принималъ одну вмѣсто другой; отъ чего рисунки его имѣли самый странный, фантастическій колоритъ. — Нѣкоторымъ всѣ цвѣта безъ различія кажутся или синими, или коричневыми; другимъ же они представляются синими или желтыми съ различными оттѣнками.

Другой родъ обмана зрѣнія состоитъ въ томъ, что мы иногда, вмѣсто того, чтобы представляющіеся нашему зрѣнію предметы видѣть просто поодиначкѣ, видимъ ихъ вдвойнѣ и даже въ нѣсколькихъ повтореніяхъ. — Если подъ вечеръ, во время сумерекъ, или въ мрачный день, будете смо-

трѣть пристально нѣсколько минутъ на окошко и потомъ поворотите глаза нѣсколько въ сторону такъ, чтобы та часть глазъ, въ которыхъ удерживается еще отпечатокъ или изображеніе темноватыхъ оконничныхъ перекладицъ, упала бы на прозрачное стекло, то увидите множество свѣтлыхъ полосокъ, изображающихъ деревянные переборы оконничной рамы, которые будутъ извиваться по свѣтлому стеклу. — Или, проколите на картъ булавкою два отверстія, и притомъ такъ, чтобы они отдалены были другъ отъ друга на такое же разстояніе, какое находится на лбу между обоими глазами; потомъ зажмите одинъ глазъ и смотрите другимъ чрезъ карту на горящую свѣчу или на кусокъ бѣлой бумаги, на которой сдѣлана черная точка; тогда увидите слѣдующее явленіе: сначала будетъ вамъ казаться, что вы смотрите сквозь туманъ; оба карточные отверстія покажутся вамъ гораздо болѣе, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ; потомъ покажется вамъ, что они начинаютъ сливаться одно съ другимъ своими окраинами, и наконецъ, составятъ одинъ общій кругъ, а свѣчное пламя или чернѣйшій пунктъ, на бумагѣ изображенный, представится глазу вдвое болѣе настоящей своей величины. Этого мало: каждый предметъ можетъ казаться въ нѣсколько разъ болѣе, смотря по тому, сколько будетъ сдѣлано отверстій въ картѣ.

Близость или отдаленность предмета имѣетъ большое вліяніе на обманъ зрѣнія; такъ, напри-

мѣръ, извѣстно, что дѣти часто протягиваютъ руки къ лунѣ, думая схватить ее; слѣпорожденные, которымъ удачная операція расторгла завѣсу мрака, скрывавшаго отъ нихъ видимую природу, думаютъ, что всѣ предметы непосредственно находятся предъ ними. То же самое рассказываютъ и о *Каспарѣ Гаузерѣ*, которому предметы, видимые имъ въ окно, казались большою картиною. — Нервы зрѣнія у одного сумасшедшаго были такъ чувствительны, что однажды, рассуждая о дѣйствіяхъ солнечныхъ лучей, онъ представлялъ себѣ, что они отъ него не далѣе, какъ въ четырехъ шагахъ. — Одна безумная рассказывала по выздоровленіи своемъ слѣдующее: «Однажды, вечеромъ, лежала я въ постели и смотрѣла пристально на мою надзирательницу, которая мнѣ тогда представлялась въ видѣ какого-то страшнаго привидѣнія. Тутъ вдругъ показалось мнѣ, что горѣвшая на столѣ сальная свѣчка стала бѣгать по комнатѣ; но всего удивительнѣе было для меня то, что огонь по прежнему горѣлъ на столѣ, а сало текло изъ отверстія въ стѣнѣ въ видѣ фонтана, или водопада. Мнѣ представилось, что этотъ водопадъ устремляется прямо на меня, что онъ душитъ меня, отъ чего я и стала громко кричать».

Предметы, спокойно лежащіе или стоящіе, иногда зрѣнію нашему представляются движущимися. Во время ѣзды на пароходѣ, деревья, по сторонамъ дороги находящіеся, или берега, кажутся мимо летящими. Въ обморокѣ или въ сильномъ опьяненіи

всѣ предметы кажутся кругомъ вертящимися около одного центра. Нѣкоторые люди, одержимые психическими болѣзнями, не могутъ ни читать, ни писать, потому что имъ представляется, будто буквы на бумагѣ бѣгаютъ, прыгаютъ и гоняются одна за другою.

Иногда предметы представляются зрѣнію навыворотъ. Одна дѣвица, одержимая истерикою, во время своихъ припадковъ воображала, что видитъ всѣ окружающіе ее предметы навыворотъ, что ей казалось очень смѣшно; столы для нея были опрокинуты, люди ходили на головахъ; съ прекращеніемъ припадковъ прекращалось немедленно и ея заблужденіе. Въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежатъ сюда также и тѣ случаи, когда больной видитъ только одну какую либо часть въ предметѣ.

Отъ этого, можетъ-быть, происходило, что нѣкоторые видѣли людей безъ головы, дома безъ крышъ и прочее тому подобное. Для объясненія этого нужно было бы прибѣгнуть къ анатомическимъ объясненіямъ, которыя васъ испугаютъ, графиня. Довольно, если я вамъ скажу, что этотъ страннѣйшій обманъ зрѣнія происходитъ отъ бездѣйствія нѣкоторыхъ органовъ глаза, въ то время, какъ другія его части находятся въ должномъ порядкѣ.

Какъ часто мы не узнаемъ нѣкоторыхъ предметовъ и лицъ, или принимаемъ ихъ за другія! Это вѣроятно удавалось вамъ неоднократно испытывать и надъ собою; здѣсь также обманъ зрѣнія. — Вѣр-

по случалось вамъ также, во время путешествія или прогулки въ темную ночь, видѣть въ каждой соснѣ, въ каждомъ высокомъ деревѣ подобіе башни или строенія, принадлежащаго къ тому мѣсту, къ которому вы спѣшили. Новички въ морскомъ дѣлѣ перѣдко принимаютъ отдаленную землю за волнуемую массу тумана и на оборотъ. Лунный свѣтъ очень благопріятствуетъ такимъ обманамъ зрѣнія: Гагенъ говоритъ, что ему очень часто случалось принимать длинныя тѣни, бросаемыя на землю высокими предметами, за вырытыя въ землѣ канавы... Но пора кончить эти общіе примѣры и рассказать вамъ нѣсколько анекдотовъ, въ которыхъ лунное сіяніе играетъ важную роль.

ПИСЬМО III.

Древніе, по свидѣтельству Плинія (lib. II, 102), приписывали лунѣ разныя чудеса: они называли ее звѣздой духа жизни или жизненнаго духа; они думали, что отъ ея вліянія земля наполняется питательными соками; что при ея приближеніи всѣ вещества разширяются, а съ ея удаленіемъ сжимаются; что между новолуніемъ и полнолуніемъ растутъ раковины, количество крови въ человѣкѣ увеличивается, и прочее, тому подобное. До-сихъ-поръ, простолюдины приписываютъ лунѣ какую-то таин-

ственную силу; вспомните рассказы о дѣйствіи луны на оживленіе вампировъ, мертвецовъ; не даромъ и поэты поклоняются лунѣ и ждутъ отъ нея вдохновенія. Знаете ли, отъ-чего все это происходитъ? Увы, отъ-того, что свѣтъ луны удивительно способствуетъ обману зрѣнія! Мнѣ очень жаль бѣдной луны, но должно признаться, что всѣ рассказы о являвшихся привидѣніяхъ тогда наиболѣе сомнительны, когда таинственное происшествіе случилось при лунномъ сіяніи. Сколько разъ висющія на стѣнѣ невинныя полотенца, освѣщенныя луною, были принимаемы за привидѣнія! Вотъ вамъ дѣйствительно случившійся анекдотъ, который убѣдитъ васъ въ справедливости моихъ словъ. Въ отдаленной части Шотландіи, путешественникъ былъ застигнутъ ночью на дорогѣ и принужденъ искать себѣ ночлега въ одной маленькой и уединенной хижинѣ. Путешественникъ нашъ принятъ былъ радушно, и хозяйка, отводя его на покой въ особую комнату, стала увѣрять его съ какимъ-то загадочнымъ и боязливымъ видомъ, что окно хорошо задѣлано. Осматривая прилежно стѣну, въ которой было прорѣзано это окошко, путешественникъ замѣтилъ, что возлѣ окошка былъ проломъ, вѣроятно сдѣланный для того, чтобъ увеличить отверстіе. Когда онъ пожелалъ узнать тому причину, то получилъ въ отвѣтъ, что одинъ пастухъ, который незадолго до того времени ночевалъ въ самой этой комнатѣ, повѣсилъ на ея дверяхъ. По общепринятому въ той странѣ суевѣрному правилу, не позво-

лялось вытащить тѣло самоубійцы сквозь двери, а окно было для того слишкомъ узко, почему хозяева дома и вынуждены были проломать часть стѣны, чтобъ вынести покойника. При этомъ разсказѣ дали путешественнику замѣтить, что съ-тѣхъ-поръ пастухъ иногда показывается ночью въ этой комнатѣ, отъ-чего никто изъ домашнихъ никогда въ ней не ночуетъ. Хотя путешественникъ нашъ и не върилъ привидѣніямъ, однакожь не безъ нѣкотораго тайнаго страха легъ въ постелю, положивъ подлѣ себя на всякій случай оружіе. Между-тѣмъ, во снѣ пригрезилось ему какое-то страшилище, которое, какъ казалось ему, стояло у его постели. Когда онъ проснулся, встревоженный сновидѣніемъ, то замѣтилъ, что сидитъ на постели съ пистолетомъ въ рукѣ. Окинувъ комнату боязливымъ взоромъ, онъ ясно увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ, что у стѣны, прямо противъ него и рядомъ подлѣ окошка, стоитъ закутавшись въ гробовой саванъ какой-то длинный и неподвижный призракъ. Путешественникъ съ большимъ усиліемъ рѣшился наконецъ приблизиться къ этому ужасному видѣнію, въ чертахъ и одеждѣ котораго, какъ казалось, онъ узнавалъ то самое страшилище, которое нарушило сонъ его. Подошедши кое-какъ къ стѣнѣ, сталъ онъ шарить рукою по тому мѣсту, гдѣ, какъ казалось ему, стоялъ призракъ, но, не находя ничего подъ рукою, возвратился опять къ постели; однакожь онъ побоялся опять лечь спать. Послѣ нѣкотораго отдыха, въ-продолженіи котораго онъ успѣлъ со-

браться съ мыслями и придумать средство освободиться отъ столь непріятнаго положенія , путешественникъ принялся снова за свои розысканія , и наконецъ открылъ , что предметъ его ужаса происходитъ отъ ударенія лучей луннаго свѣта на стѣну , ибо лучи эти , проходя чрезъ разбитое въ окнѣ стекло , образовали собою длинный , блестящій призракъ , которому разгоряченная предшествовавшимъ тому сновидѣніемъ фантазія путешественника съ наивозможною точностію придала черты , наружность и всѣ принадлежности трупа . приготовленнаго къ погребенію (*).

Сюда принадлежатъ также воздушныя оптическія явленія , случающіяся съ путешественниками въ песчаныхъ степяхъ , которыя такъ часто обманывали французскихъ солдатъ во время бонапартовой экспедиціи въ Египтъ . Во время дальнихъ и затруднительныхъ переходовъ чрезъ знойные пески , при палящемъ солнцѣ , умирая отъ жажды , они часто думали видѣть передъ собою вдали роскошныя , цвѣтушія поля или обширныя озера , въ которыхъ надѣялись утолить жажду ; но , подходя къ тому мѣсту , гдѣ предполагали отдохнуть и освѣжить силы , они снова находили ту же степь , тѣ же пески ; луга , озера — были оптическій призракъ , происшедшій отъ волненія паровъ или нагрѣтаго воздуха . Это волненіе въ ма-

---

(*) Ferriar — Ueber Erscheinungen. — Hibbert's Andeutungen zur Philosophie der Geister-Erscheinungen. Weimar 1825.

ломъ видъ можно замѣтить днемъ, смотря на предметы сквозь то мѣсто, которое находится надъ пламенемъ горящей свѣчи, — и даже въ полѣ, лѣтомъ, въ жаркій полдень, если, прилегли къ землѣ, смотрѣть издали на дальній лѣсъ, или на другой темпый предметъ.

Знаменитый Карданъ, не помню въ какомъ городѣ, однажды чуть-было не сдѣлался жертвою простаго народа, который, собравшись на площади, смотрѣлъ на изображеніе человека, находившагося будто-бы въ облакахъ. Карданъ показалъ народу, что это изображеніе было портретъ статуи, находившейся на какомъ-то зданіи и отражавшійся въ густыхъ парахъ воздуха. Для произведенія такого оптического обмана нужно много условій, но оно возможно. Вспомните обо всемъ, что писано о явленіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «миража», «фатаморгана». Я не упоминаю о нихъ, ибо они описаны въ многихъ дѣтскихъ книгахъ. Арабскіе и персидскіе поэты рассказываютъ намъ много чудеснаго о сихъ явленіяхъ. Иногда, и въ особенности въ то время, когда духъ нашъ, въ какомъ-либо нравственномъ волненіи, какъ-будто ожидаетъ чего-то сверхъестественнаго, тогда самые обыкновенные, ежедневно нами видимые предметы дѣлаются въ глазахъ нашихъ въ самомъ дѣлѣ сверхъестественными. Вотъ вамъ примѣръ: поваръ одного купеческаго корабля, во время переѣзда, сдѣлался болѣнъ и умеръ; надобно прибавить къ этому, что у него одна нога была короче другой, почему онъ

-и ходилъ прихрамывая. Нѣсколько дней послѣ того, какъ спустили въ море трупъ его, лейтенантъ этого корабля будить капитана ночью и объявляетъ ему, что поваръ плыветъ за кораблемъ, и что всѣ матросы собрались у борта смотрѣть на чудо. Капитанъ разсердился, сначала приказалъ-было оставить его въ покоѣ и наблюдать, кто прежде придетъ въ Ньюкестль: корабль ли, на которомъ они плывутъ, или поваръ, которому вздумалось плыть туда же. Но скоро лейтенантъ счелъ нужнымъ еще разъ разбудить капитана, говоря, что экипажъ приходитъ въ совершенное отчаяніе, да и что онъ самъ въ большомъ недоумѣніи, ибо въ самомъ дѣлѣ видѣлъ предъ кораблемъ что-то страшное, движущееся въ водѣ, и которое, какъ всѣ увѣряли, походило на повара какъ двѣ капли воды; что на немъ была даже шапка, въ которой обыкновенно онъ ходилъ. Капитанъ, вышедъ на палубу, нашелъ весь экипажъ въ такомъ расположеніи духа, что счелъ нужнымъ сказать, будто и ему въ самомъ дѣлѣ тутъ кажется что-то странное, о чемъ онъ прежде и не думалъ, и будто-бы онъ теперь не знаетъ, какъ разрѣшить эту загадку. Слова эти такъ встревожили весь экипажъ, что всѣ матросы отъ страха не знали, что дѣлать, и почти оставили управленіе кораблемъ. Наконецъ, капитану пришла счастливая мысль направить ходъ корабля прямо на фантомъ повара, но ни одинъ человекъ не рѣшался взяться за руль. Вынужденный самъ исполнить эту работу, капитанъ приблизился

къ неизвѣстному призраку и открылъ, къ общему удовольствію и смѣху, что предъ кораблемъ плылъ не покойникъ-поваръ, надѣлавшій имъ столько хлопотъ, но просто кусокъ дерева, принадлежавшаго какому-нибудь разбитому кораблю и имѣвшій подобіе человѣка. Не догадайся капитанъ приблизиться къ мнимому привидѣнію — нѣтъ сомнѣнія, что это происшествіе сдѣлалось бы *происшествіемъ, которому были очевидные свидѣтели*, а эти свидѣтели не отказались бы даже подтвердить подъ присягою то, что они видѣли *своими глазами*, — и кто-нибудь, напримѣръ, докторъ Кернеръ, засвидѣтельствовавъ подписи очевидныхъ свидѣтелей, обнародовалъ бы это происшествіе во всеобщее свѣдѣніе; долгое бы время переходила эта исторія отъ одного легковѣрнаго расказчика къ другому, и не одинъ исправный и смѣлый, но суевѣрный морякъ, дрожалъ бы, можетъ-быть, отъ страха, слушая такое повѣствованіе... Кстаѣи о морякахъ: нѣкто былъ подверженъ морской болѣзни, которая перешла въ умственное помѣшательство. Движенія его глазнаго яблока были такъ неправильны, что онъ не могъ ничего ясно видѣть. Когда по этой причинѣ предметы въ глазахъ его колебались, а ноги не довольно твердо служили, то онъ имѣлъ привычку кричать: «море сильно волнуется» (*).

(*) American Journal of the medical sciences, vol. 5.

Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ человекъ принимаетъ одно лицо за другое. Весьма замѣчательное смѣшеніе лицъ рассказываетъ докторъ Драке : одинъ изъ его пацієнтовъ страдалъ умственнымъ помѣшательствомъ и конвульсіями : « Я былъ однажды свидѣтелемъ » говоритъ докторъ : « одного весьма замѣчательнаго помѣшательства въ умъ и чувствахъ моего больного ; однажды конвульсіи , которымъ онъ былъ подверженъ , только-что прекратились за нѣсколько минутъ до моего прихода . Когда я вошелъ въ комнату , то нашелъ его сидящимъ на краю постели и отчасти въ помѣшательствѣ ; я началъ просить его выпить принесенное мною лекарство , но онъ упорно сталъ отвергать мое предложеніе , увѣряя , что онъ совсѣмъ не боленъ . Наконецъ , послѣ многихъ убѣжденій , онъ согласился принять лекарство , однако съ условіемъ , если оно будетъ предписано докторомъ Драке . Напрасно я его увѣрялъ и старался доказывать , что я именно докторъ Драке ; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить словамъ моимъ , утверждая , что я докторъ С. . . . , который прежде лечилъ его домашнихъ . Видя , что никакъ не могу его разувѣрить и вывести изъ такого забавнаго заблужденія , я тотчасъ прибѣгнулъ къ хитрости , которая имѣла желанный успѣхъ : я взялъ шляпу , раскланялся , вышелъ изъ комнаты , такъ чтобы онъ могъ это видѣть , и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ опять съ большимъ шумомъ , причемъ всѣ тутъ находившіеся со мною раскланивались , какъ съ новопришедшимъ , и громко называли меня

докторомъ Драке. Я подошелъ къ постели больного, взялъ его за руку, и былъ имъ тотчасъ признанъ за доктора Драке, не смотря на то, что, за нѣсколько минутъ, онъ принималъ меня за другаго врача. Онъ сталъ мнѣ рассказывать довольно связно, что его хотѣли обмануть, призвавъ, для пользованія, доктора С...., благодарилъ меня за посещение и очень охотно согласился выпить лекарство, которое прежде никакъ не хотѣлъ принять отъ меня, когда я ему казался другимъ человекомъ. Вскорѣ потомъ лекарство мое стало дѣйствовать и умственное затмѣніе больного миновалось.»

Пьянство также производитъ родъ бреда (*delirium tremens*). Одинъ солдатъ, находясь въ такомъ состояніи, принималъ пользовавшаго его врача за своего вахмистра, котораго вѣроятно очень боялся (*). Одинъ ремесленникъ въ подобномъ припадкѣ садился съ ложкою въ рукѣ за столъ, на которомъ лежала раскрытая книга. Эту книгу онъ принималъ за блюдо съ кушаньемъ и прилежно черпалъ изъ пей ложкою, приговаривая притомъ, что рыба очень непріятна для вкуса (**). Одинъ молодой человекъ, недавно женившійся, приходилъ въ изступленіе каждый разъ, когда онъ замѣчалъ нѣжныя ласки между мужемъ и женою,

---

(*) Barkhausen — Beobachtungen über den Säuferwahnsinn etc. Bremen 1828. pag. 138.

(**) Ibidem, pag. 173.

потому-что въ каждой чужой женѣ воображалъ видѣть свою собственную. Одна дама, подвержен-ная частымъ истерическимъ припадкамъ, сидѣла безпрестанно подлѣ окошка, и какъ скоро замѣчала на небѣ какое-нибудь красивое облачко, то, принимая его за воздушный шаръ, начинала кричать изъ всѣхъ силъ: «Гарнерень! Гарнерень! возьми меня съ собою!» Одинъ кавалерійскій офицеръ, примѣчая на небѣ массу скопившихся облаковъ, воображалъ видѣть въ нихъ отрядъ войска, отправленнаго Наполеономъ въ Англію по воздуху, для высадки. Часто люди, страдающіе разстройствомъ умственныхъ силъ, собираютъ бережно и хранятъ тщательно камешья, битыя стекла и прочее, принимая ихъ за алмазы, жемчугъ, разные драгоценные камни и рѣдкія произведенія природы (*). Часто больные этого же рода принимаютъ тѣни за настоящія и дѣйствительныя существа. Нѣкто, одержимый ипохондріею, въ припадкѣ болѣзни схватилъ палку и, начавъ колотить ею по полу между стоявшей въ комнатѣ его мебели, добрался до гостиной, гдѣ въ это время были у него гости. Бросаемая на полъ мебелью тѣни онъ принималъ за мышей. За этими-то незваными гостями бѣгалъ онъ съ палкою изъ угла въ уголъ, стуча ею по полу подъ находившеюся въ комнатахъ мебелью, и, разумѣется, чѣмъ болѣе онъ бѣгалъ и колотилъ по полу, тѣмъ обманчивѣе для него была игра свѣ-

---

(*) Esquirol — Sur les aliénés.

та и тѣней, происходившая отъ отраженія горѣвшихъ въ комнатѣ свѣчей. А какъ тѣни отъ скорого движенія его безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто и казались ему множествомъ мышей, то и полагалъ онъ выгнать ихъ изъ комнаты стукомъ своей палки и крайне сердился, не видя успѣха въ своей работѣ. — Одинъ больной не хотѣлъ пить никакого вина, потому-что отражавшееся въ бутылкѣ изображеніе врача его онъ принималъ за своего брата, который будто-бы спрятался въ бутылку, что и поселило въ немъ опасеніе проглотить брата. — Одна молодая дама, находившаяся въ помѣшателствѣ, часто отказывалась вовсе отъ пищи, увѣряя иногда, что кушанье набито иглками, которыми она можетъ подавиться....

Однако, пора кончить это длинное письмо. Если бы мы жили въ нѣжномъ, остроумномъ вѣкѣ Демутье и Эмилии, я бы къ этимъ обманамъ зрѣнія присоединилъ описаніе другаго дѣйствія глазъ и насказалъ бы вамъ тысячу нѣжностей и учтивостей. Но мы живемъ въ вѣкѣ холодномъ, положительномъ, и теперь, чтобы занять васъ, я смѣло дѣлаю выписки изъ медицинской книги, и знаю, что вы за это на меня не посятуете. Въ будущемъ письмѣ поговоримъ о представленіи въ нашихъ глазахъ несуществующихъ предметовъ. Обѣщаю вамъ много страшнаго....

ПИСЬМО IV.

Я бы теперь долженъ описать вамъ, графиня, тѣ обманы зрѣнія, которые извѣстны подъ именемъ *галлюцинаціи*, и которые наиболѣе подавали поводъ къ разсказамъ о привидѣніяхъ. Но, можетъ-быть, вы спросите меня : чѣмъ могу я васъ увѣрить, что привидѣніе было дѣйствительно лишь обманъ зрѣнія?... Вопросъ довольно затруднительный. Часто, подверженный галлюцинаціи разсказываетъ о своемъ видѣніи такъ живо, такъ вѣроподобно ; иногда его можно уличить въ явномъ обманѣ, напримѣръ какъ Паскаля, который безпрестанно думалъ, что возлѣ него пропасть ; но бываютъ случаи, гдѣ повѣрка нашими собственными глазами не можетъ имѣть мѣста, напримѣръ, когда разсказываемое происшествіе, утверждаемое многочисленными свидѣтелями, случилось въ отдаленномъ отъ насъ времени или мѣстѣ ; иногда же, увы, мы должны умолкнуть просто отъ недостатка нашихъ свѣдѣній. Разумѣется, многое, что теперь намъ кажется чуднымъ, непонятнымъ, подверженнымъ сомнѣнію или полному отрицанію, будетъ дѣломъ понятнымъ и обыкновеннымъ для нашихъ потомковъ, точно такъ же, какъ чудесное и невѣроятное для древнихъ — нынѣ для насъ принадлежитъ къ числу вещей самыхъ обыкновенныхъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени, защищая свою промышленно-поэтическую теорію,

выходившую изъ предѣловъ возможнаго, и которая нынѣ сдѣлалась добычею исторіи (*), говорилъ: «Положимъ, что въ вѣкъ Августа кто-либо изобрѣлъ порохъ и компасъ, скрывъ свое изобрѣтеніе, въ-продолженіи двадцати лѣтъ трудился бы надъ его усовершенствованіемъ, и наконецъ дошелъ до того, что мы нынѣ называемъ артиллеріею, минами; вообразимъ, что изобрѣтатель предсталъ бы тогда предъ знаменитыхъ людей августова вѣка, держа въ одной рукѣ пороховой патронъ, а въ другой компасъ, и произнесъ бы слѣдующую рѣчь: «Мм. гг.! Этимъ чернымъ порошкомъ можно переменить всю тактику Александра-Македонскаго и Юлія-Кесаря; этимъ чернымъ порошкомъ я могу взорвать на воздухъ Капитолій (посредствомъ мины), за версту разрушить городскія стѣны (бомбы и проч. т. п.), въ одну минуту обратить весь Римъ въ развалины (взрывомъ большаго количества пороха), на разстояніи 500 шаговъ истребить всѣ римскіе легионы (артиллерія), уравнять силы самаго слабаго воина съ силой самаго сильнаго (ружье), наконецъ, помощію этого чернаго порошка я могу носить въ карманъ громъ и молнію (карманный пистолетъ); при пособіи же сего другаго орудія (компаса) я могу направить ходъ корабля, какъ днемъ, такъ и ночью, какъ въ тишь, такъ и въ бурю, терять берегъ изъ вида и не справляться съ звѣздами.»

(*) Фуррье.

Нѣтъ сомнѣнiя, что умные Мecenатъ и Агриппа, выслушавъ такую рѣчь, сочли бы оратора сумасшедшимъ, а между-тѣмъ въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова, которое бы нынѣ не относилось къ предметамъ самымъ простымъ и обыкновеннымъ. Таковы и мы въ-отношенiи къ нашимъ потомкамъ. Сколько такихъ явленiй, которыя нынѣ намъ кажутся невѣроятными, но которыя, можетъ-быть, дѣйствительно происходили, и которыя отвергаетъ лишь наше гордое невѣжество! До открытiя электричества, вѣроятно, благоразумные люди считали вздоромъ — рассказы о пламени, появляющемся иногда на верху мачтъ, которое древнiе назвали Касторомъ и Поллуксомъ; рассказы объ искрахъ, являвшихся на желѣзномъ шпигѣ, не помню, какой-то горы, и служившихъ для окрестныхъ жителей предвѣщанiемъ бури; до изобрѣтенiя термометра и гидрометра сколько разъ, можетъ-быть, деревенская помѣщица, занимавшаяся пряжею, бранила своихъ пряхъ, зачѣмъ иногда пряжа гладка, а въ другое время шершава, и причисляла — (вѣроятно и до-сихъ-поръ причисляетъ) — къ сказкамъ увѣренiя работницъ, что въ сухую погоду пряжа шершавится. Теперь все это понятно и не должно возбуждать ни чьего удивленiя.

Нѣтъ сомнѣнiя, что многiя изъ такихъ явленiй, которыя мы нынѣ приписываемъ суевѣрiю и предрасудкамъ, нѣкогда войдутъ въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ. Вы вѣрно слышали о знаменитомъ графѣ Сен-Жерменѣ; много рассказывается о немъ

пустаго ; но нѣтъ сомнѣнiя , что этотъ знаменитый шарлатанъ обладалъ большими для его времени свѣдѣнiями ; если почеть девяносто-девять изъ всего рассказываемаго о немъ ложнымъ , то все останется одна сотая происшествiй , которыя могли случиться , и которыя , между-тѣмъ , не объяснены . Вспомните , что Робертсона , котораго фангасмагорiя и гальваническiе опыты нынѣ такъ извѣстны , за тридцать лѣтъ считали не въ шутку колдуномъ , не смотря на то , что онъ обыкновенно начиналъ свои представленiя объявленiемъ , что онъ не колдунъ , а только естествоиспытатель . Что было бы , если-бы онъ выдавалъ себя за колдуна ? Графъ Сен-Жермень , напротивъ , любилъ окружать себя таинственностiю , но почти нѣтъ сомнѣнiя , что онъ зналъ много такого , чего и нынѣ мы не знаемъ . Явленiя такъ-называемаго животнаго магнетизма для насъ теперь если не ясны , то явны . Вообще , вся жизнь этого человѣка заслуживаетъ больше вниманiя , нежели какъ то обыкновенно полагаютъ . Вотъ вамъ одинъ изъ мало-извѣстныхъ о немъ анекдотовъ , но имѣющiй почти-историческую достовѣрность :

Въ началѣ XVIII го вѣка , жилъ въ Парижѣ человекъ очень богатый , по имени Дюма ; въ томъ источникѣ , изъ котораго я почерпаю это свѣдѣнiе , означены подробно его званiе , улица и домъ , въ которомъ онъ жилъ ; я почитаю здѣсь излишнимъ входить въ эти подробности . Семейство Дюма состояло изъ сына и дочери ; сверхъ того , въ домъ на-

ходилаь работница, завѣдывавшая домашнимъ хозяйствомъ.

Дюма за его богатство обвинили, по тогдашнему обычаю, въ магіи и сношеніи съ духами; этотъ слухъ наиболее подкрѣплялся тѣмъ, что у Дюма въ верхнемъ этажѣ дома находилась комната, откуда хозяинъ наблюдалъ звѣзды и вычислялъ, по правиламъ астрологіи, вліяніе звѣздъ на судьбу рожденныхъ подъ тѣмъ или другимъ созвѣздіемъ. Многіе приходили къ нему за этого рода свѣдѣніями.

Каждую пятницу, ровно въ три часа послѣ обѣда, Дюма уходилъ въ таинственную комнату, и запирался на замокъ; вслѣдъ за тѣмъ, каждую же пятницу слышались на улицѣ тяжелые шаги огромнаго мула, который останавливался у воротъ волшебнаго дома. Этотъ мулъ могъ бы почесться красивѣйшимъ животнымъ въ свѣтъ, еслибы на лѣвомъ боку не имѣлъ широкой кровавой раны отвратительнаго вида. На этомъ мулѣ сидѣлъ человекъ, неуступавшій ему ростомъ и дородствомъ, гордый и важный видомъ; но на лбу его видны были три столь красные живые рубца, что ихъ можно было принять за раскаленные уголья; по крайней-мѣрѣ, такъ всѣмъ казалось, ибо при видѣ страшнаго всадника, проходящіе отворачивались и закрывали глаза.

И всадникъ и его мулъ, въ теченіи тридцати лѣтъ (Дюма было девяносто лѣтъ) являлись по пятницамъ постоянно, и никто не зналъ, откуда

они пріѣзжали, ни куда отправлялись; потому-что если и слѣдовали за ними, что случалось довольно часто, ихъ теряли всегда изъ вида въ окрестностяхъ кладбища des Innocens. Всадникъ, пріѣзжая къ Дюмà, оставлялъ мула на дворѣ непривязаннымъ; самъ же, безъ доклада, отправлялся въ верхнюю комнату, отпиралъ, не постучавшись, дверь, внутри и снаружи обитую желѣзомъ, и заперлся съ хозяиномъ на часъ времени; потомъ сходилъ одинъ, садился на мула и уѣзжалъ во всю прыть. — Дюмà выходилъ гораздо позже, уже къ вечеру.

Такіе поступки возбудили различные толки въ сосѣдствѣ. Сынь Дюмà былъ уже не молодъ, ему было около пятидесяти лѣтъ. Каждый годъ собирались женить его, а между-тѣмъ онъ все оставался холостякомъ, какъ равно и сестра его въ дѣвкахъ, которой уже было сорокъ-пять лѣтъ, и которая была, по словамъ кумушекъ, большая ханжа, зла, и любила сплетни.

Самъ Дюмà пользовался необыкновеннымъ здоровьемъ. Ни немощи, ни морщины не обличали его старости; онъ былъ проворенъ и силенъ; говорили даже, что онъ постоянно пользовался благосклонностію нѣжнаго пола, и въ околѣдкѣ ходило множество о немъ на этотъ счетъ анекдотовъ; даже въ семь отношеніи, онъ считался человѣкомъ очень-опаснымъ.

Въ одно утро, *тридцать-перваго* декабря 1700, въ среду (замѣтьте, не въ пятницу), около десяти часовъ, послышались поспѣшныя, тяжелые шаги

большаго мула. Дюма случайно находился въ своемъ кабинетѣ. Незнакомецъ сошелъ съ мула, по обыкновенію, безъ доклада явился предъ тѣмъ, кто вѣроятно не ждалъ его вовсе, потому-что, при видѣ незнакомца, старикъ вскрикнулъ съ ужасомъ. Между ними поднялся споръ; оба говорили горячо; споръ длился. Наконецъ, таинственный вздохъ вышелъ изъ комнаты, и мулъ помчалъ его съ такою быстротою, что сосѣди утверждали, будто не могли слѣдовать за нимъ глазами.

Когда старикъ Дюма сошелъ въ свою очередь, дѣти насилу могли узнать его. Это не былъ уже прежній сильный и крѣпкій старикъ : смерть была напечатлѣна на его лицѣ блѣдномъ, холодномъ, изрытомъ морщинами; глаза потухли. Онъ объявилъ сыну и дочери, что не станетъ обѣдать съ ними, и вскорѣ изъявилъ желаніе возвратиться въ свою тайную комнату; онъ не могъ уже взобраться туда одинъ, и сынъ и дочь должны были взять его подъ руки и встлщить по лѣстницѣ, по которой, казалось, онъ бы не могъ и сойти безъ помощи. Ему замѣтили это, и онъ приказалъ прійти за нимъ въ четыре часа. Сынъ, по приказанію Дюма, заперъ дверь снаружи и взялъ ключъ съ собою.

Что происходило въ этой комнатѣ, неизвѣстно. Въ четыре часа, въ комнату сына вошелъ какой-то проситель, имѣвшій дѣло до его отца; сынъ попросилъ его помочь ему свести старика внизъ; отперли дверь, вошли — комната была пуста : Дюма исчезъ.

Всѣ поиски были тщетны. Призвали архитекто-

ровъ, каменщиковъ, столяровъ, плотниковъ, печниковъ, осмотрѣли и обшарили весь углы и стѣны комнатки, но не нашли никакого слѣда потаеннаго выхода, и самые дѣятельные розыски полиціи ничего не могли открыть въ этомъ необыкновенномъ похищеніи.

Тогда подозрѣніе пало на дѣтей Дюма. Они раздали большія суммы, чтобы доказать свою невинность, и тотъ и другая умерли, не получивъ никакого свѣдѣнія объ участи отца своего. Съ-тѣхъ-поръ ѣздокъ, въ теченіи тридцати лѣтъ еженедѣльно посѣщавшій старика, не являлся болѣе; мало-по-малу все это дѣло забыли. Между-тѣмъ, воспоминаніе о немъ не совершенно изгладилось, и вотъ что случилось пятьдесятъ лѣтъ спустя:

Маршалъ Вилльруа, весьма наклонный къ суевѣрію, часто рассказывалъ своему царственному воспитаннику Лудовику XV разныя повѣсти о духахъ и привидѣніяхъ. Первые впечатлѣнія дитяти никогда не изглаживаются. Сдѣлавшись королемъ, Лудовикъ XV слушалъ съ удовольствіемъ подобные рассказы, и даже не отказывался отъ вызыванія духовъ.

Въ числѣ страшныхъ исторій, которыя въ молодости наиболѣе нравились королю, рассказъ о скрывшемся Дюма наиболѣе поражалъ его. Онъ любилъ вспоминать объ этомъ происшествіи, и наблюдалъ, какое дѣйствіе оно производитъ на слушателей. Однажды король рассказалъ его въ присутствіи графа Сен-Жермена. Графъ вызвался найти

развязку исторіи Дюмà и объяснить подробности, оставшіяся неизвѣстными. Маркиза Помпадуръ слышала этотъ разговоръ, приняла участіе въ предложеніи графа и упросила короля дозволить ему открыть таинственныя происшествія. Прочіе собесѣдники пристали къ ней, и графъ долженъ былъ исполнить свое предложеніе.

«Сейчасъ, ваше величество» сказалъ онъ, поклонившись: «прошу только десять минутъ срока». Тогда съ большимъ хладнокровіемъ онъ сталъ чертить линіи, писать разныя алгебранческія и астрологическія фигуры и тщательно разсматривать; не прошло десяти минутъ, какъ онъ обратился снова къ королю:

«Ваше величество!» сказалъ онъ: «работники и мастеровые, искавшіе слѣдовъ Дюмà, или были подкуплены лицами, которыя хотѣли скрыть это дѣло, или они знали свое ремесло очень плохо. Вотъ что происходило въ одномъ углу комнаты подлѣ входа; одна половица была подвижная и скрывала лѣстницу, которая обходитъ всѣ комнаты; на концѣ лѣстницы родъ погреба; сюда отправился Дюмà, принявъ напитокъ, который возвратилъ ему силы; но здѣсь, выпивъ сильный пріемъ опиума, онъ заснулъ, и не проснулся болѣе.»

— Поэтому злой духъ посѣщалъ его? спросилъ король.

«Ваше величество,» отвѣчалъ графъ: «я не могу поднять послѣдней завѣсы, закрывающей эту тай-

ну, не подвергаясь, въ противномъ случаѣ, величайшимъ опасностямъ.»

Король замолчалъ и не сталъ болѣе разспрашивать графа; но г-жа Помпадуръ, болѣе любопытная, сообщила начальнику полиціи открытія графа, прося его немедленно учинить новыя розысканія на мѣстѣ. Начальникъ исполнилъ ея волю, что явствуется изъ дѣла, найденнаго въ архивахъ полиціи. Нашли подвижную половицу, лѣстницу, подземелье, и въ послѣднемъ, среди множества астрологическихъ и химическихъ инструментовъ, трупъ Дюма, еще покрытый одеждою. Онъ лежалъ на землѣ; подлѣ него находились черепки разбитаго агатоваго сосуда и хрустальной стклянки; на одномъ изъ черепковъ послѣдней сохранились еще слѣды опиума.

Во Франціи носились слухи, что развязка этой исторіи была придумана маркизою Помпадуръ и главнымъ начальникомъ полиціи, для забавы короля. Предположеніе болѣе странное, нежели самое происшествіе; развязка такъ многосложна, соединена съ столь многими физическими затрудненіями, что подлогъ могъ легко обнаружиться. слухъ о томъ дойти до короля, а такой обманъ не могъ представить никакой выгоды ни начальнику полиціи, ни самой маркизѣ. Впрочемъ, если это предположеніе и справедливо, то все останется неопытнымъ, куда дѣвался старикъ Дюма. Вѣрьте, или не вѣрьте этому разсказу, графиня, но на всякій случай замѣтьте, что въ этомъ происшествіи прекрасный предметъ для самой страшнѣйшей повѣсти.

ПИСЬМО V.

Въ последнемъ письмѣ, графиня, я вамъ разска- залъ происшествіе, при нынѣшнемъ состояніи на- шихъ свѣдѣній необъяснимое. Но, можетъ-быть, скажутъ : это происшествіе, отдѣленное отъ насъ цѣлымъ вѣкомъ, не должно обращать на себя вни- маніе и служить достаточною причиною для обви- ненія нашего вѣка въ невѣжество. Но вотъ вамъ другое происшествіе, случившееся два или три года тому назадъ, описанное людьми, донынѣ существу- ющими и заслуживающими полную довѣренность. Сіе происшествіе тѣмъ болѣе обратило на себя мое вниманіе, что его пытались объяснить донынѣ из- вѣстными законами природы, и что хотя нѣкото- рая часть таинственной завѣсы приподнята въ семъ случаѣ, до какой степени — судите сами. Въ 1837 году, г. Лэнъ, извѣстный англійскій писатель, про- ведшій лѣтъ семь въ Египтъ, издалъ книгу «An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians». Вотъ нѣкоторые отрывки изъ сей кни- ги вмѣстѣ съ замѣчаніями ученыхъ издателей «Quarterly Review».

Черная магія, эта собственность или, лучше ска- зать, эта вѣчная и непроницаемая тайна Египтянъ, сохранившая доселѣ свое существованіе на Востокъ со временъ фараоновъ, была постоянно предметомъ изслѣдованій и тщательныхъ наблюденій ученыхъ путешественниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй.

Тщетно многіе изъ нихъ пытались проникнуть въ этотъ чудный, загадочный, туманный міръ : тщетно любознательный умъ ихъ блуждалъ около непроницаемыхъ стѣнъ сокровищницъ восточной мудрости : тайна осталась тайною , и чары Египтянъ не перестаютъ доселѣ изумлять не только людей суевѣрныхъ , но и самыхъ опытныхъ , благоразумныхъ , холодныхъ .

Г. Лэнъ упоминаетъ о многихъ случаяхъ , которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ , и послѣ которыхъ онъ остался вполне-убѣжденнымъ въ дѣйствительномъ существованіи этихъ чудныхъ чарованій , такъ же точно , какъ и капитанъ лордъ Прюдо (Prudhoe), майоръ Феликсъ и Салтъ (Salt), бывшій въ Египтъ консуломъ , и многіе другіе. Всѣ они принесли дань изумленія симъ древнимъ , донынѣ-необъяснимымъ таинствамъ .

Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ упомянутой книги Лэна .

«Нѣсколько дней послѣ моего перваго пріѣзда въ Египетъ , г. Салтъ сильно возбудилъ мое любопытство разсказомъ объ одномъ обстоятельстве , касавшемся до магіи . У него пропали кое-какія вещи ; какъ онъ подозрѣвалъ людей своихъ въ покражѣ , то , чтобы застрашать ихъ и тѣмъ заставить самого вора сознаться , г. Салтъ послалъ за знаменитымъ чародѣемъ Мугреби . Чародѣй объявилъ , что онъ покажетъ точное изображеніе человека , укравшаго его вещи , какому-либо отроку , какого выберетъ самъ консулъ . Позвали одного

изъ мальчиковъ, работавшихъ въ то время въ саду. Чародѣй начертилъ перомъ на ладони правой руки ребенка какую-то діаграму, въ средину ея налилъ каплю чернилъ и приказалъ мальчику пристально смотрѣть въ эту каплю. Потомъ магъ сжегъ какія-то благовонія и нѣсколько лоскутковъ бумаги, исписанныхъ волшебными знаками; въ то же время сталъ называть различные предметы, повелѣвая имъ являться въ каплѣ чернилъ. Мальчикъ дѣйствительно объявилъ, что онъ видитъ всѣ тѣ вещи, наконецъ и изображеніе вивоватаго: мальчикъ описалъ подробно его ростъ, фигуру и одежду, и сказалъ, что онъ его знаетъ, бросился прямо въ садъ, и показалъ на одного изъ работниковъ; работника привели къ консулу, и воръ въ ту же минуту сознался въ своемъ проступкѣ». (Vol. I. pp. 546, 547).

Это открытіе не имѣло бы большой важности въ глазахъ нашихъ, — продолжаютъ издатели «Quarterly», — еслибъ на этомъ и остановилось могущество такъ-называемаго мага: мальчикъ былъ сосѣдній, онъ звалъ работника, и потому могъ знать, что онъ воруетъ, — все таки это любопытно; но несравненно любопытнѣе обстоятельство, которое вслѣдъ за этимъ рассказываетъ г. Лэнъ. Рѣшившись видѣть своими глазами все, что онъ слышалъ отъ г. Самта, онъ обратился къ переводчику, находившемуся при британскомъ консульствѣ, съ просьбою: привести шейха Абдель-Кадера-эль Мугреби, на котораго, казалось, сниспала магія древнихъ маговъ временъ фараоновъ, и котораго имя

знакомо всякому, кто читалъ прелестную сказку «Мугреби (*) Волшебникъ».

Предварительныя чары, состоящія въ сжиганіи ароматическихъ веществъ и коріандра, разумѣется, должно почитать пустяками, точно такъ же, какъ и жженіе лоскутковъ бумаги, исписанныхъ различными заклинаніями, каковы, напримѣръ, «туршунъ туріушунъ» — имена, какъ говорилъ магъ, знакомыхъ ему духовъ.

На этотъ разъ, мальчикъ былъ взятъ изъ толпы фабричныхъ, возвращавшихся въ то время съ работы, и слѣдственно не могъ имѣть предварительнаго сообщенія съ старымъ магомъ. Когда были сдѣланы всѣ приготовленія, сопровождаемыя различными таинственными движеніями, магъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ слѣвъ, и потомъ, обратясь къ мальчику, спросилъ его: «видитъ ли онъ что-нибудь въ чернилахъ?» Мальчикъ отвѣчалъ «нѣтъ»; но, спустя минуту, мальчикъ затрепеталъ, и какъ-бы испугался: «я вижу,» сказалъ онъ «человѣка, который мететъ землю». — «Когда онъ отмететъ, скажи мнѣ», продолжалъ магъ. Вслѣдъ за этимъ, мальчикъ отвѣчалъ: «онъ кончилъ». Тогда магъ снова, прервавъ свое бормотанье, спросилъ у мальчика: «знаетъ ли онъ, что такое значитъ флагъ?» и на

(*) *Мугреби* значитъ западный человекъ, -- рожденный въ Марокко или, по-большой-части, въ Мауританіи — странѣ Мавровъ. Въ этой области, гдѣ находились большія школы магіи, до-сихъ-поръ занимаются кабалястикомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Зам. изд. «Quarterly».

отвѣтъ его «знаю» велѣлъ ему произнести, не отвращая глазъ отъ чернилъ : «принеси флагъ». Мальчикъ исполнилъ его приказаніе и вскорѣ сказалъ : «онъ принесъ флагъ». — «Какого онъ цвѣта?» спросилъ волшебникъ ; мальчикъ отвѣчалъ «краснаго». Велѣно было потребовать другой флагъ ; исполнивъ это, мальчикъ вскорѣ объявилъ, что человекъ принесъ другой флагъ, и что тотъ былъ чернаго цвѣта. Такимъ образомъ было велѣно потребовать третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой ; и мальчикъ объявлялъ, когда они показывались, именуя цвѣтъ каждаго, какъ то : бѣлый, зеленый, черный, красный и синій. Потомъ волшебникъ спросилъ его : «сколько флаговъ передъ тобою?» — «Семь» отвѣчалъ мальчикъ. — Когда это все кончилось, магъ положилъ въ жаровню второй и третій лоскутокъ бумаги, на которыхъ были начертаны заклинанія ; насыпалъ еще благовоній съмени кориандра ; густой дымъ, поднявшійся съ угольевъ, былъ нестерпимъ для глазъ. Когда мальчикъ описалъ всѣ семь являвшихся ему флаговъ, волшебникъ велѣлъ ему сказать : «принеси султанскую палатку». Мальчикъ исполнилъ это, и, спустя короткое время, объявилъ, что нѣсколько человекъ принесли палатку, большую, зеленую, и что они ее раскидываютъ ; потомъ онъ прибавилъ, что они сняли ее. Вслѣдъ за этимъ, по командѣ мага, мальчикъ вызывалъ въ свое чернильное зеркало одни предметы за другими, какъ то : солдатъ съ палатками, которыя они разбили, а потомъ сняли и сами

стали въ ряды; за солдатами слѣдовали четыре человека, тащившіе быка, и трое другихъ, которые погоняли его; потомъ быка убили, разрѣзали на части, положили мясо въ печку, и сварили; солдаты съѣли мясо и вымыли руки. Послѣ того явился султанъ; онъ ѣхалъ къ ставкѣ своей верхомъ на сѣромъ конѣ; голова султана была покрыта высокою красною шапкою; онъ подѣхалъ къ ставкѣ и сѣлъ возлѣ нея; ему подали кофе, и кругомъ его явились придворные. Мальчикъ явственно видѣлъ всѣ эти предметы въ чернилахъ, по мѣрѣ того, какъ онъ по повелѣнію мага вызывалъ ихъ.» (Vol. I. pp. 312, 353).

Хотя этотъ мальчикъ былъ выбранъ самимъ г. Лэномъ, но все можно было подозрѣвать, что между имъ и магомъ существовала какая-нибудь связь; что предметы, которые будто-бы онъ видѣлъ въ чернилахъ, ему вовсе не являлись, а что мальчикъ выучилъ ихъ наизусть въ условленномъ порядкѣ. «Но мы совершенно убѣдились» говорятъ издатели Quarterly, «что между ими не могло существовать подобнаго сношенія». Дальнѣйшій рассказъ Лэна еще любопытнѣе:

«Магъ спросилъ меня, не угодно ли мнѣ будетъ приказать мальчику вызвать кого бы то ни было изъ моихъ знакомыхъ, разлученныхъ со мною или даже умершихъ. Я назвалъ лорда Нельсона, о которомъ мальчикъ, безъ всякаго сомнѣнія, никогда не слыхивалъ, ибо, послѣ многихъ попытокъ, онъ едва былъ въ состояніи произнести его имя. Магъ

приказалъ мальчику сказать султану : « господинъ мой тебѣ кланяется и проситъ тебя , чтобъ ты привелъ лорда Нельсона : покажи его взорамъ моимъ такъ , чтобы я могъ его видѣть ; поскорѣй ! » Мальчикъ исполнилъ приказаніе и немедля прибавилъ : « посланный ушелъ и воротился ; онъ ведетъ чловѣка , одѣтаго въ черное (*) европейское платье : этотъ чловѣкъ лишенъ лѣвой руки ». Потомъ промолчалъ минуты двѣ , и , всматриваясь пристально и внимательно въ чернила , мальчикъ прибавилъ : « нѣтъ , онъ не лишенъ лѣвой руки : она у него лежитъ на груди . Эта поправка придала болѣе точности описанію ; въ самомъ-дѣлѣ , у лорда Нельсона рукавъ обыкновенно былъ припиленъ къ груди ; но не лѣвая , а *правая* рука была у него оторвана . Не говоря , что подозреваю мальчика въ промахѣ , я спросилъ у мага , такъ ли въ каплѣ чернилъ являются предметы , какъ обыкновенно они являются взору , или навыворотъ , такъ какъ въ зеркалѣ , гдѣ правая сторона становится лѣвою . Магъ отвѣчалъ , что они показываются какъ въ зеркалѣ , и потому описаніе мальчика было безошибочно .

« Другое лицо , которое я велѣлъ вызвать , былъ египетскій уроженецъ , находившійся долгое время резидентомъ въ Англїи , гдѣ онъ носилъ европейское платье ; задолго передъ отъѣздомъ моимъ въ Египетъ , онъ захворалъ , и когда я оставилъ Ан-

---

(*) Новѣйшіе Египтяне называютъ темно-синій цвѣтъ *эсведъ* , что собственно значитъ *черный* ; потому и мы перевели его такъ . Зам. изд. «Quarterly» .

глію, онъ все еще лежалъ больной въ постели. Я думалъ, что имя его, слишкомъ-обыкновенное въ Египтѣ, можетъ сбить съ толка мальчика въ описаніи, хотя другой мальчикъ, въ первомъ посѣщеніи мага, и описалъ весьма-правильно то же самое лицо, сказавъ, что онъ носитъ европейскую одежду, и, судя по его описанію, она была похожа на ту, въ которой я видѣлъ его предъ моимъ отъѣздомъ изъ Англій. На этотъ разъ, мальчикъ сказалъ : «вотъ человекъ, несомнѣй на нѣкотораго рода носилкахъ и закутанный въ простыню. Судя по этому описанію, надо было предполагать, что этотъ Египтянинъ или все еще лежалъ въ постели, или уже умеръ. Мальчикъ прибавилъ, что лицо его закрыто; магъ сказалъ, чтобы онъ велѣлъ открыть его; мальчикъ исполнилъ приказаніе и сказалъ : «лицо его блѣдно; у него есть усы, но нѣтъ бороды». Все это было совершенно-справедливо. (Vol. I. pp. 354, 355).

Если предположить, по весьма естественному заключенію, что, послѣ обыкновенныхъ вызываній флаговъ, шатровъ, и султана, Англичаниву ближе всего пожелать вызвать герцога Веллингтона или лорда Нельсона, а Французу—Бонапарте или маршала Сульта, и что для этого кудесникъ предварительно приготовилъ какое-нибудь описаніе этихъ знаменитыхъ людей или по портретамъ, или по свѣдѣніямъ имъ собраннымъ, то кудесничество мага покажется мало-удивительнымъ. Но вотъ что не объяснимо : присутствовавшіе пожелали видѣть

Шекспира — и мальчикъ сдѣлалъ точное описаніе наружности сего поэта. Какъ можно предположить, чтобъ Египтянинъ зналъ Шекспира? Ни магъ, ни мальчикъ не имѣли, безъ-сомнѣнія, случая видѣть ничего подобнаго сдѣланному описанію, вѣрному и точному. Но и то могло быть, что кто-нибудь еще прежде просилъ волшебника вызвать великаго поэта, и что на первый разъ магія ошиблась; ибо, какъ говоритъ г. Лэнъ и другіе, не смотря на все могущество волшебника, ему однакоже случалось дѣлать промахи; неудачу онъ обыкновенно приписывалъ или неблагопріятной погодѣ, или глупости или лѣтамъ мальчика, и пр.; въ такомъ случаѣ, магъ, дорожа своею славою и народностью, вѣроятно употреблялъ всѣ средства, чтобы добыть гдѣ-нибудь изображеніе лица, въ изображеніи котораго онъ ошибался, — для избѣжанія неудачи въ другой разъ. Хоть это предположеніе можетъ быть допущено, но какимъ же образомъ могло быть передано это сходство портрета?—«Между магомъ и мальчикомъ», говоритъ г. Лэнъ, «не существовало никакого заговора, — я въ томъ совершенно увѣренъ, и потому — что мальчикъ, исполнившій роль, которую я описалъ выше, былъ выбранъ въ моихъ глазахъ между множествомъ другихъ проходившихъ по улицѣ, и потому, что онъ отвергъ подарокъ, который я впоследствии предлагалъ ему съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ сознался мнѣ, что онъ не видалъ въ чернилахъ тѣхъ предметовъ, которые будто являлись глазамъ его».

Такая же исторія была и съ другимъ мальчикомъ въ нижеслѣдующемъ случаѣ. Конечно, можно предполагать, что живописныя изображенія, или описанія гдѣ-нибудь добытыя, могли дать магу точное понятіе о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ; но какимъ образомъ волшебникъ могъ предварительно приготовить описаніе неизвѣстнаго человѣка, лежащаго въ саванѣ, или, напримѣръ, какъ объяснить слѣдующій случай, болѣе изумительный, нежели все вышеизложенное?

«Одинъ Англичанинъ, присутствовавшій при подобномъ гаданіи, насмѣхался надъ всѣми этими чудесами и объявилъ, что онъ до-тѣхъ-поръ не будетъ убѣжденъ въ ихъ дѣйствительности, пока не сдѣлаютъ ему вѣрнѣйшаго описанія его отца, о которомъ, какъ онъ былъ совершенно увѣренъ, никто изъ присутствовавшихъ не имѣлъ никакого понятія. Мальчикъ, назвавъ, какъ водится, по имени требуемую особу, описалъ человѣка, въ европейской одеждѣ, съ рукою приложенною къ головѣ, въ очкахъ, одной ногою стоявшаго на землѣ, тогда какъ другая нога его была приподнята назадъ, однимъ словомъ, въ положеніи человѣка, только-что сошедшаго со стула. Описаніе было совершенно вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Отецъ этого Англичанина, постоянно-страдавшій головою болью, обыкновенно придерживалъ голову рукою; что же касается до его ноги, то она была повреждена, послѣ паденія съ лошади на охотѣ.» (Vol. 1. pp. 356).

Тутъ уже не могло быть никакого предваритель-

наго сообщенія между мальчикомъ и магомъ, а главное то, что и самъ волшебникъ не могъ имѣть объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній. Можно допустить, что мальчикъ дѣйствительно видѣлъ все, имъ описываемое; такимъ же образомъ и самъ г. Лэнъ, еслибъ онъ былъ на мѣстѣ этого ребенка, могъ видѣть то же самое. Волшебникъ доказалъ это, приготовивъ однажды магическое зеркало изъ чернилъ на ладони одной молоденькой Англичанки, которая, посмотрѣвъ въ него немножко, сказала, что «она видитъ метлу, которая сама собою мела землю», и это ее такъ испугало, что она не хотѣла долѣе смотрѣть. Слушая рассказъ (нигдѣ непечатанный) лорда Прюдо и майора Феликса о чудныхъ дѣйствіяхъ египетскаго мага, мы полагали, что всѣ эти явленія были производимы посредствомъ тайнаго сообщенія мага съ мальчикомъ, такъ же точно, какъ то было съ говорящей куклой-женщиной и съ знаменитымъ игрокомъ въ шахматы; но это мнѣніе совершенно уничтожается рассказомъ г. Лэна. Впрочемъ, желая получить нѣкоторыя поясненія на счетъ предосторожностей, которыя онъ принималъ при сихъ таинственныхъ явленіяхъ, мы сдѣлали г. Лэну нѣсколько вопросовъ, какъ на примѣръ, о мѣстѣ дѣйствія, о томъ, внутри или внѣ дома производили опытъ; объ обществѣ, которое при этомъ собиралось, толпилось ли оно около его или иначе; какъ онъ самъ стоялъ относительно мальчика и мага, и многіе другіе вопросы, на которые онъ нисколько немедля и съ

подробностию отвѣчалъ намъ. Дѣйствіе, какъ видно, происходило въ маленькой гостиной въ 15 футовъ длины и десять ширины, и которую онъ описываетъ самымъ подробнымъ образомъ, со всею ея мѣбелю и убранствомъ; магъ посѣтилъ его вечеромъ. Лэнъ пишетъ :

«Общество наше состояло изъ мага, мальчика, Османъ-эфенди (переводчика при британскомъ консульствѣ) и меня. Въ смежномъ кабинетѣ никого не было, и туда нельзя было иначе попасть, какъ черезъ гостиную. Я былъ одинъ, когда явился магъ. Онъ прямо сѣлъ на диванъ, и долго сидѣлъ, почти не шевелясь; единственныя его приготовленія были заклинанія, которыя онъ начертилъ на бумагѣ, и которыя я тутъ же списалъ; потомъ велѣлъ онъ принести жаровню и благовоній. Я не сводилъ глазъ съ мага во все время его дѣйствій. Я сѣлъ возлѣ него по правую, Османъ по лѣвую сторону, а мальчикъ былъ поставленъ противъ мага на скамейку; передъ мальчикомъ была поставлена закрытая жаровня. Лѣвой рукою магъ держалъ его за пальцы правой руки, въ которой были налиты чернила; въ правой рукѣ магъ держалъ лоскутки бумаги и благовонія, которыя онъ по временамъ бросалъ на горящіе уголья; онъ строго приказывалъ мальчику ни на одну секунду не отводить глазъ отъ чернилъ во все продолженіе дѣйствія. Заставляя мальчика вызывать какое-нибудь лицо, я съ удвоеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за магомъ и Османомъ. Послѣдній, — я въ этомъ совершенно

увѣренъ , — не намекалъ ни словомъ , ни знакомъ ; да и къ тому же , лица , которыхъ вызывалъ мальчикъ по моей просьбѣ , были ему неизвѣстны . Я принялъ всѣ мѣры , чтобъ онъ не имѣлъ предварительныхъ сношеній съ мальчикомъ , и иногда даже случилось , что опытъ не удавался , когда Османъ могъ имѣть съ нимъ какое-нибудь сношеніе . Коротче сказать , нѣтъ предосторожности ; которой бы я не взялъ въ этомъ случаѣ . Здѣсь еще необходимо упомянуть весьма-важное обстоятельство , что мавританское нарѣчіе мага было мнѣ гораздо понятнѣе , нежели мальчику . Это нарѣчіе нельзя назвать чисто-мавританскимъ : это была какая-то смѣсь нарѣчій книжнаго , мавританскаго и египетскаго , такъ что магъ долженъ былъ перемѣнять слова свои , для того , чтобъ мальчикъ его понималъ .»

И такъ , мы можемъ сказать , что участвовали въ колдовствѣ только трое : магъ , жаровня со всѣми принадлежностями , и мальчикъ ; мы бы могли также принять чернила за четвертое средство чарованія ; но понятіе , которое мы составили объ этомъ дѣйствіи , придаетъ очень-мало важности черниламъ . Мы говорили , что волшебникъ могъ имѣть рисунки тѣхъ предметовъ , которые видѣлъ и описалъ мальчикъ ; но какимъ образомъ сей послѣдній могъ видѣть эти рисунки , когда ему было строго запрещено «отводить на одну секунду глаза свои отъ чернилъ въ продолженіе всего дѣйствія» . Это самое изъясняетъ , между прочимъ , почему мальчикъ долженъ быть извѣстныхъ лѣтъ : слишкомъ-

малый, онъ бы не умѣлъ объяснить видимые предметы; слишкомъ-взрослый — могъ упрямитъся, или, увлеченный любопытствомъ, посмотреть и на то, что, можетъ быть, ему и не слѣдовало видѣть. Нѣтъ сомнѣнiя, что хотя мальчикъ не видѣлъ рисунковъ, но видѣлъ предметы, на нихъ изображенные, и видѣлъ ихъ поередствомъ *отраженiя*, — это доказывается превращенiемъ въ магическомъ зеркалѣ правой руки лорда Нельсона на лѣвую. Но, можетъ-быть, самъ заклинатель безъ намѣренiя допустилъ это. Признанiе мага г. Лэну, что предметы являются мальчику какъ въ зеркалѣ, можетъ повести къ нѣкоторой разгадкѣ этой тайны. Постараемся объяснить наше предположенiе: отражаемые предметы картины могли являться въ вогнутомъ зеркалѣ, прикрѣпленномъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь къ одеждѣ мага, и скрытомъ въ складкахъ широкой и неуклюжей верхней его мантии; жженiе благовонiй, корiяндра и лоскутковъ бумаги, отъ времени до времени повторяемое, должно было безпрестанно усиливать какъ жаръ, такъ и облако дыма подъ самыми глазами мальчика, куда и могли переходить всѣ изображенiя, ибо г. Лэнъ говоритъ, что волшебникъ, жаровня и мальчикъ находились въ одномъ направленiи и могли имѣть сообщенiе; такъ какъ первый держалъ крѣпко пальцы мальчиковой правой руки, то и могъ, управляя имъ по произволу, наблюдать, чтобъ фокусъ отраженiя упадалъ въ магическое чернильное зеркало; а строгое запрещенiе мальчику подымать глаза было дѣ-

лано безъ сомнѣнія съ тѣмъ умысломъ, чтобъ не допустить его видѣть то мѣсто, откуда проистекала лучъ отраженнаго свѣта. Всѣ эти штуки могли быть легко устроены такъ, что ни г. Лэнъ, ни Османъ этого не подозрѣвали и не замѣтили, потому-что они сидѣли за зеркаломъ, а дѣйствіе производимое этимъ зеркаломъ, извѣстно всѣмъ. Сирь Давидъ Брустеръ (Bruster), въ своихъ письмахъ о *натуральной магии*, говоритъ : «Вогнутое зеркало есть главный инструментъ волшебника и всегда играетъ важную роль во всѣхъ оптическихъ обманахъ; поверхность этого зеркала эллиптическая; если какой-нибудь предметъ изображенъ въ одномъ фокусѣ эллипса, то въ другомъ фокусѣ этотъ предметъ является въ обратномъ видѣ и покажется зрителю, посаженному на извѣстное мѣсто, висящимъ на воздухъ, такъ что, если зеркало и настоящій предметъ, отраженный въ немъ, скрыты отъ взора присутствующихъ, то явленіе это можетъ показаться сверхъ-естественнымъ. «Посредствомъ этихъ-то зеркалъ» говоритъ Брустеръ : «жрецы капищъ языческихъ вызывали боговъ, и привидѣнія являлись посреди дыма, подымавшагося съ куреній.» — Необыкновенныя дѣйствія подобныхъ заклинаній описаны знаменитымъ Бенвенуто-Челлини, который самъ былъ въ одномъ изъ нихъ участникомъ : «Цѣлые легионы духовъ» говоритъ онъ «явились, по повелѣнію волшебника, посреди дымной атмосферы обширнаго покоя»; короче, посредствомъ того же самаго зеркала, нѣсколько лѣтъ тому на-

задъ показывали въ фантазмагоріи жителямъ Лондона друзей ихъ, разлученныхъ съ ними, или умершихъ. Какъ же намъ не предположить, чтобы уроженецъ страны, славившейся въ древности своими заклинателями, не имѣлъ понятія о вогнутомъ зеркаль?

Итакъ, полагаемъ, что мы успѣли приподнять нѣсколько завѣсу этихъ таинствъ; но еще о многомъ мы не можемъ сдѣлать никакихъ догадокъ. Мы не можемъ сдѣлать никакого заключенія о средствахъ, какія употреблялъ волшебникъ, чтобы произвести изображенія лицъ частныхъ, иеимѣющихъ никакой извѣстности, какъ то случилось въ присутствіи г.Лэна и лорда Прюдо. Намъ остается только замѣтить, что тутъ воображеніе могло играть главную роль и весьма способствовать очарованію; но и эта мысль уничтожается, когда подумаемъ о характерѣ тѣхъ лицъ, которыя были свидѣтелями этихъ чудесъ».

Прибавимъ къ замѣчаніямъ ученыхъ издателей «Quarterly», что куреніе само по себѣ могло играть значительную роль во всемъ этомъ представленіи. Нѣкоторые вызыватели духовъ прошедшаго вѣка, какъ открылось въ-послѣдствіи, употребляли въ куреніяхъ разныя одуряющія вещества, которыя могли всѣхъ присутствующихъ приводить въ нѣкоторый родъ помѣшательства. Когда-нибудь подробнѣе поговоримъ объ этомъ любопытномъ предметѣ.

О ВРАЖДѢ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ,

ЗАМѢЧАЕМОЙ ВЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

. . . . . Нѣжное растеніе Наука!

. . . . .
Чуть солнце опалитъ, мль чуть морозъ прохватитъ

. . . . . надолго

Къ землѣ наклонится она. За то

Какъ... корни глубоко въ землѣ раскинетъ...

Пружини государственныя ею,

Невидимыя, видимыя связи

Скрѣпятся, отвердѣютъ и ничѣмъ

Никто того ужъ царства не своротитъ.

Обязанность священна тамъ, и дорогъ

Покой общественный, и смерть за славу.

(ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ — въ Сценѣхъ мезъ Ею
жизни, соч. Полюдина.)

Нѣкогда находились въ русской литературѣ люди, которые осмѣливались утверждать, что Русскіе должны имѣть свою собственную литературу, по своему писать и по своему думать; литературная чернь смѣялась надъ этими умниками и со всеусердіемъ продолжала переводить Коцебу и Дюкре-Дюмениля. — Наконецъ, въ Европѣ люди съ талантомъ обратились къ отечественнымъ предметамъ;

національність была разработана во всѣхъ литературахъ; явились народныя историческія драмы и повѣсти. Посредственность потянулась вслѣдъ за талантомъ и довела историческій родъ до нелѣпости; въ настоящую минуту, не осталось почти ни одного порядочнаго великаго человѣка и ни одной части его платья, которые бы не были оклеветаны какимъ либо драматикомъ или романистомъ. Тогда догадались и наши такъ-называемые сочинители: попробовали — трудно; наконецъ взялись за умъ; раскрыли Исторію Карамзина, вырѣзали изъ нея нѣсколько страницъ, склѣили вмѣстѣ — и къ неописанной радости сдѣлали разомъ три открытія: 1-е, что такое произведеніе читатели съ небольшимъ усиліемъ могутъ принять за романъ или за трагедію, 2-е, что съ русскаго переводить гораздо удобнѣе, нежели съ иностраннаго, и 3-е, что, слѣдственно, сочинять совсѣмъ не такъ трудно, какъ прежде полагали. Въ-самомъ-дѣлѣ, смотришь — русскія имена, а та же французская мелодрама. И многіе, многіе пустились въ драмы и особенно въ романы; а критика — этотъ позоръ русской литературы — установила для нихъ произведеній особья правила. За недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, рѣшили, что настоящіе русскіе нравы сохранились между нынѣшними извощиками, и въ слѣдствіе того осудили какого либо потомка Ярославичей читать изображеніе характера своего знаменитаго предка, въ точности списанное съ его кучера; въ слѣдствіе тѣхъ же правилъ, кто употреб-

лялъ русскія имена, того критика называла національнымъ трагикомъ, кто безсовѣстнѣ выписывалъ изъ Карамзина, того называла національнымъ романистомъ, — и гг. А, Б, В, хвастались передъ читателями, а читатели радовались, что въ романъ нѣтъ ни одного слова, которое бы не было взято изъ исторіи; многіе находили это средство очень полезнымъ для распространенія историческихъ познаній. До-сихъ-поръ, все еще шло хорошо; но скоро историческій родъ наскучилъ въ Европѣ: тамъ опытные въ литературѣ люди обратились къ другой точкѣ зрѣнія; они посмотрѣли вокругъ себя, замѣтили много смѣшнаго, много грустнаго, вспомнили о романахъ, которые были въ модѣ у отцевъ нашихъ — и составился ново-старый родъ подъ названіемъ нравственно-сатирическаго. Но какъ быть? такъ много было писано въ этомъ родѣ! всѣ возможные пороки и слабости человека подробно описаны въ повѣстяхъ и выведены на сцену: скупцы, мизантропы, ревнивцы, завистники, невѣжды были нѣсколько разъ выворочены и наизнанку, и опять налице, и совсѣмъ износились. Что было дѣлать? Иностраннымъ романистамъ-сатирикамъ помогло просвѣщеніе. Да, мм. гг., просвѣщеніе! При быстромъ и многостороннемъ своемъ движеніи, проникая во всѣ классы народа, сдѣлавшись добычею людей различныхъ организацій, оно необходимо должно было произвести нѣкоторыя странности, собственно безвредныя и исчезающія въ исторіи. Мечты, казавшіяся

нелѣпостію и въ послѣдствіи оправданныя опытомъ, породили людей съ мечтами дѣйствительно нелѣпыми; кабинетные труды ученаго, обратившіеся въ постановленія для цѣлыхъ народовъ, породили толпу прожектеровъ, предлагавшихъ публикѣ неисполнимые законы для преобразованія общества; произведенія мрачнаго генія, возвысившаго презрѣніе къ людямъ до поэтическаго вдохновенія, произвели толпу людей, притворившихся несчастливymi въ этой жизни, какъ-будто бы они понимали другую, лучшую. — Во всемъ этомъ было много страннаго, много смѣшнаго и много драматическаго. Романисты не замедлили воспользоваться этими новыми предметами; въ это же время демократическій духъ повѣялъ на Европу; къ нему присоединился духъ партій — и изъ всего этого составился новый, дѣйствительно чудовищный родъ литературы, основанный на презрѣніи къ просвѣщенію, исполненный ребяческихъ жалобъ на несовершенство ума человѣческаго, ребяческихъ воспоминаній о счастливомъ невѣжествѣ предковъ, возгласовъ противъ философіи, противъ машинъ, и наконецъ исполненный преступныхъ похвалъ простотѣ черни и мужеству ремесленниковъ, разрушающихъ прядильныя машины. Этотъ родъ литературы явился въ Европѣ во всѣхъ возможныхъ видахъ: и повѣстей, и водевилей, и догматическихъ преній; одни хватались за него, какъ за средство сказать нѣчто противное общему здравому смыслу и слѣдственно все-таки нѣчто новое; другіе, по причи-

намъ вовсе не литературнымъ. Все это до нѣкоторой степени понятно въ престарѣлой Европѣ и имѣетъ свое значеніе. Но дошла очередь до нашихъ сатириковъ ; вмѣсто того, чтобы посмотреть въ-округъ себя, углубиться въ отечественные нравы, въ нихъ отыскать имъ свойственныя оригинальныя черты, способныя быть перенесенными въ міръ литературный, — они, поставленные счастливою судьбою среди народа свѣжаго, юнаго, въ эпоху самую драматическую, какая только можетъ быть въ исторіи страны, эпоху сліянія народности съ общею образованностію, — наши сатирики не замѣтили ничего этого, а по старой памяти пустились въ подражаніе иностранцамъ : они напали... какъ вы думаете на что? На просвѣщеніе ! Какъ-будто это юное растеніе, посаженное мудрой десницею Петра и донинѣ съ такими усиліями поддерживаемое Правительствомъ и — извините — однимъ Правительствомъ, какъ-будто оно достигло уже полнаго развитія, утучнѣло, уже производитъ тѣ ненужные отпрыски, которые замѣчаются въ старой Европѣ !... Нѣтъ ; можетъ-быть, никогда духъ подражанія, владычествующій надъ нашею литературою, не былъ столько пагубенъ ! Не противъ злоупотребленія науки вооружились наши сатирики, но противъ самой науки ; забыты примѣры Фон-Визина, Капниста, Грибоѣдова, ихъ глубокое знаніе современныхъ нравовъ, ихъ вѣрный взглядъ на наши недостатки, ихъ благородное стремленіе... Отличительнымъ характеромъ нашихъ сатириковъ

сдѣлалось — попадать рѣдко и мѣтить всегда мимо. Два, три человѣка занимаются у насъ агрономією; благомыслящіе люди дѣлаютъ неимовѣрныя усилія, чтобы распространить прямое знаніе о сей наукѣ, которое одно можетъ отвратить грозящее нашимъ нивамъ безплодіе; два, три человѣка собираются толковать о философскихъ системахъ, по слуху извѣстныхъ нашимъ литераторамъ; такъ называемые ученые (т.е. между литераторовъ) съ грѣхомъ пополамъ щечатся вокругъ словарей и энциклопедій; а наши правописатели толкуютъ о вредѣ, происходящемъ отъ излишней учености, о вредѣ машинъ, пишутъ романы и повѣсти, комедіи, въ которыхъ выводятся на сцену какіе-то господа Верхоглядовы, не только не существующіе, но невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители — какъ-будто бы существованіе этихъ лицъ было характерною чертою въ нашемъ обществѣ! Названія наукъ, неизвѣстныхъ нашимъ сатирикамъ, служатъ для нихъ обильнымъ источникомъ для шутокъ, словно для школьниковъ, досадающихъ на ученость своего строгаго учителя; лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шампольионъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ, особенно Гаммеръ, снискавшіе признательность всего просвѣщеннаго міра, обращены въ предметы лакейскихъ насмѣшекъ, «лакейскихъ» говоримъ, ибо цинизмъ ихъ таковъ, что можетъ быть порожденъ лишь грубымъ, неблагодарнымъ невѣжествомъ. Отъ этого, созданія нѣкоторыхъ изъ на-

шихъ романистовъ до совершенной нелѣпости. Этого мало. Въ старой Европѣ ужасы конца XVIII столѣтія отозвались въ нынѣшней литературѣ по той же причинѣ, почему идиллическая и жеманная поэзія прежняго времени отозвалась въ вѣкъ терроризма (*). Такъ должно быть по естественному порядку вещей, ибо литература, вопреки общепринятому мнѣнію, есть всегда выраженіе прошедшаго; для многихъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ сочинителей эти ужасы суть воспоминанія дѣтства, а воспоминанія дѣтства всегда сильно дѣйствуютъ на сочинителя и невольно проникаютъ во всѣ его произведенія; отъ-того многіе изъ этихъ господъ углубились въ грустныя исключенія изъ общей жизни человѣчества и обработали ихъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большею или меньшею благопристойностію. Наши романисты не замѣтили этого хода нервической горячки; въ фанатизмъ подражанія не усомнились схватиться за это средство для поддержанія благосклонности публики, сколько было возможно, и нельзя безъ смѣха читать, какъ нѣкоторые изъ этихъ господъ, нападая безъ милосердія на французскихъ романистовъ, безъ милосердія же стараются перенять ихъ нелѣпый выборъ предметовъ, напыщенный, натянутый слогъ и даже самую неблагопристойность, все по мѣрѣ возможности. Фантастическій родъ,

---

(*) Извѣстно, что Робеспьерръ и компанія писали нѣжныя мадригалы.

на который была также мода въ Европѣ, и который, можетъ-быть, больше, нежели всѣ другіе роды, долженъ измѣняться по національному характеру, долженствующій соединять въ себѣ народныя повѣрья съ дѣвственною мечтою младенчества, — этотъ родъ цѣликомъ перешелъ въ наши произведенія и достигъ до состоянія настоящаго бреда съ тою разницею, что этотъ бредъ не есть бредъ естественный, который все-таки можетъ быть любопытнымъ, но бредъ, холодно перенесенный изъ иностранной книги. Наконецъ, демократическій духъ, составляющій особый колоритъ въ европейскихъ романахъ, также переселился въ наши романы; но у насъ обратился въ безусловныя похвалы черни и въ нападки на высшее общество, большею частію недоступное нашимъ сатирикамъ.

Легкость сочиненія такого рода подняла снизу всю литературную тину: люди едва знающіе грамоту, и люди знающіе ее, но безъ поэтическаго призванія, люди безъ всякаго образованія и люди съ знаніями достаточными для составленія словаря или азбуки, и которые могли бы быть весьма полезными въ этой части, — все пустилось въ сатирическія, историко-нравственныя и фантастическія произведенія разнаго рода. Въ этихъ произведеніяхъ не ищите убѣжденія, откровенности; не ищите новой точки зрѣнія, которая дѣлаетъ рассказъ занимательнымъ, если не по происшествію, то по-крайней-мѣрѣ по расказащику; не ищите тѣхъ глубокихъ изысканій, которыя поднимаютъ предъ

вами завѣсу съ старинныхъ нравовъ или съ тайныхъ движеній души современниковъ; не ищите того поэтического волшебства, которое, при недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ, угадываетъ прошедшее и настоящее; не ищите и простосердечнаго естественнаго описанія нравовъ и характеровъ; не ищите ничего дѣвственнаго, невольно вылившагося изъ души... Въ сотняхъ томовъ, вмѣсто силы — напыщенность, вмѣсто оригинальнаго — чудовищное, вмѣсто остроты — площадныя шутки, — и между-тѣмъ все чужое, все неестественное, все несуществующее въ нашихъ нравахъ.

Что же дѣлала критика?

А что за дѣло критикъ? Какая нужда ей, что литература принимаетъ такое гибельное направленіе? Развѣ оно помѣшаетъ сбыту дурныхъ книгъ? Напротивъ, поможетъ. Въдѣ критика сама *золотыхъ дгль мастеръ* (*); ея дѣло въ томъ, чтобы книги, т. е. собственныя ея, продавались: и въ этомъ она успѣваетъ. На просторѣ никто не мѣшаетъ ей называть себя Гёте, Байрономъ, увѣрять публику, что она одна, т. е. критика, заботится о ней, публикѣ; никто не мѣшаетъ критикъ въ случаѣ нужды изъяслять свое благоволеніе къ читателямъ, въ случаѣ нужды сравнивать лучшій талантъ въ Россіи (**), съ Поль-де-Кокомъ... Это все въ порядкѣ вещей, — и отъ критики другаго требовать

(*) Vous êtes orfèvre, monsieur Josse.

(**) Именно: Гоголя.

нѣчего, да и не слѣдуетъ: она занимается своимъ мастерствомъ; это мастерство прибыльно и будетъ прибыльно до-тѣхъ-поръ, пока не найдутся другіе мастера и не перечтутъ по пальцамъ всѣхъ хитростей своихъ собратій, а что всего важнѣе, докажутъ на опытѣ, что можно писать книги и не потворствовать развращенному вкусу и разрушительнымъ мыслямъ, что можно быть критикомъ и не имѣть въ виду лишь распродажи собственныхъ книгъ...

Любопытнѣе всего знать: что дѣлали читатели?.. А читателямъ что за дѣло? Были бы книги. Случалось ли вамъ спрашивать у дѣвушки, недавно вышедшей изъ пансіона: какую вы читаете книжку? «Французскую» отвѣчаетъ она; въ этомъ отвѣтѣ разгадка неимовѣрнаго успѣха многихъ книгъ скучныхъ, нелѣпыхъ, напитанныхъ площаднымъ духомъ. Да, наши читатели хотятъ читать, и потому читаютъ все: «лучшая приправа къ обѣду» — говорили Спартанцы — «голодъ». А нѣчего сказать, бѣдныхъ читателей подчуютъ довольно горькимъ зельемъ; но, впрочемъ, романисты и комики умѣютъ подсластить его, и это злое зелье многимъ приходится по вкусу. Вотъ какимъ образомъ это происходитъ. Вообразите себѣ деревенскаго помѣщика, живущаго въ степной глуши; онъ живетъ очень весело: поутру онъ ѣздитъ съ собаками, вечеромъ раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, а въ промежуткахъ проматываетъ свой доходъ въ карты; за то у него въ деревнѣ нѣтъ никакихъ новостей, ни англійскихъ плуговъ, ни экстирпаторовъ, ни школъ,

ни картофеля; онъ всего этого терпѣть не можетъ. Помѣщикъ не въ духъ, да и не мудрено: земля у него что-то испортилась: онъ твердо держится тѣхъ же правилъ въ земледѣліи, которыхъ держались и дѣдъ и отецъ его, — а земля и въ половину того не приноситъ, что прежде... чудное дѣло! Да еще къ большей досадѣ, у сосѣда, у котораго земля 30 лѣтъ тому назадъ была гораздо хуже, земля исправилась и принеситъ втрое болѣе дохода; а ужъ надъ этимъ ли сосѣдомъ не смѣялся нашъ добрый помѣщикъ, и надъ его плугами, и надъ экс-тирпаторами, и надъ молотильшею, и надъ вѣялкою? Вотъ, къ помѣщику прѣзжаетъ его племянникъ изъ университета, видитъ горькое хозяйство своего дядюшки, и совѣтуетъ... какъ бы вы думали?... совѣтуетъ подражать сосѣду, толкуетъ дядюшкѣ объ агрономіи, о лѣсоводствѣ, о чугунныхъ дорогахъ, о пособіяхъ, которыя правительство щедрою рукою предлагаетъ всякому промышленному и ученому человѣку. Дядюшкѣ это не по сердцу; съ горя онъ открываетъ книгу, которую рекомендовалъ ему пріятель изъ земскаго суда, съ которымъ онъ въ близкихъ связяхъ по разнымъ процессамъ. Дядюшка читаетъ — и что же? о восторгъ! о восхищеніе! Сочинитель, который напечаталъ книгу, и потому, слѣдственно, долженъ быть человѣкъ умный, ученый и благомыслящій, говоритъ читателю, или по-крайней-мѣрѣ читатель такъ понимаетъ его: «Повѣрьте мнѣ, всѣ ученые — дураки, всѣ науки — сущій вздоръ, знаменитый Гам-

мерть — невѣжда, Шампольионъ — враль, Гомфрїй Девн — вольнодумецъ, вы, милостивый государь, настоящій мудрецъ, живите по прежнему, раскладывайте гран-пасьянсъ, не думайте обо всѣхъ этихъ плугахъ, машинахъ, отъ которыхъ только разоряются работники, и отъ которыхъ происходитъ только зло: на что вамъ агрономія? она хороша тамъ, гдѣ мало земли; на что вамъ минералогія, зоологія? вы знаете лучшую науку — *правдологию...*» — И помѣщикъ смѣется: онъ понимаетъ остроу; онъ очень доволенъ; онъ дочитываетъ прекрасную книгу до конца. Когда заговоритъ племянникъ объ агрономіи, онъ обличаетъ его заблужденіе печатными строками, рекомендуетъ утѣшительное произведеніе своимъ собратіямъ, и у удивленнаго издателя являются неожиданные читатели; а между-тѣмъ, въ понятіяхъ добрыхъ помѣщиковъ все смѣшивается, вольнодумство съ благими дѣйствіями просвѣщенія, молотильня съ затѣями безпокойныхъ головъ, во всякомъ улучшеніи они видятъ лишь вредное нововведеніе, въ удовлетвореніи своему эгоизму и лѣни — *истинную истину*; настоящій русскій духъ они находятъ лишь въ мнѣніи своихъ крестьянъ о томъ, что не должно сѣять картофель, и что надлежитъ непременно оставлять третье поле подъ паромъ.

Такъ пагубно дѣйствуетъ пустое, дѣтское подражаніе иностраннымъ бреднямъ на нижніе слои общества; такъ невольно унижаютъ свое званіе писатели; такъ мало содѣйствуютъ они благимъ по-

печеніямъ правительства о нашемъ благомъ просвѣщеніи!

Эти наблюденія не должны оскорблять никого; мы не имѣли въ виду никого въ особенности, но лишь дѣйствіе, производимое на читателей нѣкоторыми изъ новѣйшихъ произведеній; нами руководило грустное, но справедливое и безкорыстное чувство. Будущее рѣшитъ, кто правъ и кто виновать въ этомъ случаѣ!..

1836.

Оглавленіе третьей части.

	Стр.
<i>I. Разказы путешественника.</i>	
Свидѣтель (1839).	5.
Привидѣніе (1838).	22.
<i>II. Опыты разказа о древнихъ и новыхъ преданіяхъ.</i>	
Игоша (1833)	43.
Необойденный домъ (1840).	47.
Санскритскія преданія.	57.
Смертная пѣснь (1824).	77.
Тѣни праотцевъ (1824).	—
Душа женщины (1841).	81.
Живой мертвецъ (1839).	81.
Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ (разказъ провинціала) (1835).	98.
<i>III. Отрывки изъ Пестрыхъ Сказокъ (1833).</i>	
Сказка о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Отношенью не удалось въ Свѣтлое Воскресенье поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ.	141.
Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ.	169.
Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить тобою по Невскому Проспекту.	171.
Та же сказка, только на изворотъ.	179.
Деревянный гость или сказка объ очнувшейся куклѣ и господинѣ Кивакелѣ.	195.
	208.
	213.

IV. Смѣсь.

Сцена изъ домашней жизни (1838).	225.
Хорошее жалованье, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе — Домашняя драма (1838).	231.
Письма къ Графинѣ Е. П. Р...й, о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ (1839).	307.
О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ (1836).	360.

Замѣченныя опечатки

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Должно читать :</i>
6.	13 съ низ.	Ты ли эти,	Ты ли это,
113.	14	жульковъ	жуликовъ
227.	8	вникните	вникаете
250.	2	лучше ты знаешь,	самъ ты знаешь,
255.	5	кончается	комкается
258.	1 съ низ.	мнѣ обезпечены не 40 тысячъ,	мнѣ обезпечены не только 40 тысячъ,
259.	10 съ низ.	подготовляю	подготовлю
261.	11	и потомъ набать	и пойдетъ набать
262.	6	— и вотъ	«и вотъ
265.	2	человѣку больше всего	человѣку прежде всего
267.	4	Ты правъ — послу- шай!	Ты правъ — но слу- шай!
270.	11	а не то у меня есть	а на то у меня есть
309.	6 съ низ.	Delvio	Delgio
309.	10	Линеля	Пинеля
310.	8	обыкновенное	обыкновенно
